

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Н.В. Долгова, В.Г. Ушакова

Социально-экологические факторы, влияющие на здоровье населения горных территорий (на примере Республики Алтай) (Проект № 08-0695880 м/Мл)

В процессе работы в ведущих библиотеках России было изучено свыше 300 работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных исследованию различных аспектов экологических и социальных проблем горных территорий.

Составлен каталог изученных работ по рубрикам:

1. Общие вопросы экологии горных территорий (250 источников);
2. Социальные проблемы населения, проживающего на горных территориях (30 источников);
3. Экологические проблемы и здоровье населения, проживающего в горах (15 источников);
4. Экологические проблемы некоторых горных территорий, горных массивов (5 источников).

Систематизация литературного материала по вышеуказанным рубрикам показала, что:

1. Наибольший удельный вес в объеме исследований горных территорий занимают работы общего характера, посвященные исследованию эколого-геохимических параметров в системе состояния окружающей среды. Наиболее важными в этом направлении являются классические работы А.П. Виноградова, В.В. Ермакова, В.В. Ковальского, М.А. Глазовской и др.

2. Значительное количество работ посвящено методическим аспектам оценки экологического состояния окружающей среды (методы исследований, методические рекомендации, общие подходы к организации исследований и интерпретации полученных данных).

3. Вопросы воздействия индивидуальных химических веществ на здоровье населения довольно полно представлены работами большого числа исследователей. Однако не все авторы учитывают экологический фактор, ограничиваясь исследованиями *in vitro* (А.П. Авцин, С.Ф. Тютиков, А.О. Войнар, А.В. Жолин, М.Г. Коломийцева и др.)

4. Большое внимание уделяется конкретизации частных проявлений тех или иных поллютантов техногенного происхождения, что, несомненно, важно для промышленно развитых регионов, источниками загрязнения окружающей среды являются многочисленные производства.

5. В меньшей степени освещена социальная координата, в системе медико-гигиенического мониторинга и здоровья населения, проживающего в горных регионах.

6. Практически не освещен вопрос комплексного анализа и оценки фактического экологического состояния, отдельно взятой горной страны, не

рассматриваются критерии и принципы построения комплексного подхода к организации экологических исследований с учетом индивидуальности и специфики проявления природных и техногенных факторов характерных для определенной территории. Имеющиеся в научной литературе работы по экологии конкретных горных стран (Урал, Кавказ и некоторые др.) не многочисленны и, в основном, направлены на исследование техногенных экологических воздействий (А.Г. Абдурахманова, З.Э. Пухаева, Е.А. Щербакова и др.) и проблем рационального природопользования.

7. Значительно менее изучено воздействие на окружающую среду природных загрязнителей, и еще меньше синергизм природного и антропогенного факторов в развитии экологических ситуаций, что, по-видимому, связано с определенными методическими трудностями.

Обобщающие работы по заявленной теме представлены исследованиями в области экологического зонирования территорий по степени их токсичности для биогеоценозов (Н.А. Богданов, В.А. Алексеенко, Э.К. Буренков, М.Ю. Белоцерковский, В.Б. Ильин, Е.П. Янин и др.).

Кроме того, критический анализ литературных данных показал, что основные положения геоэкологических оценок и методологические подходы комплексного решения экологических проблем, разработаны и апробированы, в основном, на равнинных территориях, как России, так и зарубежных государств. Таким образом, горные территории в этом аспекте остаются вне сферы интересов ведущих специалистов-экологов. В связи с этим первостепенной задачей представляется оценка приемлемости уже имеющихся теоретических и экспериментальных наработок для целей обеспечения эффективности комплексного мониторинга горных территорий в сочетании с исследованиями социальных и медико-демографических факторов.

В области прикладных исследований экологического состояния окружающей природной среды наибольший интерес представляют работы по экологическому зонированию, районированию и ранжированию территорий по степени воздействия токсикантов на естественные биоценозы, по экологическому нормированию и оценке риска воздействия химических веществ на различные объекты окружающей природной среды.

Анализ работ, в которых рассматриваются экологические проблемы природного характера, позволил установить, что они играют существенную роль в формировании экологической обстановки горных территорий, что обусловлено:

- выраженностью специфики биогеохимии (по сравнению с равнинными территориями), под влиянием которой формируется гидрохимия, химическая индивидуальность почвенного покрова и растительности, связанная непосредственно с локализацией месторождений, рудопроявлений и минерализацией тяжелых металлов;

- наличием природных биогеохимических барьеров, приводящих к аккумуляции, прежде всего, тяжелых металлов в природных биоценозах, что влечет за собой нарушение их естественной миграции, депонирование и концентрирование в различных объектах в количествах токсичных для экосистем;

- влиянием горных хребтов на глобальную миграцию опасных поллютантов антропогенного происхождения (хлорорганические пестициды, диоксины и фураны, полиароматические углеводороды, фенолы, тяжелые металлы и т.д.), выражающимся в осаждении этих веществ из воздушных потоков с осадками и накоплением в толще ледников, снежного покрова, донных отложений горных рек. Из депонирующихся среди химических веществ, мигрируя, формируют очаги аномалий с различным уровнем экологической опасности для экосистем и отдельных биоценозов.

Естественно, рассмотренные аспекты воздействия на экологическое состояние горных территорий предопределены географическим и климатическим своеобразием и специфичны для каждой конкретной горной страны. Однако, несмотря на это, горные регионы имеют ряд сходных черт, определяющих экстремальность условий проживания местного населения, что связано как с экологическими, так и с социальными проблемами.

На примере изучения медико-демографической ситуации в Горном Алтае (статистический сборник по Республике Алтай 2003-2008 гг.) установлено, что социальный статус населения горных территорий значительно ниже, чем населения проживающего на равнине. Это обусловлено отсутствием достаточного количества рабочих мест, влекущим рост безработицы. Так, занятость населения в высокогорных районах республики на 15-20 % ниже, чем в низкогорных. Население отдаленных горных районов в меньшей степени обеспечено медикаментами, витаминами. Рацион его питания менее разнообразен, обеднен свежими овощами и фруктами. У него нет выбора даже в использовании питьевой воды: в условиях практически 100% отсутствия централизованного водоснабжения население пьет природную воду со всеми ее химическими составляющими, а в отдаленных горных районах еще и не подвергающуюся никакому санитарно-гигиеническому контролю.

Социальные проблемы населения высокогорных районов республики сопряжены с еще более серьезными экологическими. Которые, как и в большинстве горных стран, имеют как природное, так и антропогенное происхождение.

Анализ данных многолетнего мониторинга химического загрязнения территории Горного Алтая (ежегодные доклады о состоянии окружающей природной среды Республики Алтай 2003-2008 гг.) позволил сгруппировать ксенобиотики природного и техногенного происхождения по их источникам.

Из всего спектра загрязнителей по признакам постоянного присутствия в природных объектах и высокого содержания (10-20 ПДК) были выделены приоритетные загрязнители, в список которых вошли тяжелые металлы (природные и техногенные), хлорорганические пестициды, ионы группы азота (NH_4^+ , NO_2^- , NO_3^-) фенолы и нефтепродукты. Природные химические загрязнители, преимущественно тяжелые металлы, имеют на территории Горного Алтая четкую локализацию, приуроченную к четырем основным рудным районам. Наибольшую экологическую опасность из всех проявляющуюся на территории Горного Алтая металлов представляет ртуть (Hg). В ходе выполнения полевых исследований аналитических работ было выявлено, что ртутным кинноварным месторождениям, рудопоявлениям и

минерализациям сопутствует таллий (Tl). Его изоконцентраты практически совпадают с территорией наибольшей плотности минералов Hg, достигая максимальных значений 25,0-30,0 мг/кг в районах цинково-медно-свинцовых проявлений в бассейнах рек Песчаная, Чарыш, Шаргайта. В этом случае Tl, наряду с Hg, может быть отнесен к опасным природным химическим загрязнителям региона. Кроме того, Tl поступает на территорию республики с трансграничным переносом выбросов горноперерабатывающих и обогатительных комбинатов Восточного Казахстана, на территории которого расположен Змеиногорский рудный массив с аномальным проявлением Tl. В рудах этого массива концентрация Tl колеблется в пределах 0,56-0,80 г/т, и зараженность руд Tl считается региональной.

Практически повсеместно в подземных водах и в почвах республики присутствует бериллий (Be). Аномальные концентрации этого элемента зафиксированы в почвах Кош-Агачского и Усть-Канского районов. Бериллий как и таллий является высокотоксичным элементом, вызывающим онкогенез у человека. По результатам проделанной работы написаны тезисы «Экологические и социальные факторы, влияющие на здоровье населения горных территорий (на примере Республики Алтай)», «Пути оптимизации проведения и управления экспериментально-теоретическими исследованиями экологического состояния горных территорий», подготовлена обзорная статья «Социально-экологические проблемы горных территорий» для участия в международной научной конференции в ГОУ ВПО «МГОУ», г.Москва.

Полученные в результате работы собственные экспериментальные данные в сочетании с литературными позволили определить направления дальнейших научных исследований на территории Республики Алтай:

- 1.Выявление причин ухудшения социально-демографической ситуации в регионе и составление перспективного прогноза ее динамики с использованием интегральных показателей экологического состояния воды, почвы, атмосферного воздуха и социального статуса населения.

- 2.Продолжение работ по многолетнему мониторингу загрязнения территории Республики Алтай химическими веществами с внедрением оценочного анализа воздействия техногенного и природного факторов на здоровье населения, выбор репрезентативных критериев и адекватных показателей для комплексной социально-экологической оценки сложившейся экологической ситуации в регионе.

3. разработка методических подходов к разработке системы природоохранных мероприятий и рекомендаций по снижению уровня негативного воздействия загрязнения окружающей среды опасными поллютантами на здоровье населения.

**Системный анализ и оценка социально-экономических и природных факторов, влияющих на здоровье населения горных территорий (на примере Республики Алтай).
(Проект № 08-06-95684и/Мл)**

В период стажировки был собран и обобщен доступный литературный материал по методологии экологического анализа и интерпретации полученных результатов прикладных исследований в области комплексной оценки воздействия социально-экономических и природных экологических факторов, влияющих на здоровье населения горных территорий. Полученные знания и опыт позволили систематизировать результаты собственных исследований, оценить их научный уровень и прикладное значение для региона.

В современных условиях критерием социального и экологического благополучия населения, проживающего на горных территориях, является уровень его здоровья, обусловленный спецификой, как производственной деятельности, так и природным биогеохимическим фактором.

Производственная деятельность, развитая в пределах горных территорий, достаточно узкопрофильна, ограничена и представлена, преимущественно, горнодобывающей и горноперерабатывающей отраслями. Обе эти отрасли сопряжены с существенным экологическим воздействием, проявляющимся в нарушении целостности ландшафтов (терриконы, хвостохранилища, складирование отходов) и в загрязненности объектов окружающей природной среды (ОПС) токсичными металлами, как добываемыми в качестве промышленного продукта, так и сопутствующими им. Вследствие этого возникают очаги высоких концентраций поллютантов постоянно и долговременно воздействующих на природу и человека. Как правило, в результате этих воздействий развиваются патологии и экологически обусловленные заболевания, как у взрослого, так и у детского населения.

Следует особо отметить, что производственная деятельность, развивающаяся в горных регионах, приурочена к промышленным месторождениям и оказывает негативное воздействие в пределах их провинций. Такие промышленно значимые провинции специфичны для каждой конкретной территории и немногочисленны.

Рудопроявления и минерализации отдельных металлов могут рассматриваться как природные источники этих ксенобиотиков, способные формировать очаги устойчивых воздействий на объекты ОПС и человека.

Критический анализ литературного материала показал, что каждый отдельно взятый горный регион обладает ярко-выраженной биогеохимической спецификой, которая обуславливает спектр приоритетных, особо опасных для здоровья населения поллютантов и возникающих под их воздействием патологий.

Так, в пределах Кавказского горного региона установлена связь онкозаболеваемости населения Республики Дагестан с высоким содержанием фенола и формальдегида в пределах газопроявлений и залежей газов нефтяного ряда (Бугаев, Курбанов, 1977; Абдурахманова, 2006), а также с концентрацией в почве, воде и растительности токсичных для человека кобальта и кадмия, которые, мигрируя по трофическим цепям поступают в ткани животных и далее в организм человека, где, накапливаясь, способствуют развитию новообразований.

В отличие от Республики Дагестан на территории Республики Алтай преобладают месторождения, рудопроявления и минерализации ртути (Hg). Так, в бассейне р. Чуя расположены Чаган-Узунское и Акташское месторождения, кроме того, в бассейне р. Сарасы находятся 4 небольших месторождения и около 20 рудопроявлений ртути, приуроченных к Сарасинской зоне разломов. В целом природные источники поступления Hg в окружающую среду покрывают треть территории Республики Алтай. В условиях Горного Алтая ртуть минерализуется в виде киновари, HgS. Среди сопутствующих элементов в киновари чаще всего встречаются: Se, Tl, Ga, Ge, Cd, Ag, Sb, As, Zn, Au, Cu, Pb, In. Ртуть редкий, сильно токсичный металл, ее кларк в земной коре составляет $4,5 \cdot 10^{-6}\%$ (Озерова, 1986). Фоновое содержание Hg в районе Чаган-Узунского месторождения варьирует от $3,2 \cdot 10^{-6}$ до $6,9 \cdot 10^{-6}\%$ (Оболенский, 1985 г). Региональный ртутный фон Горного Алтая составляет 0,045 мг/кг (Росляков, 1992).

Ртуть обладает уникальными экогеохимическими и экотоксическими свойствами, что обуславливает специфику ее миграции и трансформации. Среди других тяжелых металлов Hg имеет самый высокий показатель патологичности. Она вызывает острые неврологические, легочные, мозговые и печеночные нарушения, вызывает хромосомные изменения, являясь природным мутагеном.

Средние значения концентрации Hg в почвах за период исследования изменялись в диапазоне 0,03282-0,0413 мг/кг, что позволило считать усредненное значение, равное 0,0401 мг/кг, фоновым для значительной части территории региона. Наибольшие значения концентрации Hg отмечены для Улаганского района (Акташская ртутная провинция) – 0,0522 мг/кг и Кош-Агачского (Холзунское месторождение) 0,0518 мг/кг. Распределение Hg в почвах обследованных районов Республики Алтай представлено на рис 1.

Ртуть присутствует в поверхностных водах республики. Практически только для этого металла зафиксировано превышение ПДК в р.р. Катунь (2,1-3,4 ПДК), Урсул (1,5-2,0 ПДК), Чуя (5,0-9,0 ПДК). Концентрация Hg в подземных водах значительно выше, чем в поверхностных и превышает ПДК для питьевой воды ($0,0005 \text{ мг/дм}^3$), что характерно для водных источников, которые в высокогорных районах используются для питьевого водоснабжения.

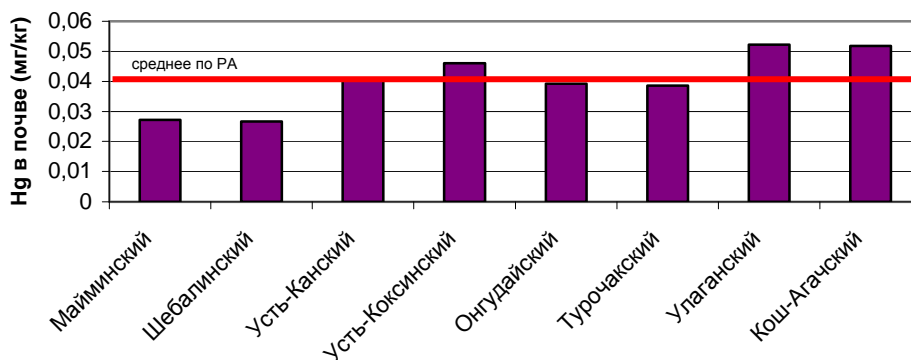

Рис. 1. Распределение ртути в почвах РА.

В процессе исследования выявлено, что ртутным кинварным месторождениям, рудопроявлениям и минерализациям сопутствует таллий (Тl). Его изоконцентраты практически совпадают с территорией наибольшей плотности минералов Hg.

Кроме того, Тl поступает на территорию республики с трансграничным переносом выбросов горноперерабатывающих и обогащительных комбинатов Восточного Казахстана, на территории которого расположен Змеиногорский массив с аномальным проявлением Тl. В рудах массива концентрация этого элемента колеблется в пределах 0,56-0,80 г/т, и зараженность руд Тl считается региональной (Иванов, 1966). Таким образом, на территории Горного Алтая суммируются два источника поступления элемента в объекты ОПС – природный и антропогенный (трансграничный), что значительно увеличивает его концентрацию. В биоту г. Горно-Алтайска Тl поступает с выбросами предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) при сжигании Кузнецких углей, в золе которых содержание Тl составляет 0,1-0,5 г/т. По негативному воздействию на организм (гонадотоксичность (а) и нейротоксичность (б)) таллий стоит на первом месте в убывающих рядах токсичных элементов: а) таллий-кадмий-ртуть-мышьяк-барий, мышьяк-барий, хром-никель-цинк; б) таллий-ртуть, свинец-серебро-барий-никель-хром-цинк. По воздействию на почки (нефротоксичность) этот элемент занимает третье место по в ряду: кадмий-ртуть-таллий, цинк-никель-хром-барий-серебро.

Практически повсеместно в подземных водах и в почвах республики присутствует бериллий (Be). Аномальные концентрации этого элемента зафиксированы в почвах Кош-Агачского и Усть-Канского районов. Бериллий как и таллий является высокотоксичным элементом, вызывающим онкогенез у человека.

Факт наличия Hg, Тl, Be объектах ОПС Горного Алтая послужили причиной проведения корреляции результатов изучения онкоэпидемиологической ситуации в республике с аномальными проявлениями Hg, Тl, и Be. Стандартизированный показатель смертности от

новообразований всех локализаций отчетливо коррелирует с аномальным распределением Hg, Tl в объектах ОПС, рис. 2,3.

Аналогичные корреляции установлены для онкозаболеваний трахеи, бронхов, легких и печени. Напротив, онкозаболевания крови и лимфы коррелируют с повышенными выбросами природного радона и естественной радиоактивностью. Высокое содержание Be в атмосфере г. Горно-Алтайска (0,2-7,0 ПДК) может являться одной из реальных причин высокой онкосмертности в городе.

Что касается других химических загрязнителей, в частности компонентов ракетного топлива и его производных, то сколько-нибудь отчетливо выраженных корреляций, отражающих связь ореолов их распространения в объектах окружающей природной среды со здоровьем населения нами не выявлено. Эти загрязнители проявляются в высокогорных, малонаселенных районах. Благодаря высокой химической активности они быстро трансформируются и утилизируются. Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов высокую токсичность ракетного топлива - несимметричный диметилгидразин (НДМГ) и окислителя N_2O_4 (тертраоксид азота), а также и их метаболитов, в особенности нитрозодиметиламина, являющегося выраженным канцерогеном. НДМГ и окислитель в виде аэрозолей могут распространяться на значительные расстояния в направлении преимущественных румбов «розы ветров», характерной для Алтайской горной страны. Оседая, аэрозоли загрязняют поверхностный слой почвы и растения, формируя при хроническом воздействии, места «локально-мозаичного» загрязнения территории. Выявление и оконтуривание таких мест, превращение их в естественные полигоны целенаправленного изучения воздействия НДМГ и N_2O_4 на биообъекты, изучение условий их трансформации в природных условиях должно явиться одной из первоочередных задач экомониторинга территорий, подверженных воздействию деятельности ракетно-космических комплексов.

Таким образом, горные территории в силу природной и производственной специфики сугубо индивидуальны. Здесь проявляются более высокие концентрации токсичных элементов, преимущественно тяжелых металлов, а также других природных поллютантов, представленных залежами и месторождениями. Все это увеличивает риск развития эколого-обусловленных заболеваний населения, проживающего в этих регионах.

Одновременно у коренного населения развиваются адаптационные процессы, позволяющие организму приспосабливаться к достаточно экстремальным условиям существования. Однако следует учитывать, что адаптация, как процесс приспособления организма к изменившимся условиям окружающей природной среды, зависит от временной координаты и связана, в основном, с *природным химическим загрязнением*.

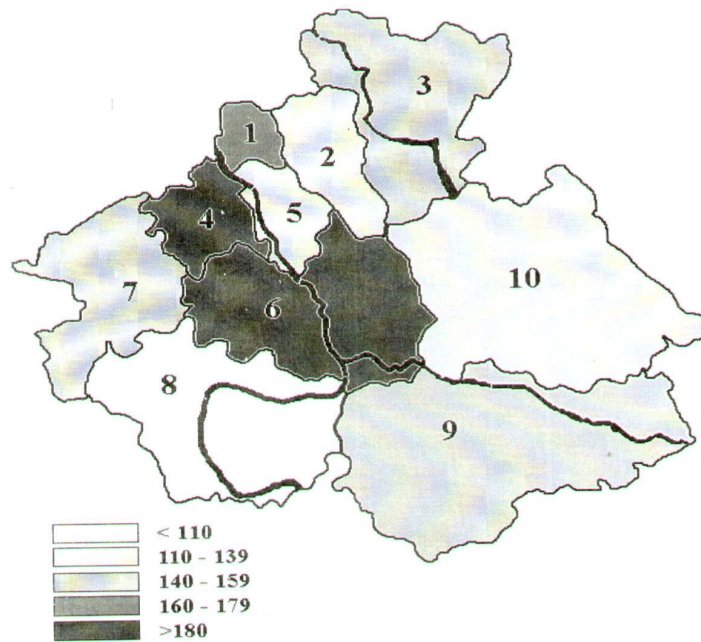
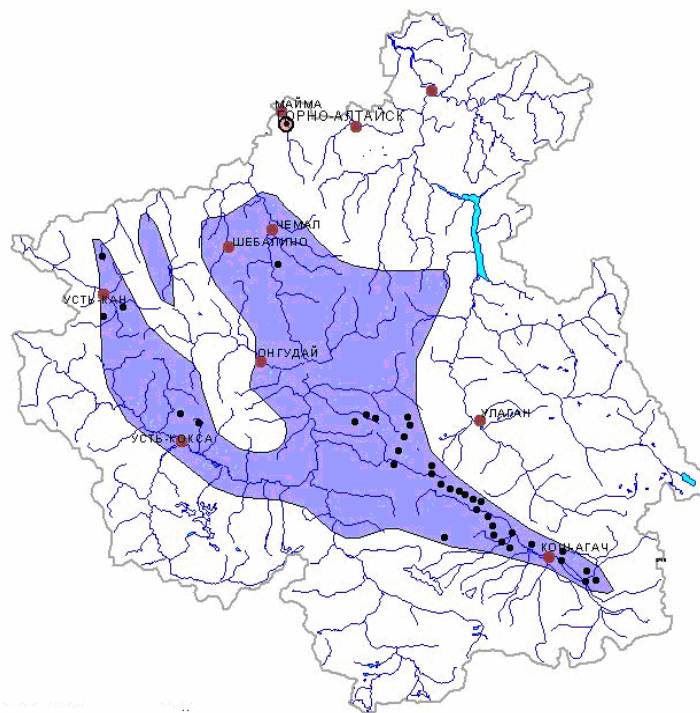

Рис 2. Распределение стандартизованного показателя онкосмертности населения по административным районам Республики Алтай за 1993-1998гг. (все локализации)

- месторождения и проявления ртути
- прогнозируемые области наибольшей плотности минералов ртути

Рис. 3 Наибольшая плотность минералов ртути

В результате длительного количественно неизменного или слабо варьируемого воздействия одних и тех же химических веществ у организма развивается приспособленность на основе изменчивости, наследственности и естественного отбора, т.е. формируются новые биохимические, физиологические, морфологические и другие адекватные новым условиям существования, механизмы, позволяющие популяции существовать в мире воздействия химических веществ природного происхождения. Так называемое привыкание к экзогенным воздействиям, свойственно для данной территории (региональный адаптационный фактор). Такая адаптация организма в целом зависит от ряда приспособительно-компенсаторных функций организма. В случае недостатка этих резервов может наступить непредсказуемый срыв и полное исчезновение адаптационной способности организма.

Развитие адаптационных механизмов напрямую связано с социальными проблемами. Так, стрессовые ситуации, вызванные ухудшением социальных условий (безработица, снижение уровня прожиточного минимума, алкоголизм, бедность, заболеваемость), могут резко снизить возможности адаптационной приспособляемости и привести к демографическому кризису. Не последнюю роль в этом могут играть природные катаклизмы, наиболее масштабно проявляющиеся именно в горных регионах (землетрясения, оползни, лавины и др.). В силу этого при комплексной оценке экологического состояния горных территорий и его воздействия на здоровье населения необходимо учитывать социальный фактор.

Полученные данные и результаты исследований по проекту позволили выработать ряд методологических подходов к оценке воздействия негативных экологических факторов на окружающую среду и здоровье человека, основными из которых являются:

- обеспечение комплексных многопрофильных исследований в единых пространственно-временных координатах применительно к наиболее напряженным в экологическом отношении горным территориям (в пределах региона);
- внедрение в практику мониторинговых наблюдений систематических аналитических исследований для создания оперативной достоверной базы данных по количественной динамике приоритетных токсичных поллютантов в объектах окружающей среды и особенностях их миграции;
- создание системы оперативного реагирования при оценке экологических рисков для регионов с высокой природной и техногенной нагрузкой.

В.И. Соёнов С.В. Трифанова

**Древние и средневековые археологические комплексы
Чуйской котловины
(проект № 08-01-61103а/Т)**

В отчетный период руководителем и основным исполнителем производились полевые и кабинетные работы по проекту, согласно заявленному плану.

По первому виду работ в полевой сезон 2008 года подготовлены и проведены экспедиционные исследования в Чуйской котловине, расположенном в Кош-Агачском районе Республики Алтай.

В 10 км к северо-западу от с. Ташанта обследован уникальный мегалитический комплекс «Чуйский тракт». Объект расположен у федеральной автодороги М-52. Географически данное место находится на юго-восточной оконечности Чуйской «степи», которая представляет собой довольно ровную поверхность, переходящую в 2 км южнее сооружения в невысокие и пологие холмы отрогов Сайлюгемского хребта. Мегалитический комплекс «Чуйский тракт» расположен на высоте 2 км по балтийской системе высот и состоит из уложенных по определенной системе камней, глыб и каменных выкладок. Самая большая глыба размерами 5,3х4,5х1,8 м.

Нами проведено изучение данного мегалитического комплекса: выполнена полуинструментальная съемка плана объекта, осуществлены определение горных пород, использованных для возведения сооружения и поиск местонахождения ближайшего коренного выхода этих пород, а также изучены рисунки, выбитые на камнях объекта.

Горные породы, из которых состоит объект, по всей видимости, представлены вулканогено-осадочными отложениями аксайской свиты девонского возраста (D_2 акс). Расстояние между камнями, глыбами и выкладками различное. Представляет интерес совпадение направления из центра объекта с некоторыми географическими характеристиками.

Основная гипотеза по сооружению мегалитического комплекса «Чуйский тракт»: камни принесены ледником, затем расставлены людьми согласно их замыслу (или только самые большие камни принесены ледником, а более мелкие – привезены людьми во время строительства объекта). Близких по облику скоплений больших камней и выходов подобных коренных пород рядом обнаружить не удалось.

Назначение мегалитического комплекса «Чуйский тракт» могло быть многофункциональным. Архитектурные особенности и некоторые географические характеристики объекта указывают на его явное календарно-астрономическое и культовое предназначение.

Часть петроглифов, выбитых на камнях, относится к бронзовому веку, ко II тыс. до н.э., но этот памятник функционировал и позднее, на протяжении многих столетий. Ряд наскальных изображений датируются пазырыкским

временем и средневековьем.

Мегалитический комплекс «Чуйский тракт» представляет собой большую культурно-историческую ценность в силу своей уникальности и грандиозности значения: это древнее сооружение содержит в себе много тайн, которые ждут разгадки. Окончательное решение вопросов транспортировки камней и возведения мегалитического комплекса, а также проблем назначения и функционирования требует дополнительных комплексных исследований с привлечением специалистов самых различных областей.

В 2,5 км к юго-западу от мегалитического комплекса «Чуйский тракт» при поиске выходов коренных пород, откуда могли происходить камни объекта, была обнаружена интересная каменная выкладка П-образной формы в плане.

На другом обследованном участке – на левом берегу р. Тархата, в 12-15 км к югу-юго-западу от с. Кош-Агач обнаружены 2 одиночных каменных кургана диаметром насыпи соответственно 11 и 12 м; курганный могильник, включающий 16 каменных курганов диаметром до 4 м, а также целый ряд каменных выкладок диаметром до 3 м.

В следующем полевом сезоне будут проведены раскопки выкладок и курганов на левом берегу р. Тархата. В результате этих исследований решатся вопросы о хронологической принадлежности и назначении подобных выкладок, распространенных по всей территории Чуйской котловины. Если будет подтверждена датировка гунно-сарматским временем тархатинского курганного могильника из 16 курганов, возможно, удастся решить проблему этнокультурной атрибуции керамических печей Юстыда и определить пути проникновения инокультурного населения в позднепазырыкскую среду.

Таким образом, полученные в 2008 году материалы различны по культурно-хронологической принадлежности. Предварительно они могут быть отнесены к археологическим культурам периода бронзы, раннего железа, гунно-сарматского времени и средневековья.

По второму виду работ изучалась опубликованная литература, а также археологические коллекции, неопубликованные отчетные материалы и диссертационные работы по теме исследования, хранящиеся в архивах Горно-Алтайского государственного университета, Алтайского государственного университета (г. Барнаул), Института алтаистики им. С.С.Суразакова, Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина, Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай.

По теме проекта опубликована одна научная статья, подготовлены и сданы в печать две статьи. О ходе и результатах работ по проекту опубликована в СМИ и размещена в Интернете одна статья. Под руководством В.И. Соёнова осуществляется подготовка кандидатской диссертации Е.А. Черепановой по теме «Древние и средневековые археологические комплексы Чуйской котловины: физико-географические закономерности расположения».

В течение осени производилась обработка материалов полевых работ; переделка полевых чертежей; подготовка текста отчета в отдел полевых исследований Института археологии РАН.

В начале 2008 г. проводилось обучение сотрудников и участников полевых и камеральных работ методике полевых исследований и камеральной обработки материалов; проводились инструктажи участников полевых и камеральных работ. В течение года читались лекции в Горно-Алтайском государственном университете с использованием результатов исследований по проекту руководителем проекта и основным исполнителем.

Результаты исследований по проекту и ход работ докладывались на Региональной научной конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2008 г.» (4-6 декабря, г. Барнаул, Барнаульский государственный педагогический университет), на Секции археологии XLII университетской научно-практической конференции (22 апреля, г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет), на заседаниях кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета.

Проведенные по проекту исследования расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая. Полученные результаты позволяют наметить планы дальнейших полевых исследований памятников Чуйской котловины на 2009 год.

Е.Е.Ямаева

**Наскальные рисунки эпохи средневековья: Уйгуры в Горном Алтае
(По материалам памятников долины Каракол).
(проект № 08-01-61106 а/Т)**

В наскальном искусстве Горного Алтая рисунки древних уйгуров относятся к разряду мало изученных. Наиболее интересные, с точки зрения графического изображения, памятники относятся исследователями либо к периоду кыргызского единого государства, либо к периоду собственно тюрков. Причиной тому, скорее всего, является отсутствие идентифицирующих признаков уйгурского искусства. В качестве типовых признаков искусства уйгуров признаются, как правило, в декоративном плане – обилие растительного узора, в сюжетном плане – наличие такого персонажа как дракон, выполненного в китайском стиле.

В 1996 г. мы исследовали ряд наскальных композиций святилища Бичикту-Боом Онгудайского района Республики Алтай. Речь идет о рисунке и надписи, выполненной темно-синей тушью по желто-красной поверхности. Рисунок нарисован на поверхности размером 50х40 см. Он не вошел в книгу о святилище Бичикту-Бом (Мартынов, Елин, 2006). Кстати, на этом экране мы обнаружили несколько известных рисунков Г.И.Чорос-Гуркина, опубликованных в научных изданиях. Несмотря на то, что стилистические и типовые сходства рисунков видны невооруженным глазом, но это надо еще доказать.

Итак, рисунок представляет собой сцену охоты. На нем изображена облавная охота с помощью соколов. На верхнем ярусе четко видно изображение трех всадников, а на нижнем ярусе – изображения 1 марала, 1

козла, 3 зайцев и 3 соколов. Все персонажи композиции ориентированы в одну сторону – слева направо, и все изображены в движении. Каждый из персонажей являет собой уникальный неповторимый рисунок, со свойственными ему чертами.

Из антропоморфных фигур в полном виде сохранилась только одна фигура, находящаяся в правом углу. Хуже всех сохранилось изображение средней фигуры. У него различимы высокая шапка, узкое лицо в профиль, круглые глаза, согнутое туловище, характерное для скачущей фигуры. Четко видны некоторые линии, в которых угадываются скачущий конь. Неплохо сохранилась третья фигура, нарисованная в левом углу. Поэтому есть смысл говорить только об этих двух фигурах.

Всадники. Первый всадник в правом углу держит спину прямо, придерживает коня за поводок и натягивает лук на ходу. Второй всадник в левом углу пустил коня вскачь, чуть откинувшись назад, держит в руках длинный предмет (?). На одной из фигур надета шапка типа берета, поля которой украшены полоской с вертикальными линиями. Головной убор и лицо второй фигуры вообще не сохранилось. На обеих фигурах надеты легкие, широкополые, ниже колен халаты или платья. Края одежды окантованы полосками – косыми и зигзагообразными; косые линии окантовки аналогичны узору шапки. Одежда имеет широкие рукава, которые, начиная от локтя, постепенно, к кистям рук зауживаются. Изящные, чуть развевающие от быстрого бега коня линии одежды говорят о том, что одежда сшита из легкого, возможно, шелкового материала. На талии она перетянута узким, возможно, кожаным поясом. К поясу прикреплен предмет типа колчана. Горлышко колчана, очевидно, богато орнаментировано; на нем видны маленький кружочек и крест. Колчан постепенно расширяется к низу. Под халатом или платьем нарисованы широкие шальвары, стянутые ремешком у щиколотки. Геометрическими линиями подчеркивается богатая орнаментация ткани шальвар. Обувь такая очень изящная, не загнутая носками вверх, напоминают на первый взгляд среднеазиатские ичиги. Фигура в правом углу натягивает лук. Стрела имеет правильной треугольной формы наконечник. Таким образом, на антропоморфных фигурах зафиксированы две формы шапки: одна – типа берета с загнутыми орнаментированными (косыми линиями) краями, другая – типа высокого орнаментированного, с перетянутыми украшениями тюрбана или конусообразной шапки.

Кони. Кони также красиво украшены и ухожены, как их хозяева. Прежде всего аккуратно уложены грива и челка. Они настолько ровно подстрижены или заплетены, так, что кажется, на них есть нагривенник. Трудно сказать, как убраны хвосты коней. Судя по рисунку коня в левом углу, хвост у него выглядит аккуратно, нарисован с помощью трех коротких полукруглых линий, что свидетельствует о том, что он подстрижен. Относительно седла можно сказать следующее. Потник имеет не квадратную форму, как он бывает у современных алтайцев, а с округлыми краями. Кроме того, на нем имеются непонятные линии (орнамент седел? что-то другое?). Примечательной является лука седла. В отличие от лука седла современных алтайцев, седло имеет небольшой выступ вперед, сделанный для удобства всадника, чтобы он мог держаться за него. Относительно породы коней

можно сказать то, что они определенно породистые. Наиболее примечательным элементом в изображении коней являются глаза – они напоминают половину миндаля, нарезанного поперек, т.е. треугольник. Глаза, безусловно, могут быть идентифицирующим признаком. Таким же признаком являются ноги. У второго коня нарисовано три ноги – две передние, каждый из которых нарисован тщательно, и две задние нарисованные вместе. Ноги у коней очень длинные и тонкие. Такие же изящные шеи.

Животные. Все животные, находящиеся в стремительном беге, нарисованы очень выразительно, каждый из них индивидуален и неповторим. Козел, несмотря на то, что нарисован схематично, имеет замечательной рог – наполовину он заполнен косыми линиями, наполовину – зигзагообразными. У марала нарисованы половина туловища и рога. Выразительная линия миндалевидных (также наполовину, как у коня) глаз резко выступают на прямом профиле лица. Другой характерной деталью рисунка является почти треугольная морда животного. Два ответвления рога выдвинуты вперед, почти параллельно нижней линии треугольника. Следующей, на наш взгляд, характерной деталью рисунка является обозначение границ шеи двумя дугами и заполнение этого пространства почти параллельными линиями. Две тонкие передние ноги животного изображены параллельно линиям рогов.

Самой примечательной частью композиции являются 3 сокола, преследующие 3 зайцев. Каждая линия этих птиц неповторима и в общей сложности они составляют изображения соколов удивительной красоты. Идентифицирующим (датирующим) признаком может стать манера изображения кончиков крыльев – крылья заполнены прямыми линиями (то параллельными, то ромбиком, крест-накрест), а концы их можно сравнить с развевающимися, привязанными к хвосту ленточками. Мягкий пушок на брюшке птиц обозначен полукруглыми линиями. На фоне прекрасных изображений соколов рисунки трех зайцев вряд ли можно считать красивыми. На туловище среднего зайца имеется полоска из двух зигзагов. На одном из зайцев обозначен аккуратненький, круглый хвостик. Выразительно нарисованы длинные уши, которые, словно трепещут от бега.

Уйгурский рисунок из Бичикту-Бома представляет собой удивительное явление в наскальном искусстве Горного Алтая. Самым характерным признаком рисунков уйгуров, пожалуй, следует назвать тщательное выполнение всех деталей композиции. Рассматриваемый нами рисунок почему-то не был зафиксирован Г.И.Чорос-Гуркиным, хотя он срисовал очень точно все другие фигуры, расположенные поблизости. Надо сказать, что антропоморфная фигура со сходным стилем изображения и элементами был обнаружен нами в местности Талда, что поблизости памятника Тыныскайак (Алкы-Таш). Удивительно, но рядом с этой фигурой имеется изображение зверя, напоминающего слона.

Вряд ли данный рисунок можно отнести к какой-нибудь другой древней культуре, кроме уйгурской. В пользу нашего утверждения служит материал о каменных изваяниях.

О каменных изваяниях уйгурского периода в Туве Н.А.Сердобов пишет следующее: «Изваяния уйгурского времени, как и тюркского, обращены на восток, но в отличие от последних не имеют ритуальных

оградок, характеризуются более тщательным исполнением и прорисовкой деталей, Узкогорлые сосуды поддерживаются двумя руками» (Сердобов, с. 93). По положению рук (1. держат сосуд двумя руками; 2. пальцы рук или руки направлены друг к другу) и по форме сосуда (сосуды, в самом деле, узкогорлые - с узким, удлиненным горлышком и высоким поддоном) мы выделили ряд каменных изваяний в каталоге В.Д.Кубарева в один тип, который условно обозначили как уйгурский – Кеме-Кечу (с.41), Кеме-Кечу (с.43), Кеме-Кечу (с.45), ЮОстыд (с.61), Ак-Товурак (с. 65), Терebetы (с.93), Тая (с. 150), Тая (с.153), Ногооннуур, Западная Монголия (с.171). Из них еще раз выделили три изваяния из Кеме-Кечу. На двух изваяниях запечатлены мужчины с одинаковыми головными уборами, напоминающими чалму (сс. 41, 45), причем только у одного из них имеется узкогорлый сосуд, который он держит двумя руками, а у другого сосуда нет, но имеются две линии вокруг шеи, внешне напоминающие кайму одежды или ожерелье (последнее более вероятно). Этот своеобразный головной убор, зафиксированный на каменных изваяниях, совершенно идентичен головному убору всадника из рассматриваемого нами уйгурского рисунка. На третьем каменном изваянии изображен человек с ожерельем на шее, при этом тщательно вырисованы отверстия на пластинках, составляющих украшение. В аспекте уйгурской проблемы можно интерпретировать интересные находки, сделанные Ямаевой Е.Е. в Онгудайском районе (Ямаева, 2003). Таковым является каменное изваяние, на котором запечатлен человек с ожерельем на шее, при этом, как и на изваянии в Кеме-Кечу, ожерелье представляет собой массивную цепь. Это каменное изваяние, рядом с которым нет каменной оградки, очевидно, принадлежит уйгурам. Подобные изваяния с ожерельем чаще всего встречаются в Синьцзян-Уйгурском АО КНР.

Уйгурская надпись не была прорисована по той причине, что технически невозможно было это сделать. Прорисовка букв от руки казалась тогда не совсем удачной мыслью, так как хотелось максимально точно передать буквы. Поэтому по просьбе автора была сделана видеосъемка рисунка и надписи сотрудниками ГТРК «Горный Алтай». Позже, однако, обнаружилось, что работники компании ГТРК «Горный Алтай» не сохранили надпись. От надписи на пленке осталось несколько букв. В следующий раз, когда автор статьи приехала, вооружившись видеокамерой, обнаружилось, что скала с рисунком раскололась и упала. Рисунки и надпись в настоящее время утрачены навсегда. В том, что надпись была уйгурской, нет никакого сомнения. Аналогичная надпись фигурирует на Яломанском рисунке, опубликованном Тишкиным (Тишкин, с.6).

В ходе дальнейших изучений петроглифов и письменности могут быть найдены новые интересные памятники. Что касается смежных, этнографических исследований, надо, для начала, четко разграничить этнические компоненты теле и хойху (уйгуры), затем рассматривать проблему в призма этногенеза современных алтайцев. Очень интересными могут быть исследования данной темы в области фольклористики и религиозного мировоззрения. В своем исследовании алтайского героического эпоса в свое время мы указывали на то, что монументальный эпос «Янгар» имеет первооснове именно уйгурской вариант сказки о брате и сестре, а затем уже

он как бы украсился монголо-ойратскими декорациями. Наши исследования показали, что изучение уйгурского периода в истории Горного Алтая может быть перспективным и иметь хорошие результаты.

Литература

- 1.Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая / В.Д.Кубарев. – Новосибирск.: Издательство СО РАН «Наука», 1984 – 230 с.
- 2.Мартынов А.И. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая / А.И.Мартынов, В.Н.Елин, О.М.Еркинова. – Горно-Алтайск.: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2006. – 346 с.
- 3.Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации / Н.А.Сердобов. – Кызыл.: Тувинское книжное издательство, 1971.- 480 с.
- 4.Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Древности Онгудайского района. – Барнаул.: Типография ООО «Азбука», 2006. – 6 с.
- 5.Ямаева Е.Е. Изваяние из урочища Согодек /Е.Е.Ямаева // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск.: Типография Горно-Алтайского государственного университета, 2003. – Вып. 1. – С. 90

В.С.Стародубцева

Применение имитационной динамической модели в исследовании налогового потенциала региона с учетом теневой экономики (на примере Республики Алтай) (Проект № 08-02-61201 а/Т)

В ходе проведенного исследования по заявленной теме первого этапа (2008 год) проведены предварительные эксперименты, которые показали работоспособность имитационной динамической модели экономики региона.

Балансовая нормативная динамическая модель экономики региона содержит описание следующих экономических агентов: трех секторов производства, домашних хозяйств, региональной банковской системы, Правительства региона и рынков продукции с учетом теневого оборота.

Разработана модифицированная модель, описывающая потенциал увеличения налогооблагаемой базы региона при снижении налоговых ставок и расширения объектов налогообложения с учетом теневой экономики. Разработаны параметры модели, идентифицированные по статистическим данным. В качестве определяющих производственных секторов экономики Республики Алтай использованы следующие отрасли: отрасли сельского хозяйства и деревообработки, отрасли пищевой и легкой промышленности, отрасли услуг, в частности, туристические.

Трехсекторная нормативная балансовая динамическая модель учитывает налогообложение и теневой оборот. Динамика материальных и финансовых балансов в модели задана изменением запасов продуктов, факторов производства и денег у выделенных экономических агентов. В

качестве региональных экономических агентов рассмотрены: Правительство региона G, секторы производства X, Y, Z, региональная банковская система B, домашние хозяйства H, внешние потребители и поставщики O, торговый посредник T. Отрасли экономики Республики Алтай разделены на следующие сектора: сектор X, как комплекс сельскохозяйственных и туристических отраслей, сектор Y, как комплекс научно-промышленных отраслей, включающий пищевую промышленность, науку, образование, сектор Z, как комплекс инфраструктурных отраслей, включающий строительство, транспорт и связь.

Идентификация параметров модели произведена за счет сравнения полученных при расчетах на модели временных рядов макропоказателей экономики региона соответствующими статистическими временными рядами. Численные эксперименты с моделью показали ее работоспособность, как в целом, так и ее отдельных частей, что позволит использовать данную модель и в дальнейшей работе. На основе проведенных расчетов установлено, что "теневой" оборот в инфраструктурном секторе Z стимулирует увеличение выпуска за счет снижения налогового бремени. Следовательно, для обеспечения уменьшением доли "теневых" оборотов в этом секторе важно снизить уровень его налогообложения. Численные эксперименты с идентифицированной моделью региональной экономики показали, что динамика макропоказателей экономики Республики Алтай существенно зависит от политики, проводимой Правительством региона.

После определения внешних параметров модели по статистическим данным Республики Алтай, проверена работоспособность модели в использовании имитационных экспериментов по определению влияния изменения налоговых ставок на соответствующие базы налогообложения для каждого из экономических агентов.

Л.И. Суртаева, Н.А. Тадина

**Сельскохозяйственный туризм и пути интеграции этнокультурного наследия в инфраструктуру Республики Алтай
(проект № 08-02-61202a/T)**

В течение 2008 года – первого года работы над проектом научной группой, возглавляемой Л.И. Суртаевой, в количестве 5 исполнителей (4 основных и 1 привлеченного) было проведено исследование специфики развития туризма и его перспектив, результаты которого были представлены в докладах Л.И. Суртаевой, Н.А. Тадиной, Т.С. Ябыштаева на 7 научных конференциях. Всего опубликовано 5 статей и 4 статьи находятся в печати.

В результате научной работы по проекту нами было выявлено, что популярными для туристов являются предгорные районы по р. Катунь – Майминский, Чемальский, Шебалинский, Онгудайский районы, вдоль Чуйского тракта как основной дорожной магистрали. Туризм придал региону большую популярность еще с 1930-х гг. в селе Чемал, известного курортным

местом – «Дом отдыха ВЦИК СССР», построенного под руководством Екатерины Ивановны Лорберг – жены М.И. Калинина. Полученные фактические данные по теме проекта говорят о том, что в советский период в Горном Алтае действовало 4 профсоюзных турбазы, а теперь около 200 частных как крупных, так и рядовых турбаз. В окрестностях с. Чемал открыты турбазы – «Ареда», «Берель», «Каменный остров», «Марьин остров», «Красные купола» и пр. Если в 2000 г. их посетило около 100 тысяч человек, то к 2008 г. это число увеличилось в три раза.

Сегодня наша республика остается дотационным регионом, поэтому в условиях поиска инвестиций в экономику делается акцент на создание сферы туризма. Для успеха этого нужен качественный социально-экономический анализ (мониторинг), в результате которого будут определены благоприятные для сельхостуризма зоны и пути интеграции в туристско-рекреационную сферу республики. В научной работе предусматривается комплексный подход в области социологии, экономики, этнографии, с использованием количественных (стандартизированные опросы, контент-анализ) и качественных (глубинное интервью, фокус-группы) методов, позволяющих собрать массовый материал по изучаемым проблемам темы.

Сама жизнь, с ее особенностями преходящих изменений, подводит к тому, что постепенно туризм становится одним из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, как во всем мире, так и в России. Политика, проводимая в Республике Алтай, направлена на развитие туризма как социально-экономической отрасли, способной поднять бюджет региона и создавать новые рабочие места, улучшать качество жизни населения. Одной из особенностей развития индустрии туризма является стимулирование сопутствующих секторов экономики, в том числе, сельского хозяйства.

Для общеэкономического подъема Республики Алтай сформировался ряд объективных предпосылок, обоснованных федеральной и местной политикой развития туризма [<http://www.altai-republic.com/modules>]. В рамках планирования долгосрочного развития региона к приоритетам отнесены туризм, сельское хозяйство, инновации в международном сотрудничестве. В этой связи уже в ближайшие годы планируется серьезная модернизация инфраструктуры и транспортной схемы, включающей строительство современного аэропорта, расширение дорожного полотна Чуйского тракта как основной трассы, а также повышение надежности энергосистемы и продолжение газификации региона.

В качестве брэнда местного масштаба намечено развитие нескольких перспективных туристских территорий: «Нижняя Катунь» – Майминский и Чемальский районы, «Верхняя Катунь» – Усть-Коксинский район» в верховьях р. Катунь, «Север республики» – Чойский и Турачакский районы в окрестностях Телецкого озера и верховий р. Бии. Создаются еще две рекреационных зоны по среднему течению р. Катунь в Онгудайском районе и комплекс «Ак-туру» в Кош-Агачском районе.

Сегодня туризм в республике еще не приобрел отдельную специализацию, хотя такая тенденция наблюдается. В современных условиях глобализации экономики, стирании этнокультурных границ и коммерциализации культуры появляется угроза исчезновения

немногочисленных народов и их языков, центров из зарождения и распространения их культур. Как подтверждает опыт развития этнокультурного туризма, выступающего одним из наиболее эффективных способов расширения взаимодействий представителей разных культур и народов, этот вид туризма особенно популярен среди малочисленных народов, неизбежно подвергающихся ассимиляции в иноэтнической среде. С другой стороны, развитие этнокультурного туризма влечет к знакомству с другой неизвестной, или малоизвестной культурой.

Наши народы – алтайцы как титульный этнос республики, русские как этническое большинство, казахи как самая крупная диаспора и другие находятся в состоянии перехода к новой жизни, ориентированной на интеграцию с туристической деятельностью. Это изменение социокультурной ситуации всех сторон российского общества объясняется сменой ценностных установок, восприятием поведенческих установок Запада, появлением новых информационных установок, а в ответ на эти обстоятельства происходит возврат к старинным национальным традициям.

Новое понимание культуры в общественном развитии и осознание необходимости сохранения культурного многообразия расширяет перспективы этнокультурного туризма. Для специалистов и вовлекаемое в туристское обслуживание местного населения – это источник занятости, активный фактор регионального развития. Для функционирования объектов и мероприятий этнической культуры туризм выступает гарантом сохранности и наполняемости научных исследований. Для гостей этнокультурный туризм выступает притягательной сферой общения, способом прямого вхождения в другую культуру, импульсом к взаимообогащению и взаимоуважению представителей различных культур, встречаемых в нашей республике.

Согласно выявленной нами периодизации развития туризма в регионе, в 1990-е гг. в Республике Алтай начинается новый этап развития туризма. Чемальский и Онгудайский районы выступают центром сельского туризма, называемого «зеленым туризмом». Природно-хозяйственный парк «Чуй-оозы» предлагает туристам поучаствовать в приготовлении национальных блюд: суп «кочо», печенья «борсок», молочного напитка «чеген»; познакомиться с технологией изготовления алтайского сыра «курут». Среди активных видов отдыха, которые могут быть предложены туристам в наших природных условиях, может быть посещение исторических мест (петроглифы, древние курганы, памятники). Было выявлено, что существует тенденция к тому, что крестьянские хозяйства используют земельные участки для развития туризма, пользуясь льготным налогообложением в отношении земельного налога.

Путем социологического опроса населения был собран массовый материал о потребностях туристов и изменениях их предпочтений в сельской местности. Поскольку туризм становится элементом массовой культуры, мы полагаем, что заметное влияние на выбор маршрута оказывает мода и реклама. На современном этапе важнейшим фактором развития туризма является информационный. Туристско-рекреационный историко-культурный потенциал региона богат и достаточно интересен, познавателен и информативен. С целью создания туристического продукта этнокультурное

наследие обладает большой значимостью и может быть использовано в организации досуга.

Усложнение сферы отдыха потребовало проведение глубоких научных исследований. Впервые нами выявлено, что этнокультурное наследие региона приобретает выражение в сувенирах и музеях. Можно проследить специализацию техники изготовления сувениров по районам: войлочные ковры с характерным красочным орнаментом из Кош-Агачского р-на, берестяные поделки и сосуды из Турачакского, Чойского или Майминского р-нов, картины из соломки из Усть-Коксинского р-на, шаманские принадлежности из Шебалинского и Онгудайского р-нов.

У туристов активным спросом пользуются изображение куклы в национальной одежде, карты региона с обозначением туристических мест, политических символов герба, флага Республики Алтай в виде настольных или настенных сувениров из камня, кости или дерева. Мы изучали следующие объекты этнокультурного туризма: Центр развития народных художественных промыслов (г. Горно-Алтайск), Алтайский культурный центр (с. Чемал), Музей русской куклы и мастер-класс (с. Чепеш). Другой объект досуга туристов – Музеи сельские, школьные, краевые, начинают приобретать большую популярность в регионе. Среди постоянно увеличивающегося числа видов и форм туризма этнокультурный туризм может занять ведущее место в Горном Алтае.

Изучение темы проекта представляет практическую значимость в учебном процессе. По результатам поведенных исследований разработан спецкурс «Природно-хозяйственные парки и этнологический туризм» для студентов получающих ДОП по зеленому туризму.

Подготовлены рекомендации для управленческих и общественных структур Республики Алтай, позволяющие разработать программу помощи объектам сельскохозяйственного туризма и единый проект музеефикации памятников природы, археологии, этнографии региона для развития этнокультурного туризма.

Результаты изучения темы позволяют определить актуальность функционирования туризма как нового направления в экономике республики. Специфика нашего региона проявляется в том, что в качестве базовой отрасли развития туризма выступает сельское хозяйство. Собранные нами сведения рассматриваются в качестве базовых для дальнейшего исследования по проекту.

Основной задачей научной работы в 2009 г. будет социально-экономическое исследование туристических зон во взаимосвязи природно-хозяйственных ресурсов и этнокультурного наследия народов Алтая.

- будет выявлена взаимосвязь традиционных этнокультурных районов туризма и природно-хозяйственных зон, формирующих специфику сельскохозяйственного туризма;

- будет определена современная стратегия развития туризма с учетом геополитических и социально-экономических особенностей региона, основанная на создании международного туристского кластера Республики Алтай

- будет проанализирован опыт соседних регионов (Алтайский край,

Кемеровская область) в сфере развития сельхоз туризма;

- будет выявлена тенденция развития сельскохозяйственного туризма в современных условиях глобализации экономики, стирания этнокультурных границ и коммерциализации культуры.

Библиографический список публикаций по итогам 2008 года:

1. Тадина Н.А., Суртаева Л.И. Об использовании туристических ресурсов в Республике Алтай//Экономика. Сервис. Туризм. Культура (ЭСТК-2008). X международная научно-практическая конференция (сб. ст.). Барнаул, 2008. С. 116-119. — на рус. яз.

2. Тадина Н.А., Суртаева Л.И. Опыт и перспективы развития этнокультурного туризма в Республике Алтай//Анохинские чтения (матер. конф.). Горно-Алтайск: НМ РА, 2008. С. 160-165. — на рус. яз.

3. Тадина Н.А. О народной этимологии некоторых чемальских названий (по материалам алтайской этнографии)//Педагогика любви (матер. конф.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. С. 77-82. — на рус. яз.

4. Тадина Н.А. О роли этнокультурного наследия в турбизнесе Республики Алтай//Этнография Алтая и сопредельных территорий (матер. конф.). Барнаул: БГПУ, 2008. Вып. 7. С. 193-194. — на рус. яз.

5. Тадина Н.А. Лошадь как сакральный дар с «теплым дыханием» в ритуальной практике алтайцев//Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 152-156. — на рус. яз.

6. Суртаева Л.И., Тадина Н.А. О ресурсах сельскохозяйственного туризма в Республике Алтай//Материалы научной конференции «Проблемы и перспективы правового, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 0.3 п.л. – в печати; на рус. яз.

7. Тадина Н.А., Суртаева Л.И. Туризм в Республике Алтай: социально-экономический аспект//Материалы научной конференции «Проблемы и перспективы правового, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 0.3 п.л. – в печати; на рус. яз.

8. Тадина Н.А. Опыт развития этнокультурного туризма в Республике Алтай: поиск брэнда//Материалы научной конференции «Правовое регулирование туристической деятельности и проблем создания Особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Республике Алтай». Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 0.3 п.л. – в печати; на рус. яз.

9. Ябыштаев Т.С. О сохранении этнокультурного наследия в условиях развития туризма в Республике Алтай//Материалы научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Барнаул: Азбука, 2008. 0.3 п.л. – в печати; на рус. яз.

А.В. Глотко

Теория формирования конкурентоспособных кластеров на Алтае

Развитие интеграционных процессов в АПК, развитие инновационных процессов и НИОКР, интеграция Российской экономики в мировую экономическую систему обуславливают формирование кластеров в масштабах регионов либо на основе межрегиональной координации действий экономических субъектов.

Кластер, мы определяем как географически очерченную концентрацию поставщиков, производителей, потребителей, инфраструктуры с активными каналами для предпринимательских сделок, диалога и взаимодействия, основанную на учете положительных синергетических эффектов региональной агломерации [1, с. 158]. Главными элементами агропромышленного кластера на уровне региона выступают соподчиненные между собой центры (ядра). Экономическое ядро в регионах представляет совокупность «полюсов роста».

Модель кластерного развития, основанная на реализации конкурентных преимуществ географически сконцентрированной группы предприятий, предполагает выделение следующих элементов:

- ядра (одного или нескольких), где сосредоточены основные конкурентные преимущества кластерной модели;
- периферии – профильного производства достаточной концентрации, расположенного на одной территории, реализующего конкурентные преимущества кластерной модели;
- оболочки – сопутствующей инфраструктуры, способствующей реализации конкурентных преимуществ кластерной модели.

Ядро в структуре агропромышленного кластера обычно представлено крупным промышленным предприятием, которое своей эффективной деятельностью доказало перспективы развития конкретной отрасли. Вокруг ядра расположены обеспечивающие средние и мелкие предприятия, сеть поставщиков и инфраструктура.

Территории регионального экономического пространства, где находятся предприятия АПК, выступают в качестве полюсов концентрации факторов производства и капитала, обеспечивающих эффективную отдачу инвестиций в границах данного региона. Интеграция предприятий (кластеров) АПК формирует полюсы экономического роста. Сюда следует инвестировать капитал вместо распределения их по всем предприятиям хозяйственного комплекса.

Для реализации стратегии развития АПК региона на основе ядер развития необходимо соблюдение комплекса исходных условий:

- 1) смена парадигмы управления агропромышленным комплексом региона в направлении четкой структуризации элементов экономического механизма по потенциалам роста;
- 2) выделение типов зон влияния региональной администрации, от жестких директивных до мягких консультативных и рекомендательных;
- 3) увеличение зон непосредственного влияния путем национализации, банкротства или участия регионального бюджета в капиталах интегрированных корпораций;
- 4) стремление сбалансировать доходы и расходы бюджета, применяя инвестиционно-проектный подход для реализации этой задачи;

- 5) повышение статуса региональной агропромышленной политики до уровня законодательной нормы;
- 6) выявление комплекса инструментов и ресурсных источников для реализации программ развития;
- 7) формирование структуры управления агропромышленным комплексом, адекватной поставленным целям, задачам и функциям.

В Алтайском крае и Республике Алтай концепция полюсов актуальна по причине:

- относительной отдаленности агропромышленных предприятий края от поставщиков сырьевых ресурсов и потребителей продукции;
- большой суммарной доли структурно-депрессивных отраслей в АПК;
- высокого удельного веса в отраслевой структуре края экстенсивного сельскохозяйственного производства.

Достоинством кластерной модели является оптимальное сочетание интересов самой территории и участников кластера. Кластер позволяет сфокусировать проблемы и сильные стороны сектора экономики. Организация, представляющая кластер, куда могут входить представители органов власти, располагает разнообразной и концентрированной информацией о деятельности предприятий, состоянии сектора экономики, рынке трудовых ресурсов. Это значительно уменьшает объем аналитической работы, которую выполняют органы власти, и повышает достоверность информации.

Участие властных структур в работе координационных органов кластера дает власти возможность непосредственно влиять на принятие организационных и экономических решений в кластере, выступая как равноправный партнер. Кластер поможет власти лучше понимать рыночные тенденции, сочетая оценки изнутри кластера (как участник кластера) и понимание внешних макроэкономических факторов, политических тенденций и реалий. Кластерный подход предоставляет власти инструментальный эффективный взаимодействия с бизнесом, более глубокого понимания его характерных показателей и тактических задач, даст возможность целенаправленного, реального и мотивированного стратегического планирования ресурсов региона, развития территорий.

На федеральном уровне целесообразно стимулировать формирование *межрегиональных экономических кластеров*. В СФО выделяют три группы субъектов Федерации, в пределах которых следует обратить внимание на формирование межрегиональных экономических кластеров:

- юг Западной Сибири – Омская, Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край и Республика Алтай;
- Енисейский регион – Таймырский и Эвенкийский АО, Красноярский край, республики Хакасия и Тыва;
- Байкальский регион – Иркутская и Читинская области, Республика Бурятия, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятский АО.

На юге Западной Сибири перспективно формирование *межрегионального агропромышленного кластера*, основой которого выступают Алтайский край, Новосибирская и Омская области, Республика

Алтай с высокой долей населения, занятого в сельском хозяйстве. Необходимо создать условия для развития гибких связей между мелкими, средними и крупными производителями сельскохозяйственной продукции, предприятиями и организациями «поддерживающих» (сельскохозяйственного машиностроения, кормовой и химической промышленности, строительства, транспорта, мелиорации, финансово-кредитного сектора и т.д.) и «родственных» отраслей (перерабатывающей и пищевой промышленности, торговли и т.д.).

Поддержка процессов формирования межрегиональных кластеров должна быть закреплена в многосторонних соглашениях между регионами, в рамках реализации которых целесообразно разработать мероприятия по формированию и поддержке межрегиональных экономических кластеров. Координационную работу по разработке и заключению соглашений и концепций совместного развития в СФО может взять на себя Исполнительный комитет Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

Можно выделить целый ряд апробированных практикой систем содействия формированию кластеров:

- программы, направленные на объединение деловых людей (иногда в определенной области техники) в расчете на то, что расширение сетей приведет к расширению сотрудничества;

- инициативы по подбору партнеров (создание баз данных, к которым могут обращаться фирмы, ищущие партнеров по сфере деятельности;

- финансирование посреднических (агентских) инициатив;

- шефские инициативы, когда оплачиваются услуги консультантов, чтобы они следили за процессом формирования кластеров с начала до первых шагов сотрудничества;

- государственное финансирование некоторых кластерных проектов на конкурсной основе. В этом случае представители разных проектов сотрудничества могут подавать заявки на субсидии, причем государственные средства получают (частично) лишь самые лучшие проекты. При такой конкуренции чистый инновационный результат субсидирования может быть весьма высоким.

Однако необходимо подчеркнуть важность осознания самими фирмами этих возможностей кластерных стратегий в рамках собственных стратегий. Государственная власть всех уровней (федерального, регионального) может привлекать внимание к потенциальным опасностям и возможностям, а также в той или иной мере поддерживать инициативы в этом направлении. Она же может оказывать помощь в устранении барьеров на пути сотрудничества, предоставляя консультационные услуги, распространяя передовой опыт формирования и функционирования кластерных инновационных систем. Фирмам надлежит брать на себя ответственность за процессы, вытекающие из этих мероприятий и их успешное осуществление.

Современный подход к региональному развитию, основанный на кластерах, начинает входить в практику и в России. В качестве потенциальных российских кластеров в АПК можно привести пищевые

кластеры в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Белгородской области и др. Кластерный подход становится одним из основополагающих принципов формирования экономической политики, в том числе региональной.

В Алтайском крае и Республике Алтай целесообразно формирование инновационных технологических кластеров АПК: зернопродуктового, молочно-скотоводческого, овцеводства, козоводства, козоводства, садоводства и др. в связи с уникальными природно-климатическими условиями и ресурсным потенциалом Алтайского края.

Одной из точек роста должен стать проект Алтайского края по формированию кластера садоводства. Возможность производства широкого ассортимента плодово-ягодной продукции из местного сырья позволяет легко вписать кластер садоводства в два других крупных проекта федерального значения - создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» с элементами курортно-бальнеологической деятельности и игровой зоны «Сибирская монета». Это позволит оптимально использовать не только потенциал краевой высокотехнологической пищевой промышленности, но и уникальное плодово-ягодное сырьё Алтая.

Плодово-ягодный рынок Алтая имеет возможность стать одним из быстрорастущих секторов региональной экономики, чему способствуют несколько факторов:

- общий рост заболеваемости из-за усиливающегося влияния техногенных факторов и ухудшения экологической обстановки;
- тенденция «старения населения»;
- рост уровня денежных доходов населения, приводящий к покупке более дорогостоящей ввозимой плодово-ягодной продукции.

Эти факторы обусловят рост платежеспособного спроса населения на долгосрочную перспективу, обеспечивая широкие возможности обеспечения рынка сбыта.

Ресурсный потенциал Алтайского края позволяет развивать плодово-ягодное производство на принципиально новом уровне. Наибольшее для Западной Сибири число солнечных дней в году, умеренная влажность климата способствует накоплению плодами и ягодами максимального количества витаминов и минеральных веществ.

Задачи обеспечения предприятий пищевой отрасли сырьем гарантированного количества и качества и рационального использования растительных ресурсов при наличии в Алтайском крае достаточных сельскохозяйственных площадей и благоприятных почвенно-климатических ресурсов делают актуальным выращивание плодов и ягод в промышленных масштабах.

Центрами кластера станут города Барнаул и наукоград Российской Федерации Бийск, ряд предприятий которых ориентирован на производство плодово-ягодной продукции, они имеют значительный научно-исследовательский опыт и устойчивые связи с поставщиками сырья.

Город Бийск является в настоящее время научно-техническим центром Алтайского края. Предприятиями Бийска производится более 10% промышленной продукции региона, свыше половины которой – наукоемкая. В непосредственной близости от города расположено множество

сельхозтоваропроизводителей – поставщиков сырья для предприятий кластера.

Географическое положение наукограда выгодно отличается возможностью обеспечения инфраструктурного обслуживания туристических районов на юге Алтайского края. Преимуществом города является важнейший транспортный узел на юге Западной Сибири (4 вида транспорта), обеспечивающий связь основных центров региона (Новосибирск, Омск, Томск) с Китаем и Монголией.

Дополнительные предпосылки к развитию кластеров на базе наукоградов обеспечиваются в рамках предоставления финансовой поддержки на строительство инновационной, социальной и инженерной инфраструктуры, осуществляемой из средств федерального бюджета в соответствии с Федеральным законом «О статусе наукограда Российской Федерации» от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ.

Целевое структурирование предприятий в систему единого кластера является логическим продолжением инновационной модели развития наукограда. Предполагается построение системы взаимосвязанных технологических цепочек, обеспечивающих разработку технологий, сертификацию, маркетинг, производство и реализацию плодово-ягодной продукции, биоактивных добавок, обеспечивающих оздоравливающее воздействие на организм человека.

Для садоводческих и перерабатывающих предприятий Алтайский край осуществляет подготовку собственных кадров, создав целую сеть образовательных центров высокого уровня: Алтайский государственный университет, Алтайский государственный технический университет, Алтайский государственный аграрный университет, кафедры Бийского технологического института и ряд других учебных заведений. Высокотехнологичные заделы имеются на ЗАО «Эвалар» и ЗАО «Алтайвитамины».

По числу научных и исследовательских организаций и количеству исследований Алтайский край входит в первую пятерку регионов Сибирского федерального округа. В крае накоплен богатый опыт в исследовательской, экспертной областях и подготовке сельскохозяйственных кадров, химиков-технологов, бизнес-менеджеров, экономистов, юристов и специалистов других профессий, которые будут востребованы при развитии садоводческой отрасли.

Немаловажным фактором является возможность организации подготовки и переподготовки специалистов необходимой квалификации, исходя из потребностей рынка труда на существующей базе учебных заведений.

В рамках реализации поставленной цели основными задачами реализации проекта являются:

1. Формирование условий для эффективного организационного развития кластера, включая разработку стратегии развития кластера, обеспечивающей устранение «узких мест» и ограничений, подрывающих конкурентоспособность выпускаемой продукции в рамках цепочки производства добавленной стоимости, а также обеспечивающей наращивание

конкурентных преимуществ участников кластера;

2. Обеспечение эффективной поддержки кластерных проектов, направленных на повышение конкурентоспособности участников с учетом приоритетов развития кластера посредством:

- привлечения инвестиций, в том числе финансовых ресурсов Инвестиционного фонда Российской Федерации либо государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;

- поддержки развития и включения в поле кластера малого и среднего инновационного предпринимательства;

- реализации кадровой политики, включая повышение эффективности системы профессионального образования, содействие развитию сотрудничества между предприятиями и образовательными организациями;

- содействие маркетингу продукции (товаров, услуг), выпускаемой предприятиями - участниками кластера за счет продвижения бренда кластера и территории базирования;

- содействия выходу предприятий кластера на внешние рынки;

- развития транспортной и энергетической инфраструктуры.

3. Обеспечение эффективной методической и информационно-консультационной поддержки реализации проекта формирования кластера на региональном муниципальном уровнях. Обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, предпринимателей по реализации кластерной инициативы.

4. Стимулирование развития современной производственной базы, повышающей качество выпускаемой плодово-ягодной продукции.

Ожидаемые результаты реализации проекта формирования и развития Алтайского садоводческого кластера заключаются в том, что будет обеспечено:

1. В масштабах страны:

- существенный вклад в обеспечение национальной безопасности;

- выпуск качественной недорогой плодово-ягодной продукции, замещающей импортную продукцию из ближнего и дальнего зарубежья;

- поднятие уровня национальной технологической базы;

- повышение скорости и качества экономического роста за счет увеличения уровня конкурентоспособности предприятий, входящих в состав кластера;

- создание принципиально нового, не существующего сегодня в России рынка плодово-ягодной продукции с заданными полезными свойствами;

- реализацию национального проекта «Развитие АПК».

2. На уровне Алтайского края:

- инновационное развитие пищевой и перерабатывающей промышленности на основе переработки местного плодово-ягодного сырья;

- активизация привлечения прямых инвестиций;

- обеспечение ускоренного социально-экономического развития региона;
- поддержка сотрудничества между НИИ и предприятиями;
- переориентация сельхозпроизводителей предгорной зоны края на выращивание плодов и ягод в промышленных масштабах;
- развитие оздоровляющего туризма, увеличение занятости на селе;
- создание научно-инновационного центра с соответствующим развитием межрегиональных и международных связей и выходом на внешние рынки.

Литература

1. Глотко, А.В. Теория формирования кластера садоводства / А.В. Глотко // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: материалы V Междунар. практ. конф. преподавателей, ученых, аспирантов, студентов: в 2 т. – Н. Новгород: ВГИПУ, 2007. – Т II. С.157–162
2. Ахметзянова, Э. Р. Создание и развитие промышленных кластеров: автореф. дис. канд. экон. наук. – Казань, 2005. – 23 с.
3. Павлов, К. Экономическое ядро: сущность, критерии формирования и элементный состав / К. Павлов // Общество и экономика. – 2005. – №11–12. – С. 158–170.

Т.И. Лукьяненко

Экспериментальное исследование факторов возникновения виктимного поведения подростков (проект 08-06-61602 а/Т)

Проблема насилия и жестокого обращения с детьми - это острая социальная, правовая, педагогическая, психологическая и психотерапевтическая проблема, которая требует комплексного решения. Чаще всего помощь таким детям ограничивается решением только социально-правовых проблем, а квалифицированная психологическая и психотерапевтическая помощь, к сожалению, практически не оказывается. В связи с возрастающим интересом специалистов к проблеме предотвращения насилия над детьми, а также объективными условиями общества (нестабильная социально-экономическая ситуация, сложная криминальная обстановка, неподготовленность родителей к выполнению воспитательных функций), в России и в Республике Алтай, рассматриваемая в данном проекте, становится актуальной.

В исследовании жестокого обращения с детьми в Республике Алтай основным предметом изучения являются дети, пережившие насилие и жестокое обращение. Основные задачи, поставленные перед участниками проекта сформировать базу данных и систематизировать факты о детях, переживших насилие, отобрать диагностический инструментарий, провести психопрофилактику и психокоррекцию, создать кризисный и

консультационный центры, разъяснить законодательную базу по вопросам половой неприкосновенности несовершеннолетних. В проекте концептуальные и методологические установки ориентированы на комплексный подход к данной проблеме, интегрирующий достижения различных областей знаний.

В результате научно-теоретического анализа психологической литературы был выделен необходимый релевантный круг переменных, выступающий в роли личностных предпосылок виктимного поведения: выделение в портрете жертвы фатализм, робость, скромность, отсутствие чувства безопасности, выраженную податливость внушению. Туляков В.А., обращает внимание на нежелание изменять собственное положение без вмешательства извне, низкую самооценку, повышенную готовность к обучению виктимному поведению, реакцией растерянности в стрессовых условиях, несформированностью морально-этических установок.

Был проведен анализ психологических компонентов виктимной личности подростка (см. табл.1).

Таблица 1

Анализ психологических компонентов виктимной личности

Аспекты виктимного поведения	Характеристика	Авторы
Социально-ролевой	Описывает виктимность с точки зрения соотношения личностных и ролевых качеств потенциальной жертвы	Мухина В.С., Руденский Е.В.
Интеллектуально-волевой	Включает в себя характеристики сознательной, целесообразной, целеобусловленной виктимности – комплексы неполноценности, комплекс мнимой жертвы и т.д.	Еникеев М.И., Фрейд А.,
Аксиологический	Несформированность ценностных ориентаций	Асмолов А.Г., Клейберг Ю.А.
Деятельностно-практический	Описывает типовые формы поведенческой активности виктимных подростков, форму, природу и закономерности отношений между ними.	
Эмоционально-установочный	Содержит психологические факторы, соотносящиеся с виктимностью подростка (бездумный риск, страсть к приключениям, повышенная критичность к родителям.)	Реан А.А., Туляков В.А.

Комплексный анализ социокультурных факторов виктимизации

подростков, показал, что формирование у младшего поколения массовых фрустраций, апатии, неуверенности, агрессии, вандализма, алкоголизма, наркомании и т.д. повышает уровень криминализации общества.

По данным официальной статистики МВД Республики Алтай за период 2001-2007 гг. было совершено 2200 «родственных» преступлений, связанных с насилием против личности, 970 жертв – дети. Около 2000 детей ежегодно избиваются родителями. Каждый девятый ребенок гибнет, 200 подростков покончили жизнь самоубийством, более 500 подростков ушли из дома. По оценке МВД Республики Алтай ежегодно от рук мужей или сожителей гибнет около 123 женщин. Ежегодно 34% старшеклассниц подвергаются сексуальному насилию. Рассматривая возрастные особенности жертв, мы заметим, что около 40% из них – несовершеннолетние. Все это говорит о возросшей виктимизации общества.

Открывая возможность оценить сумму обстоятельств, повлиявших на формирование не только виктимного поведения, но и в целом на формирование виктимной личности с деформированным личностным профилем, ставится вопрос еще об одном факторе, влияющем на формирование виктимности: особенности социально-психологического воздействия (влияние социокультурного и социально-экономического статуса, виктимизации общества, особенности бытового окружения, воздействие средств массовой информации, гендерные особенности). Кроме этого выделяется семейный фактор наличие агрессивной или игнорирующей модели воспитания, психопатологии одного из членов семьи, нарушение эмоционального климата в семье, наличие модели жертвенного поведения родителей, физическое насилие, алкоголизация, супружеские конфликты. И третий фактор социально-педагогический (отсутствие индивидуального подхода к учащемуся, виктимная деформация педагога, оскорбительное отношение со стороны педагога и одноклассников, психологическое и физическое насилие, неприятие сверстниками). Все это нашло отражение в работах отечественных и зарубежных ученых.

Таким образом, имея в виду, что важнейшим институтом социализации личности подростка остается семья, анализируется возможность существования связи между определенным стилем взаимодействия между детьми, родителями, учителями, сверстниками и формированием психологического профиля уязвимой, то есть виктимной, личности подростка. Каждый из указанных выше факторов может сделать личность подростка уязвимым, а его поведение виктимным.

Дальнейшей целью исследования в рамках данного проекта явилось выявление факторов возникновения виктимного поведения подростков. Для исследования личности подростков и особенностей взаимодействия в семье, в школе были использованы: 1) для исследования особенностей эмоционального развития подростков применялись тест Люшера; 2) для исследования личностных характеристик подростков использовался тест Кеттелла (подростковый вариант); 3) диагностика детско-родительских отношений осуществлялась по методикам: «Подростки о родителях» (ADOR), тест «символические задания» Г.Г. Носкова; анкетирование; 4) особенности поведенческих характеристик подростков исследовались с

помощью методики склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой, данных анкетирования. Результаты эмпирического исследования могут быть представлены следующим образом.

На этапе экспериментального исследования подросткам сельским и городским были предложены анкеты, в которых выявилась разница показателей по вопросам анкеты. На вопрос «встречались ли вы с насилием в своей жизни?» 3% сельских подростков и 4,9% городских подростков ответили, что постоянно встречаются с насилием; 11,2% и 21,5% встречаются с насилием «довольно часто»; 23,1% и 31,2% «иногда»; 25,3% и 25,4% «очень редко»; 38,4% и 21,3% «никогда».

Полученные данные, показывают, что чаще всего к насильственным методам взаимоотношений не относят эмоциональное давление, «обзывательство», оскорбление, унижение сверстника, изоляцию и проявление ревности, т.е. психологические нормы насилия. Разницу показателей ответов респондентов г. Горно-Алтайска и с. Маймы можно объяснить большей распространённостью и возведением его в ряд нормы в маленьком городе. Подобное отличие может быть обосновано особенностями влияния социальной среды, окружающей подростка, т.к. особенности взаимоотношений между людьми в большом городе оказывают значительное виктимное влияние на подростков. В целом, уровень виктимного поведения подростков с. Маймы несколько ниже, чем в г. Горно-Алтайске.

Таким образом, подтверждается, что социальное окружение влияет на виктимизацию подростка.

Исследование предположений связанных с насилием, обнаружило приблизительно одинаковое процентное распределение выборов сельских и городских подростков. Но здесь выявляется зависимость от половой принадлежности. Анализ ответов на вопросы анкеты «Если кто-то доводит меня до того, что я вскипаю, за дальнейшее я не отвечаю» - 12,01% мальчиков и 9,2% девочек находятся чаще всего в аффективном состоянии; 17,2% мальчиков и 9,8% девочек чаще всего не отвечают за свои поступки в случае злости; всегда отвечают за свои действия 17,2% от общего числа мальчиков и 23,4% от числа девочек.

Анализ ответов на вопрос анкеты, показал, что 29,8% мальчиков и 27% девочек полностью возлагают ответственность на партнёра; 23,9% мальчиков и 21,4% девочек считают, что «чаще всего» партнер виноват сам, если его избили; только 11,2% мальчиков и 15,81% девочек полностью реабилитируют жертву, даже если поведение жертвы злит партнера.

Таким образом, девочки чаще, чем мальчики считают, что человек должен отвечать за собственное поведение, не зависимо от того, насколько вызывающе ведет себя партнер. Мальчики же чаще девочек полагают, что жертва виновата сама и негативное поведение жертвы полностью или частично снимает ответственность с агрессора. Более того, даже если человек показывает не уважение («Тот, кто показывает не уважение, заслуживает, чтобы его ударили?») то, по мнению 15,2% от общего числа мальчиков и 5,1% от всех девочек «всегда» заслуживает, чтобы его ударили.

Для выявления закономерностей и взаимосвязи ответов подростков и их родителей была установлена взаимосвязь между агрессивным поведением

родителей склонностью к агрессивному поведению ребенка.

1. Дети, чьи родители демонстрируют большой процент принятия виктимных социальных мифов, имеют высокий показатель виктимности и высокие показатели относительно принятия насилия как нормы жизни.

2. Дети, чьи родители не относят к семейному насилию эмоционально психологическое и изоляционное воздействие, а значит, находятся в достаточно агрессивной семейной среде, отличаются более высокими показателями агрессивного реагирования на жизненные события.

В рамках научного проекта разработана на базе психологического центра поддержке населения г. Горно-Алтайска превентивная программа «Жизнь без насилия».

В соответствии со стратегическими направлениями программы по предотвращению насилия над детьми были разработаны тренинговые и информационно - методические занятия для детей и их родителей, состоящие из нескольких блоков. Это блок работы с детьми 1-3-го класса «Ребята, давайте жить дружно!», блок для детей 5-7го класса «Как справиться со своей злостью» и блок для девочек-подростков 10-11класса «Как не стать жертвой насилия». Каждый блок состоит из нескольких обязательных компонентов:

- подготовка и выпуск информационных буклетов для детей и их родителей
- подготовка психологов для работы с детьми и их родителями по направлениям
- программы
- подготовка педагогов, обучение методам общения без насилия
- информационно- методические семинары для родителей
- тренинговые сессии для участников

Данная программа дает возможность получения информации о проблеме насилия, приобретения навыков ненасильственного поведения, которые дети, возможно, будут применять в общении друг с другом и привносить их во взрослую жизнь.

Цель программы: способствовать профилактике насилия в отношениях между сверстниками, развивать навыки ненасильственного (безопасного) поведения, дать ребенку представление о его ценности, как личности.

Задачи:

1.) работа со средствами массовой информации, направленная на формирование в социуме неприятия насилия вообще и насилия, совершаемого в отношении детей, в частности;

2.) работа с детьми по нескольким стратегическим направлениям: проведение комплекса коррекционно-психологического воздействия направленных на изменения характерологических особенностей личности подростка в зависимости от типа виктимного поведения подростка. Для подростков пассивного типа виктимизации это формирование положительной Я - концепции, повышение самооценки, улучшение отношения к себе, вера в свои возможности, изменение системы ценностей, формирование адекватной оценки ситуации, восприятие проблемных ситуаций и возможностей их разрешения. Для подростков агрессивного типа - это наработка способов канализации агрессии, научение совладающему

поведению, правилам конструктивного спора, работа с чувством вины, получение навыков адекватного реагирования в ситуации конфликта, нормализация самооценки, детско-родительские отношения. Для подростков некритичного типа - нормализация самооценки, повышение критичности, чувства ответственности, научение социальным способам завоевания авторитета, вера в свои возможности, изменение системы ценностей, формирование адекватной оценки ситуации, восприятие проблемных ситуаций и возможностей их разрешения.

3.) проведение информационных занятий по обеспечению детей навыками и знаниями, необходимыми для их личной безопасности и благополучия, информирование ребенка о том, где он может получить помощь, если она понадобится; комплексные обучающие семинары - тренинги направленные на овладение способами ненасильственного и невиктимного поведения.

4.) помощь и практическое обучение детей, уже подвергшихся насилию;

5.) работа с родителями, направленная на непринятие агрессии в отношении детей, формирование навыков неагрессивного поведения в семье и на готовность помочь детям;

6.) работа по развенчиванию мифов о сексуальном насилии;

7.) обучение, просвещение и подготовка специалистов, работающих с детьми, по проблеме насилия и его профилактике (педагогов, воспитателей детских садов, медицинских работников, представителей соц. защиты, участковых).

Основным предметом исследования жестокого обращения с детьми являются дети, пережившие насилие и жестокое обращение. В работе над проектом:

1. Получена новая информация по комплексу вопросов, непосредственно связанных с особенностями возникновения и проявления виктимного потенциала подростка через модели виктимной деформации личности.

2. Описаны принципы и методы интегральной системы психологического воздействия на подростков, имеющих сформированные типы виктимного поведения, разработанные с учетом индивидуальных и индивидуально-типологических паттернов реализации виктимного потенциала.

3. Получена новая информация по комплексу вопросов, непосредственно связанных с особенностями возникновения и проявления виктимного потенциала подростка через модели виктимной деформации личности.

4. Разработана система превентивных мероприятий, направленных на формирование адаптивных способов взаимодействия со средой, уменьшающих риск виктимизации личности.

5. Материалы исследования могут использоваться в образовательном процессе при подготовке психологов, в области практической психотерапии, психоконсультировании, превентивной работе.

Литература

1. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы: учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 411 с
2. Туляков В.А. Генезис отклоняющегося поведения и классификация жертв преступлений. Одесса, 2000.
3. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы: учебное пособие. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 411 с., Руденский Е.В. Виктимологическая экспертиза качества образования: психологические и социально-педагогические аспекты. Новосибирск. 2000. – С. 6-7., Андронникова О.О. Методика исследования склонности к виктимному поведению // Актуальные проблемы специальной психологии в образовании: Мат. III Межрегиональной научно-практической конференции. В 2 ч. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. Ч.2.

Н.С. Гребенникова

Диалог культур: поэтика локального текста: по итогам Международной научной конференции (проект № 08-04-61480 з/Т)

Международная научная конференция «Диалог культур: поэтика локального текста», проведенная в рамках научно-исследовательской работы кафедры литературы, была посвящена одной из перспективных областей научных исследований – изучению локального текста и способов его репрезентации в словесности. Конференция проводилась в рамках реализации научных мероприятий, финансируемых Российским научным гуманитарным фондом и Правительством Республики Алтай в 2008 году и проходила 29 июня - 4 июля 2008 года в Горно-Алтайском государственном университете.

Основная стратегия конференции состояла в интеграции специалистов-литературоведов как отечественных, так и зарубежных, занимающихся исследованием локального текста в культуре. Одной из задач и целей конференции – по-новому концептуализировать образ Горного Алтая как культурного пространства, придать ему новый ценностный статус в глазах научного сообщества.

В конференции участвовали литературоведы и культурологи из научных центров Западной Европы – университетов Италии, Германии, Великобритании, Новой Зеландии: проф. Р. Казари (Бергамо), проф. К. Скандура (Рим), проф. П. Деотто (Милан); проф. С. Франк (Констанц); Ф. Голл (Оксфорд); проф. И. Лили (Оклэнд). Среди отечественных ученых – ведущие специалисты из Томска (проф. О.Б. Лебедева, проф. А.С. Янушкевич, проф. Э.М. Жилиякова, проф. А.В. Суханов); Новосибирска (проф. Н.Е. Меднис, проф. В.В. Мароши, проф. Э.И. Худошина, проф. Т.И. Печерская, проф. Е.Ю. Булыгина), а также Красноярска (проф. К. Анисимов), Бийска (проф. Н.А. Гузь), Кемерово (проф. Л.А. Ходанен), Барнаула (проф. В.В. Десятов, проф. О.Г. Левашова, проф. С.М. Козлова). Привлечение

зарубежных специалистов позволило расширить географическую, тематическую и предметную сферу анализа локального текста, расширить методологическую базу исследований.

В оргкомитет конференции вошли: Табакаев Ю.В. – ректор Горно-Алтайского государственного университета, д.филос.н., профессор – председатель Оргкомитета; Бабин В.Г. – проректор по научной работе Горно-Алтайского государственного университета, к.и.н., доцент; Никонова Т.Н. – декан филологического факультета Горно-Алтайского государственного университета, к.ф.н., доцент; Гребенникова Н.С. – профессор кафедры литературы Горно-Алтайского государственного университета, к.ф.н., доцент – зам. Председателя; Лебедева О.Б. – профессор кафедры русской литературы Томского государственного университета, д.ф.н.; Меднис Н.Е. – профессор кафедры русской литературы Новосибирского государственного педагогического университета, д.ф.н.; Скандура К. – профессор кафедры славянской филологии Римского университета (Италия); Лили И. – профессор кафедры русской литературы университета Оклэнд (Новая Зеландия).

Количественный и качественный состав участников конференции представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Количественный и качественный состав участников конференции

№ п/п	Ученая степень	Количество участников	В %
1	Доктора наук и профессора	25	50
2	Кандидаты наук и доценты	19	38
3	Аспиранты и соискатели	6	12
	Всего	50	100

География участников конференции представлена в таблице 2.

Таблица 2.

География участников конференции

№ п/п	Города	Количество участников	В %
1	Новосибирск	7	14
2	Томск	5	10
3	Красноярск	1	2
4	Омск	1	2
5	Кемерово	1	2
6	Барнаул	5	10
7	Бийск	1	2
8	Горно-Алтайск	24	48
9	Рим (Италия)	1	2
10	Оксфорд (Великобритания)	1	2
11	Констанц (Германия)	1	2

12	Бергамо (Италия)	1	2
13	Оклэнд (Новая Зеландия)	1	2
	Всего	50	100

Открыл конференцию ректор Горно-Алтайского государственного университета д.филосн., проф., Ю.В. Табакаев. С приветственным словом к участникам конференции обратились также председатель Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белеков и министр образования, науки и молодежной политики Республики Алтай Н.В. Гусельникова.

Пленарное заседание (председатель – проф. Н.С. Гребенникова) открыла директор Института алтаистики им. С.С. Суразакова к.и.н., доц. Н.М. Екеева (г. Горно-Алтайск). Она охарактеризовала Горный Алтай как феномен культуры в его непреходящих исторических материально-духовных ценностях и подчеркнула высокий потенциал дальнейшего развития Республики Алтай. Духовному наследию Горного Алтая был посвящен доклад д.ф.н., в.н.с. Института алтаистики им. С.С. Суразакова З.С. Казагачевой (г. Горно-Алтайск) «Историческая миссия алтайских сказителей». Традиция эпического сказительства в Горном Алтае не только сохранилась благодаря мастерству сказителей, но и продолжает развиваться. Тему Алтая продолжила д.ф.н., проф. О.Г. Левашова (г. Барнаул) в докладе «Алтай и Америка в творчестве Г.Д. Гребенщикова». Материалом для наблюдений исследовательницы послужили очерки писателя, созданные в 20-30-х гг.

Проф. Франк Сузанн (г. Констанц, Германия) выступила с докладом «Русская и нерусская топография Сибири». Целью своего исследования она поставила выявление составных элементов (мотивов) топографии Сибири, семантической специфики вариативности и трансформаций топоса, а также его имажинативного потенциала и связанной с ним символической ценности.

Д.ф.н., проф. О.Б. Лебедева (г. Томск) в докладе «Мифогенные персоналии Неаполитанского региона: Вергилий в записках русских путешественников 18 середины 19 веков» проследила эволюцию неаполитанского травелога русской словесности в контексте развития русской эстетической мысли и литературы. Продолжил «итальянскую» тему предыдущего выступления д.ф.н., проф. А.С. Янушкевич (г. Томск) в докладе «Русская прописка локального «тибериева текста». Докладчик особо подчеркнул, что именно романтизм актуализировал понятие локального текста, придав ему онтологический и антропологический статус.

Некоторые проблемы теории локального текста и ее реализации в художественной практике поставил в своем выступлении д.ф.н., проф. В.А. Суханов (г. Томск) на примере сюжета освоения Сибири в прозе В.Н. Макшеева. Проза писателя дала возможность автору, с одной стороны, разработать проблему понятийной определенности категории «локальный текст», а с другой стороны, позволила обнаружить общекультурные, а не сугубо локальные архетипические коды миромоделирования в границах локальных текстов.

Далее, в соответствии с программой, участники конференции работали по проблемным секциям.

Докладчиками секции № 1 «Алтай как текст культуры» было отмечено, что «алтайский текст» является собой особый художественный пласт, который определяется как особенностями его метафизической ауры, так и спецификой менталитета лица-реципиента, порождая два ракурса восприятия Алтая - «изнутри» и «извне». Интегративно воспринимаемый в качестве цельного текста, Горный Алтай предстает в выступлениях докладчиков и как единица национального сознания, и как материально выраженная субстанция, и как особый семиотический комплекс.

Предметом анализа профессора В.В. Мароши (Новосибирск) стала проза метрополии 1990-2000-х гг., которую автор отграничил от региональной литературы с характерным для нее взглядом «изнутри». В.В. Мароши охарактеризовал героя произведений И. Кочергина, В. Пелевина, Э. Лимонова, связанных с Горным Алтаем. Художественное пространство Горного Алтая в рассмотренных произведениях исследователь охарактеризовал как эзотерическую действительность, и как реальный ландшафт.

В докладах к.ф.н., доц. Т.П. Шастиной «Художественное пространство в прозе алтайского прозаика Дибаша Каинчина» и к.ф.н., доц. Э.П. Чининой «Алтай в прозе Б. Укачина» исследована специфика художественного пространства в творчестве современных алтайских прозаиков. Доклады к.ф.н., профессора Н.С.Гребенниковой «Алтайский текст в графике В. Тебекова» и к.ф.н. Е.А. Тозыяковой «Диалог Восток – Запад в музыкальном мышлении А. Тозыякова» были посвящены специфике картины мира в алтайской живописи и музыке. Во всех докладах была акцентирована мысль, что пространство Алтая обладает особой культурогенной и мифогенной силой, постоянно генерируя новые смыслы, выступая как текст культуры.

Работу секции № 2 «Мифопоэтика локального конструкта» открыл профессор Иэн Лилли (г. Окленд, Новая Зеландия) докладом «Лестница в петербургском тексте как локус страха». Автор выступления исследовал сюжетные ситуации и мотивы, связанные с образом лестницы в произведениях Достоевского, Гоголя, Белого, Ремизова, Ахматовой, Мандельштама. Докладчик отметил основные коннотации, связанные с этим образом. Тема «Петербургского текста» была продолжена в выступлении д.ф.н., профессора Н.А. Гузь (Бийск) и И.А. Толмашова (Горно-Алтайск). Н.А. Гузь обратилась в своем выступлении к петербургскому тексту романов И.А. Гончарова, а И.А. Толмашов свое выступление посвятил исследованию коллизий петербургского текста в произведениях А. Битова.

Теоретические аспекты локального текста исследовала д.ф.н., профессор Н.Е. Меднис (г. Новосибирск) в докладе «Феномен взаимоналожения локусов в русской литературе 19 – первой трети 20 веков». В поле внимания докладчика вошли не только локальные тексты, но локус как необходимая предпосылка и важная составляющая всякого локального текста. Д.ф.н., профессор Э.М. Жилиякова (г. Томск) в докладе «Путеводитель по Озерному краю в библиотеке Лея и мотив озера в творчестве

В.А. Жуковского» рассмотрела вопрос о своеобразии философского, этического и эстетического содержания одного из важнейших поэтических топосов в творчестве Жуковского – образа озера. Д.ф.н., профессор А.Э. Еремеев (г. Омск) посвятил свое выступление мифопоэтике вымышленного топоса в раннем творчестве И.В. Киреевского (повесть «Остров»).

Профессор Р. Казари (г. Бергамо, Италия) в докладе «Миф о «Новом Иерусалиме» сделала попытку соединить разные точки зрения на иерусалимскую тему и показать многогранность и эволюцию рецепции идеи Иерусалима в русской культуре. Специфика авторской позиции заключалась в рассмотрении комплекса архитектурных, градостроительных и литературных реалий, прообразом которых является Иерусалим.

В докладе к.ф.н., доц. Н.А. Ермаковой (г. Новосибирск) «Ландшафт смерти в поздних произведениях И.С.Тургенева: мифопоэтика воображаемого локуса» исследовались образы пространства в художественном мире И.С.Тургенева, лежащие за пределами человеческого опыта. Мусульманский Восток как сакральный локус русской литературы, мощный текстопорождающий потенциал которого, начиная с эпохи романтизма, сделал его структурно необходимым элементом всей русской культуры, рассмотрел в своем докладе к.ф.н. доц. П.В. Алексеев (г. Горно-Алтайск) в докладе «Петробагдад» гафизитов и семиотика антиповедения». В докладе к.ф.н. Т.А. Даниловой (г. Горно-Алтайск) «Пражские мифологемы в эпистолярном наследии М. Цветаевой» рассмотрены авторские мифологические смыслы, связанные с образом Праги. Цветаевский миф о Праге показан в контексте книжных пристрастий поэта, через призму эстетического функционирования книги.

Большую дискуссию вызвал доклад профессора К. Скандуры (г. Рим, Италия) «Рим в восприятии современных русских поэтов (Тимур Кибиров, Михаил Айзенберг)». Автор рассматривает римский текст как особый литературный пласт, благодаря которому в российском ментальном пространстве реализуется присутствие Рима как некоей метареальности. Рим духовный, подчеркнула К. Скандура, для авторов важнее, чем его физический прототип. С Римом, отметила докладчик, связаны десятки русских имен: их пребывание в Вечном Городе стало не только фактом их личной биографии, но и привело к созданию художественных шедевров.

Работу секции №3 «Провинциальный текст в литературе» открыла д.ф.н., профессор С.М. Козлова (г. Барнаул) докладом «Формы провинциальной саморефлексии в лирике поэтов-барнаульцев». На основе анализа более 20 лирических сборников поэтов г. Барнаула обнаружен ряд общих проблем региональной идентичности. В докладе «Современность и миф в повести Б. Фалькова «Десант на Крит» к.ф.н., доцент Т.Л. Рыбальченко (г. Томск) обратилась к осмыслению мифов локуса в контексте исторических реалий наших дней. Б. Фальков использует три аспекта мифопоэтики: идеологическое (социально-историческое) мифотворчество в современном обществе; архаические (ритуальные) мифы, живущие в родовом / коллективном сознании; архетипическое мировосприятие, сохраненное в сознании индивида. Смысловой комплекс мифологемы «клад», ее сюжетную функцию и жанровые коннотации были рассмотрены в докладе д.ф.н.,

профессора Л.А. Ходанен (г. Кемерово) «Мифологема «клад» в русских повестях 1830-х годов: «Сказки о кладах» О.М. Сомова». Автор выступления рассмотрела специфику мотивов кладоискательства в повести Сомова: формы репрезентации, жанровую поэтику и сюжетобразующую функцию.

Доклад на тему «Дачный локус в рассказах А.П.Чехова» был представлен д.ф.н., профессором Т.И. Печерской (г. Новосибирск). Отметив частотность дачной темы в творчестве Чехова (около 40 рассказов, в которых дача является местом действия) и жанровую принадлежность использованных для анализа текстов, докладчица охарактеризовала микролокусы дачного пространства, сюжетные ситуации, связанные с ним, тип героя, характерный для дачной темы. К.ф.н., доцент В.Д. Линьков (г. Горно-Алтайск) выступил с докладом «Пространственная оппозиция в казачьем мире Ф. Булгарина». В романе Ф. Булгарина «Мазепа» семантика пространства связана с оппозицией главных героев. Автор доклада сопоставляет художественное пространство Мазепы (замкнутый тип пространства), и пространство Палея, организованного динамикой пути. Метаморфоза романного пространства главных героев романа - Мазепы и Палея - означает резкое изменение в их романной судьбе, принимающее катастрофический характер.

Особую полемику в работе секции вызвал доклад д.ф.н. К.В. Анисимова (г. Красноярск) «Этнотипы в прозе И.А.Бунина: «Суходол». Этничность, по мысли докладчика, входит в произведения И.А. Бунина как компонент художественного языка. Автор охарактеризовал «французский», «польский», «татарский» компоненты повести «Суходол» в их многообразных проявлениях на уровне характерологии, сюжетных аллюзий, мотивов, деталей и отметил амбивалентность образов, связанных с каждым этнотипом.

Тематическая направленность работы секций, а также характер и содержание представленных научных сообщений позволяют сделать вывод о том, что программа конференции выполнена в полном объеме. Теоретическая и практическая значимость результатов конференции состоит в обобщении методологических основ и методик изучения локального текста; разработке теоретических проблем, связанных с поэтикой локального текста; рассмотрении возможных форм его семиотической модификации и способов его репрезентации.

Как показала конференция, на сегодняшний день литературоведы России и Западной Европы значительно продвинулись в аналитике сверткестовых систем, объединяющих различные художественные тексты в которых происходит формирование мифологии пространства, пресуществление материального локуса в эстетические и духовные ценности. Анализ локального текста представляет особый интерес и в связи с интенсивностью процессов межкультурной коммуникации в начале XXI века. Диалог культур – это диалог миров. В смысловых сопоставлениях самых разных текстов культуры обнаруживаются диалогические отношения, смысловая конвергенция (общность тем, точек зрения). В процессе диалогических отношений происходит и самоопределение культуры, уяснение собственной сущности, в том числе в пределах диалогической пары

Восток/Запад. Множество разнородных текстов культуры позволяют выстроить цепи диалогических отношений (Алтай – Россия – Италия – Германия и т.д.), которые способствуют сближению культур. Сегодня диалог культур – это один из определяющих факторов, способствующих консолидации и сохранению духовных начал мировой культуры.

Проведение международной научно-практической конференции в Горно-Алтайском государственном университете позволило, с одной стороны, беспристрастно проанализировать ситуацию в области исследования локальных текстов в отечественном и зарубежном литературоведении, аккумулировать разносторонний опыт и методологию исследования, а с другой стороны – актуализировать международные исследования локуса Алтая как «Сердца Азии». По итогам конференции к печати подготовлен сборник научных статей.

Т.С. Пустогачева

Развитие торговых отношений в Бийском уезде во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Горного Алтая) (проект № 07-01-61102 а/Т)

Пореформенный период в Сибири характеризуется оживлением не только в промышленности, сельском хозяйстве, но и торговле. Во второй половине XIX в. в регионе наблюдается расширение торговых и товарно-денежных отношений. Аналогичное положение было характерно и для Алтая, в том числе и для Бийского уезда.

Развитие основных сельскохозяйственных отраслей, промысловой деятельности, замена натурального ясака денежным, подтолкнуло население Горного Алтая и к совершенствованию торговых отношений.

Первоначально торговля производилась, в основном, путём обмена «товара на товар», а потому и называлась меновой. Главной трудностью в её развитии являлось отсутствие не только удобных, но и каких-либо вообще путей сообщения. Даже широко известный Чуйский тракт, являвшийся магистральной артерией в регионе и обладавший статусом дороги «государственного значения», представлял собой в рассматриваемое время в лучшем случае колесную дорогу. О других путях сообщения говорить и вовсе не приходилось. Словом, неразвитость транспорта и путей сообщения края во многом тормозили развитие торговых отношений жителей Бийского уезда не только с сопредельными регионами, Монголией и Китаем, но и внутри своего уезда, в частности, в Горном Алтае.

Внутренняя торговля в Бийском уезде состояла в большинстве своём из ярмарочной и менее из стационарной торговли. Не секрет, что во второй половине XIX века для развития сибирской торговли было характерно повсеместное развитие ярмарочной торговли. Правда, с одной небольшой оговоркой, если во всех уездах Сибири ярмарки практически теряли своё былое значение, и им на смену приходила стационарная торговля, то Бийский уезд, в этом плане, стал исключением. В силу удалённости региона от крупных промышленных и торговых центров, отсутствия железнодорожных

путей сообщения, что отрицательно сказывалось на росте товарооборота, ярмарки ещё долгое время сохраняли здесь своё былое значение. Для многих удаленных мест, они являлись, единственным местом приобретения необходимых товаров и продажи излишков своей продукции.

Развитие ярмарочной торговли во второй половине XIX – начале XX века, хотя и находилось на низком, по сравнению с Европейской Россией уровне, но с каждым годом она набирала темпы и способствовала складыванию капиталистических отношений в регионе. Количественный рост ярмарок потребовал их организационного и законодательного упорядочения.

Ярмарочная торговля являлась составляющей всех торговых отношений в Бийском уезде, которые условно подразделялись на три части. Наряду с ярмарками, имели в нём место торговые операции бийских купцов в алтайских стойбищах, а также русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту.

В конце XIX – начале XX века в связи с включением в заграничную торговлю с Монголией и Китаем торговцев с крупными капиталами, происходит совершенно новое явление в её развитии: ею заинтересовалось российское правительство. Оказалось, что Россия нуждалась в этой торговле. Вывозимое из Монголии сырьё привлекало к себе внимание многих предпринимателей: во-первых, его дешевизной и, во-вторых, спросом на него на мировом рынке. Эта заинтересованность правительства не замедлила сказаться и на социально-экономическом развитии Бийского уезда и Горного Алтая, в частности. Производительные силы в уезде стали развиваться ускоренно, а его хозяйство – приобретать новый товарный вид. Общение же населения Горного Алтая с представителями русского народа позволило поднять первому на более высокий уровень не только хозяйственно-бытовую, но и социально-экономическую и духовную жизнь.

Однако, несмотря на многие положительные моменты в осуществлении такого рода торговой деятельности, в ней присутствовали и негативы, мешавшие поступательному развитию русско-монгольских торговых связей. Это и неразвитость товарно-денежных отношений, и узость монгольского рынка, и противодействие, наконец, китайских властей. Но, эти «препятствия» были преодолены сибирскими купцами, причем в сравнительно короткие сроки, что и помогло им обосноваться в северных провинциях Цинской империи и наладить в них сбыт российской фабрично-заводской продукции. Способствовал этому и возраставший с каждым десятилетием спрос покупателей – монголов и китайцев – на русские товары.

Вся внутренняя и внешняя торговля развивалась в изучаемом регионе не «стихийно», а была подчинена «направляющей деятельности торгового центра» - Бийска, ставшего в рассматриваемый период координатором всего комплекса торговых отношений, имевших место в Бийском уезде.

Являясь «столицей» уезда, Бийск оказывал влияние на все сферы социально-экономической, хозяйственной и культурной жизни подведомственной ему территории. В этом плане непреходящей оказалась его роль в развитии торговли: внутрисибирской и внешней – с Северо-Западной Монголией и Китаем, которая оказала огромное влияние на

развитие производительных сил Горного Алтая, на его социально-экономическое и культурное преобразование.

Определенным доказательством этого, а также развития капиталистических отношений здесь, в Бийском уезде в целом является появление в регионе стационарной торговли: лавок, магазинов, складов и т.д., а потом – небольших торговых объединений, свидетельствовавших на рубеже веков о монополизации торговли. Иначе говоря, появляются прочные торговые союзы, которые заявляют о себе довольно убедительно и начинают диктовать условия, выгодные им, что приводит к банкротству одних фирм и процветанию других.

Оценивая развитие торговли в Бийском уезде в целом, можно констатировать, что в рассматриваемое нами время, здесь имела место довольно обширная и разноплановая торговая деятельность купцов (русских и инородческих) с разнообразными методами и приемами ее ведения, которая несмотря ни на что, всё же способствовала появлению товарно-денежных отношений в крае, его вовлечению в рыночные отношения, выгода от которых была бесспорной. Всё это вместе и предопределило, в конечном счёте, ускоренное развитие изучаемого региона в социально-экономическом, политическом и культурном плане во второй половине XIX – начале XX века.

А.П. Макошев

Население низкогорья Республики Алтай (Турачакский, Чойский и Майминский районы)

1. Численность и воспроизводство населения. Численность населения низкогорья за 1897-2006 годы увеличилась в 6 раз, в т.ч. в Турачакском районе – в 6,3, в Чойском – в 2,3, в Майминском районе – в 10,6 раза, против менее 5 раз по Республике Алтай.

Особенно высокие темпы прироста населения были характерны для пояса низкогорий в начале XX в., продолжавшиеся в 1920-1930-е годы (за 1897-1939 гг. в 6,2 раза, в т.ч. в Майминском районе – в 6, Чойском – в 3,1, в Турачакском – в 12,7 раза, в целом по республике – менее чем в 4 раза).

Такое стремительное увеличение населения региона, в частности «северных ворот» Горного Алтая, обусловлено массовыми переселениями на Алтай, начатые с середины ХУШ в. после присоединения алтайцев к Российскому государству.

В послевоенные годы динамика роста населения в Северном Алтае резко снизилась (за 1959-2006 годы – на 6,5%). Это произошло за счет Турачакского и Чойского районов, а в Майминском районе продолжался последовательный рост количества жителей.

Интересно проследить изменение доли северных районов в численности населения региона. С конца XIX в. и до Великой Отечественной

войны происходило увеличение удельного веса трех северных районов в населении республики, а в последующие годы – неуклонное уменьшение их доли (в конце XIX в.- 1/5, в 1926 г. – 2/5, в 1939 г.- 1/3, в 2006 г. – менее ¼.

Численность населения зависит от соотношения рождаемости и смертности, сальдо миграций, т.е. естественного движения и механического движения. Общие коэффициенты естественного движения населения низкогорья в среднем за 1999-2006 гг. составили минус 2,5 человека на 1000 населения, в том числе в Турачакском, Чойском и Майминском районах соответственно -1,8, -2,7 и -3,0 промилле по сравнению 1,5 промилле по Республике Алтай.

Механическое движение населения низкогорья в среднем за эти же годы составило 40 человек, в том числе в Турачакском районе (-56), Чойском (1), Майминском (176) и в целом по республике (124).

Следовательно, в Турачакском районе в последние годы имеет место не только устойчивая естественная убыль, но и миграционная убыль населения. В результате идет последовательное уменьшение числа постоянного населения субъекта республики. В Чойском районе в среднем за 1999-2006 гг. число прибывших уравнивается количеством выбывших. При отрицательном естественном приросте общий прирост населения также отрицательный. В Майминском районе число мигрантов значительно превышает отток населения, что дает положительное сальдо прироста. В Республике Алтай незначительный естественный прирост усиливается положительным сальдо миграций и в итоге происходит общий прирост жителей.

2. Национальный состав и социально-экономическое положение коренных малочисленных народов. Суммарная численность алтайцев трех северных районов, увеличившись до 5,7 тыс. человек в 1926 году, уменьшилась до 4,9 тыс. человек в 1989 году и составила по последней переписи населения 5,55 тыс. человек, и соответственно изменилась их доля в общей численности алтайцев республики (в %): 1897 г.- 17,8, 1926г.- 22,9, 2002 г.- 8,2, т.е. в 2002 г. в 2,2 раза меньше по сравнению с 1897 годом. Еще в большей степени снизилась доля северных алтайцев в общей численности населения низкогорья Республики Алтай (в %): 1897 – 69, 1926 – 25, 1939 – 17, 1970 – 14,4, 1989 – 11,3, 2002 – 12,2. В общем уменьшение произошло в 5,7 раза по сравнению с концом XIX века. В основе такого явления лежат ассимиляция, смешанные браки, дети от которых берут иные национальности и другие причины.

Поэтому тубалары, челканцы и кумандинцы согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» включены в список коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока.

Около 9/10, более 4/5 и 45% официально зарегистрированных соответственно тубаларов, челканцев и кумандинцев проживает в Турачакском, Чойском и Майминском районах. По переписи 2002 года 1533 человека записались тубаларами. Это незначительная часть от действительной их численности, т.к. из 2,2 тыс. алтайцев Турачакского

района большая часть – тубалары, практически все алтайское население Чойского района – тубалары, в Майминском районе из 2 тыс. алтайцев большинство также тубалары и значительная часть алтайского населения Чемальского и Шебалинского районов также этнически относятся к тубаларам, т.к. среди них много носителей тубаларских сеоков (родов) – комдош, чагат, кузен, тогус, юс и т.д.

Особый национальный колорит населению Северного Алтая и в целом республики придают коренные малочисленные народы – тубалары, челканцы, кумандинцы.

Среди тубаларов (черневых татар) наиболее распространены сеоки (роды): комдош, (Бодровы, Туватовы, Тобоковы), чагат (Бедушевы, Казагачевы, Чуношевы), юс (Чеконовы, Воинковы), тогус (Кучуковы, Чалбины), кузен (Пахаевы), ярык (Юдановы), дивер (тибер) (Тарбагановы, Чибииковы, Яманчиряевы, Макошевы) и др.

Среди кумандинцев такие сеоки: оро куванды (Петрушевы, Акпыжаевы, Распаевы, Пешперовы), тоон (Тукмачевы), тастар (Кыргызакеры), алтына куванды (Сатлаевы), калар (Телековы), карга (Кардаковы, Чудековы), чодьер (Чедыбары, Кастаракеры, Кызлаковы), челей (Камзараковы, Шаховы, Стаховы, Сурбашевы), тенул (Индечекеры, Кобылдаевы, Платановы), шор (Пыжлаковы, Чумакаевы), шабат (Теберековы).

Среди челканцев: кызылкос (Пустогачевы), карча (Кандаракеры), ньундокой (Сумачаковы), деткер (Крачнаковы), алынан (Пустогачевы), карга (Тундубашевы), поктарык (Барбачаковы), дьарта (Курускановы), карачубен (Курускановы) и др. Кстати, самые распространенные фамилии среди челканцев Пустогачевы, Сумачаковы, Кандаракеры, сеоки у них могут быть разные. Они одни из самых известных в республике.

Кумандинцы и тубалары проживают во всех районах Республики Алтай, челканцы зарегистрированы почти во всех муниципальных образованиях, за исключением Чойского, Усть-Коксинского и Кош-Агачского районов. В более широком плане кумандинцы проживают в 49, тубалары и челканцы по 9 субъектам Российской Федерации.

Современное социально-экономическое положение КМН РА сложное: низкое социальное положение, бедность, безработица, маленькая заработная плата, усугубляемое разрушением окружающей среды, вырубкой леса (кедра), загрязнением рек и водоемов, радиацией и ракетопадом.

Они слабо представлены в структурах власти на всех уровнях (республиканском, районных и сельских). Среди них мало бизнесменов, предпринимателей, менеджеров и т.д. Подрыв материального производства, расслоение общества, его астрономическая поляризация, не оправдавшиеся надежды людей на перестройку и реформы, отсутствие идеологии приводят к утрате традиций и обычаев, культурных и духовных ценностей. Многие не могут адаптироваться к новым рыночным условиям. Потеряв веру, религию, стали никем. Отсюда деградация личности, пьянство, преступность, кража, потеря уважения к старшим.

Основным источником жизнеобеспеченности населения района, в т.ч. КМН является личное подсобное хозяйство с уклоном на животноводство.

Кроме того, часть людей получает доходы от сезонных занятий (охота на пушного зверя и копытных животных, кедровый промысел, сбор калбы (черемши), клюквы, папоротника-орляка, продажа сухих рогов марала, косуль и т.д.

Коренные и русские жители сел прителецкой зоны (Артыбаш, Иогач, Яйлю, Кебезень, Новотроицк) имеют денежные выручки от обслуживания туристов в летний сезон: продажа продуктов питания, сдача в наем жилых помещений, прогулка на моторной лодке по озеру и верховая прогулка на лошадях, оказание других туристических услуг.

Основная часть КМН проживает в отдаленных, высокогорных, таежных и малых селах, где слабая социальная и производственная инфраструктура, или она вовсе отсутствует. Специфика расселения северных алтайцев в отличие от южных в том, что они, за исключением некоторых деревень, живут в смешанных (русско-алтайских) селах, где составляют, как правило, меньшинство населения. Отсюда слабое владение родным языком, высокий процент смешанных браков, интенсивная ассимиляция, потеря традиций, обычаев и пр. У них нет единого организующего, культурного, национального центра. Исключение составляет с. Курмач-Байгол у челканцев, где имеются основная школа, сельский дом культуры, библиотека, хотя располагаются они в аварийных и ветхих зданиях. Мощный культурный очаг у тубаларов – с. Сайдыс- увядает, в свое время он дал 16 ученых, в том числе первого доктора наук, профессора среди алтайцев С.С. Суразакова.

Наделение земель и выделение деловой древесины для строительства проливают луч света и вселяют надежду в завтрашний день тубаларов, челканцев, кумандинцев, шорцев, теленгитов и всего населения района, республики.

3. Трудовые ресурсы и возрастной состав населения. Лучшая обеспеченность трудовыми ресурсами имеется в Майминском районе, где лица в трудоспособном возрасте составляют 65,2 % населения против 63% по Республике Алтай. В Турачакском и Чойском МО доля лиц от 16 до 60 лет несколько меньше, чем в республике. Во всех трех районах низкогогорья более пожилое население, нежели в регионе. Удельный вес детских возрастов ниже всего в Майминском районе.

Возрастная структура населения северных районов благоприятна с точки зрения трудоустроенности. Однако в социально-экономических планах МО отмечается их сравнительно низкое качество и отсутствие специалистов новой формации: бизнесменов, предпринимателей, менеджеров; дефицит ряда специалистов в здравоохранении, образовании, культуре и искусстве, спорте, туризме и рекреации (например, учителей иностранных языков, информатики и музыки, стоматологов, программистов, организаторов молодежного досуга), т.е. нужда в специалистах производственной и социальной инфраструктуры при избытке чиновников, причем недостаточной квалификации, профессионализма.

Такие требования обусловлены трансформацией макроструктуры экономики Северного Алтая от аграрно-промышленного типа к сервисно-аграрно-промышленному и тем, что Республика Алтай вошла в число семи ОЭЗ (особо-экономическая зона) рекреационных регионов России, что на

Телецком озере предусмотрено строительство туристских учреждений.

4. Расселение. Для низкогорья характерно наличие малых населенных пунктов (менее 100 жителей), которые составляют 30 из 78 сельских поселений, или 38,5 %. Но в них проживает всего 1,8 % населения (867 человек из 47878), как и для всей республики (соответственно 24,2 % и 1,4 %). Наибольшее количество мелких сел находится в зоне низкогорья (30 из 59, или 50,8 %).

Средняя людность сельских поселений Северного Алтая составляет 614 человек, практически, что и в Республике Алтай (613). Однако эта средняя величина достигается за счет Майминского района (1043) при малой людности Турачакского (401) и Чойского (427) районов.

В селах с людностью 101-500 жителей в северных районах сосредоточено 16% населения, в больших селах (501-1000) – 12%, в крупных селах (1001-5000) – 29%. Соответствующие показатели по Республике Алтай: 20, 22, 33 процента, т.е. более высокая концентрация. Зато в очень крупных селах (свыше 5000) в низкогорье проживает более 2/5 жителей, в то время как в республике – менее 1/4. Это достигается главным образом за счет с. Маймы, самого крупного села в России. Села с числом жителей свыше 5000 человек – это своего рода мегаполисы в условиях Горного Алтая. Их всего в субъекте – 5, два из них расположены в ландшафтах низкогорья.

В целом в Северном Алтае преобладают средние села с людностью 101-500 человек (29 из 78). Села с числом жителей более 1000 в республике – 31, это в масштабах региона как бы ассоциируются с городами-миллионерами, 10 из них, т.е. 1/3 находится на территории Северного Алтая, в том числе по 4 в Чойском и Майминском районах и два – в Турачакском.

Взгляд в прошлое показывает, что трансформация людности сельских населенных пунктов отражает рост районных центров и крупных сел, которые притягательны для мигрантов, а мелкие же теряют своих жителей.

Для низкогорья, как и в целом для республики, свойственна тенденция к укрупнению сельских поселений. Так, в 2006 году средний размер сельского населенного пункта в зоне низкогорий составил 614 человек против 575 в 1989 году; в республике соответственно 613 и 580, однако в 2002 году средняя людность была выше, чем в 2006 году (637 в низкогорье и 617 в республике).

Коллективизация и политика ликвидации «неперспективных сел» в 1960-1970-х гг. привели к сокращению сельских поселений. Так, в Турачакском, Чойском и Майминском районах за 1926-1970-е годы исчезли 293 села, или 49% от республиканского числа; в 1970-1989 гг. – 60 сел, или 71 % (Макошева и др; 2006.- С. 32)

Итак, рассмотрели численность и воспроизводство населения (естественное движение и механическое движение), национальный состав и современное социально-экономическое положение коренных малочисленных народов, трудовые ресурсы и возрастной состав населения, особенности расселения в низкогорье за 1897-2006 и 1999-2006 годы на фоне Республики Алтай.

Литература

- 1.Макошева А.А. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ)/ А.А.Макошева, А.П.Макошев, И.Н.Апенышева - Горно-Алтайск: ГУ кн. изд. «Уч-Сумер - Белуха», 2006.- 76 с.
- 2.Муниципальные образования Республики Алтай. Социально-экономические показатели: ст. сб./ Алтайстат.- Горно-Алтайск, 2006.- 155 с.; 2007.
- 3.Численность постоянного населения сельских населенных пунктов на 1 января 2005 года. - Горно-Алтайск, 2005.- 19 с.

В.С. Иванова, Н.А. Тадина

**Об основных итогах проекта «институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай»
(проект № 07-03-61304а/Т)**

В течение 2007-2008 гг. в Горно-Алтайском государственном университете выполнялся региональный проект РГНФ по теме «Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай». Научная группа работала под руководством В.С. Ивановой – к.и.н, доцента кафедры теории и истории государства и права. Одним из основных исполнителей являлась Н.А. Тадина – к.и.н, доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения. В силу того, что тема проекта носит междисциплинарный характер на стыке нескольких наук – юриспруденции, юридической этнологии и этнографии то, в научную группу вошли студенты, специализирующиеся по проблемам права, истории государства и этнографии Алтая: А.М. Попошева, Д.В. Соенов – студенты юридического факультета и Т.С. Ябыштаев – исторического.

Источником для работы над проектом явился полевой материал, собранный во время поездок в летние периоды 2007 и 2008 гг. в Чемальский, Онгудайский, Шебалинский, Усть-Канский, Кош-Агачский и Майминский районы Республики Алтай. Нами было опрошено население смешанных районов – алтайцы как коренной этнос, русские как этническое большинство региона и казахи как представители давней и крупной диаспоры региона. Кроме того, мы изучили проект закона республики «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай» и федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Предметом исследования выступили основные проблемы проекта, как-то оценка деятельности современного зайсаната, его состав и структура, критерии выбора зайсана, причины возрождения института родовых глав и его общественная деятельность.

Основные результаты исследования темы были представлены в докладах исполнителей проекта на 15 научных конференциях, как

всероссийского, так и международного масштаба по правовым, социологическим, этнографическим вопросам, прошедших в соседних регионах и за рубежом (Казахстан). За весь период выполнения проекта была опубликована серия статей в научных сборниках (российских и с международным участием казахстанской и монгольской сторон) – всего 23 статьи и 7 статей в печати.

Актуальность темы проекта состоит в своевременности изучения возрожденного института зайсанства в свете российского законодательства, направленного на обновление исторически существовавших народных (общинных) институтов власти, традиций и обычаев внутриэтнической жизни, норм обычного права и традиционного природопользования.

Возрожденный зайсанат стал одной из форм этнического самоопределения алтайцев. Используя исторический метод ретроспективного анализа, мы выявили, что возрождение института зайсанства, его правовых основ происходило с позиции обычного права алтайцев, имеющего исторические напластования прошлых эпох, проявляющихся в сфере правопонимания и правосознания. До сих пор в народе живет память об ойротском периоде (XVII - середина XVIII вв.), когда предки алтайцев пережили государственность в составе Джунгарского ханства. Одним из символов той поры остался титул зайсана, обозначающий главу сёока-рода. Этот термин произошел от наименования китайского титула «цзэй-сян» и сохранился в алтайском народе как родовой символ. В условиях интеграции алтайцев в российское общество их родовой принцип управления поэтапно упразднялся (XIX – начало XX вв.), а вместе с ним - и должность зайсана. Неслучайно возрождение института зайсанства означало в среде алтайцев возврат к родовым традициям и выбор путей самоопределения, перекликаясь с бурханизмом – этноконсолидационным движением начала XX века.

В идее возрождения зайсаната пересеклись различные проблемы – этнические, политические, социальные, родовые. Изучив собранный полевой материал методом сравнительного анализа, мы выявили, что возрождение зайсаната алтайцев стало возможным благодаря бытующим родовым традициям, которые в советское время считались «пережитками». Дело в том, что родовая структура по-прежнему остается основой этнического сознания. Тот факт, что сохранение ее как «стержня» алтайского этноса, выраженное в передаче потомкам родовой принадлежности, соблюдении основных родовых обычаев – экзогамии и авункулата, позволили прийти к идее о возрождении зайсаната. До тех пор, пока сохраняется традиция принадлежности к патрилинейному сёоку и связанные с этим родовые отношения, будет жить в народной памяти должность зайсана как главы сёока-рода.

Одним из подходов нашего исследования заключается в рассмотрении возрожденного зайсаната как социального института алтайцев. В большей степени идея возрождения должности главы рода отвечает современным внутриэтническим проблемам, что позволило родовым традициям выйти из семейно-бытовой и родственной среды на более широкий уровень, в чем проявилась одна из форм самоутверждения алтайцев. К числу актуальных проблем относятся нарушения обычая родовой экзогамии и необходимость регулирования сватовских расходов. В

постановке первой из них заключено этническое содержание – будущее зависит от соблюдения экзогамных норм брака, ставших на протяжении длительного отбора исторически обоснованным и необходимым условием генетического здоровья этноса. В попытке решения другой проблемы выражена социальная ситуация постсоветского периода, когда популярным «козырем» выступают чрезмерные расходы сватовства, ставшие непосильными для многих алтайцев. Эти две взаимосвязанные проблемы составляют одну из первостепенных задач современного зайсаната во внутриэтнической жизни алтайского общества. Сегодня зайсанат реализует себя как общественная организация, призванная регулировать родовые отношения, обрядовые издержки и мелкие проступки (деликты), происходящие в алтайском обществе, и мог бы стать прообразом общественной палаты в структурах местной власти.

Одним из основных вопросов проекта явилось изучение структуры зайсаната, сложившейся на фоне национального общественного движения республики в 1990-х гг. Современный зайсанат состоит из 12 зайсанов, избранных в начале 1990-х гг. многочисленными сёоками-родами алтайцев. С целью координации деятельности зайсанов в 1997 г. был создан Совет зайсанов Алтая. В том же году была создана общественная организация «Курултай алтайского народа», съезд которой созывается через каждые три года. В течение этого времени работает правление организации «Тёс Тёргё», состав которого избирается из зайсанов, а во главе его стоит «Эл-Башчы» - Глава народа. За весь период существования общественной организации прошло пять съездов, на которых поднимались вопросы как внутриэтнического, так и общественно-политического содержания. К числу их относятся сохранение и соблюдение родовых обычаев экзогамии, авункулата и взаимопомощи, а также оказание социальной помощи немощным, престарелым и малоимущим, решение проблемы безработицы на селе и алкоголизма, в первую очередь, среди молодежи и женщин, что явилось одним из острых социальных недугов современного общества Республики Алтай.

Мы обратили особое внимание на возрастные границы и социальный состав зайсаната. Самому старшему зайсану за 70 лет, а младшему – 48, средний возраст главы рода – 60 лет. Одни зайсаны занимают важные посты в чиновничьих структурах и в СМИ, другие являются бывшими партийными функционерами, работавшими в советское время секретарями обкома или райкома партии/комсомола. Имея значительный опыт работы в советско-партийных структурах, многие из них мыслят по-старому и считают себя зависимыми от властей. Объясняя избрание их зайсанами, в алтайском народе обычно говорят, дескать, «что делать, если наши старшие по возрасту таковы, других ведь нет». Дело в том, что в сознании народа важен авторитет старшинства по возрасту, и в меньшей степени - по социальному статусу. Выбирая зайсана, многие объясняют этот выбор тем, что избранный зайсан, имея чиновничий опыт, лучше знает систему правления, вхож в нее, и это может способствовать решению проблем в структурах местной государственной власти.

Основной целью нашего проекта явилось изучение правовой основы

зайсаната, базирующейся на нормах обычного права, специфика функционирования которой проявляется в ее параллельном сосуществовании с официальным правом. Общественная деятельность зайсанов ограничена тем, что традиционные юридические нормы алтайцев еще не легализованы, не закреплены законодательно. Идея возрождения зайсаната была изложена в проекте закона «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай». Предложенный проект закона состоит из преамбулы и семи глав: общие положения, организационно-правовые основы деятельности родовой общины, органы управления родовой общины, зайсанский суд, финансово-экономическая основа деятельности родовой общины, ответственность за нарушение закона. После принятия проектов федеральных законов и указанного законопроекта предполагалось разработать и принять другие законодательные акты, в частности, о зайсанском суде, в котором подробно будут урегулированы порядок его образования и деятельности, изложены его полномочия, порядок рассмотрения дел и применение мер ответственности к правонарушителям в родовой общине алтайцев.

Проект закона «О родовой общине алтайцев» прошел многоступенчатую экспертизу и был предметом неоднократного обсуждения на постоянных комиссиях Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Курултае алтайского народа, Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай, научно-исследовательском институте алтаистики им. С.С. Суразакова, прокуратуре республики и управлении юстиции. В итоге было учтено все новое в федеральном законодательстве. 26 июня 2001 года проект был принят республиканским Парламентом, но 17 июля - отклонен Главой Республики Алтай без обоснования причин для повторного рассмотрения. Тот факт, что на проект закона о родовой общине алтайцев было наложено вето, свидетельствует о появлении конкурента республиканским государственным органам в лице возрожденного зайсаната. По результатам опроса информаторов и бесед с современными зайсанами наше утверждение можно считать обоснованным. Таким образом, нерешенными и спорными остаются вопросы о закреплении статуса зайсаната в Конституции Республики Алтай, принятии разработанного проекта закона «О родовой общине алтайцев».

Комплексное изучение собранных сведений по теме проекта позволило прийти к выводу о том, что если видеть в современном возрождении института зайсанства лишь стремление вернуть родовую структуру управления, то такая позиция будет однобокой. Дело в том, что имеющийся опыт «реанимации» зайсанства не дал ожидаемых результатов: старинная форма правления оказалась не соответствующей современным социально-политическим условиям, как это видно на примере попытки проведения суда зайсана. В большей степени идея возрождения института родовых глав алтайских родов-сёоков отвечает решению современных внутриэтнических проблем: соблюдение родовых обычаев экзогамии и авункулата, регламентация сватовских расходов свадьбы, взаимопомощь.

Другим основным итогом выполнения проекта явилось сплочение и формирование научной группы для работы над проектом и наработка ею научного задела для осуществления последующих проектов правового,

социологического и этнографического направлений.

В.С. Иванова руководила изучением правовых основ современного зайсаната. В частности, ею был собран и опубликован материал об опыте первого суда зайсана, состоявшегося в августе 1999 года в с. Ело Онгудайского района. Суд был проведен зайсаном сёока «кыпчак» по поводу кражи скота, ставшей способом существования сельчан после распада колхозов и появления безработицы в селе. Наказание жителям с. Ело, которых подозревали в краже, не было вынесено, а так называемый зайсанский суд проходил в форме общественного порицания сородичей. Некоторые общественные деятели до сих пор недоумевают по поводу проведения такого суда и высказывают сомнения о его необходимости и пользе.

После вхождения алтайцев в состав России изменилась форма управления регионом. В истории российского права есть примеры, когда родовое управление на протяжении XIX в. было отменено не сразу, а поэтапно, при этом выступая регулятором отношений между русскими переселенцами и местным населением. Для применения нового права, российского по сути, были не пригодны правосудие и процессуальные нормы, выработанные в канонах обычного права сибирских инородцев. Под влиянием социально-политических факторов существенно изменилась старая обычно-правовая система, сформировался новый социально-правовой и моральный порядок. При этом он не отменял старый, так как обычное право, как любое другое социальное явление, хранило в себе отпечаток всей истории и продолжало играть свою роль в общественной жизни.

Анализ фактического материала по теме проекта позволил сделать вывод о том, что в ситуации двойного развития, когда с одной стороны происходит унификация позитивного права, а с другой стороны, эта тенденция наталкивается на необычную устойчивость традиционных норм и их способность к самовоспроизводству, происходит регулирование отношений нормами реципированного права. Там, где происходил переход к новому образу жизни, отношения в обществе регулировались обычно-правовыми максимами – отсюда возникает расхождение между официальным и обычным правом, ставшее предметом изучения проекта. Некоторые результаты исследования темы проекта составили содержание работы А. Попошевой по теме «Обычное право алтайцев», выполненной под научным руководством В.С. Ивановой и в 2007 г. представленной на Всероссийском конкурсе студенческих работ по актуальным вопросам современного права, где она заняла III место.

При изучении обычного права как основы возрожденного зайсаната нами были введены в научный оборот данные об опыте столичной группы этнографов во главе с В.Г. Богоразом, предложившей в 1920-х гг. принять ряд законов, которые бы регулировали политику в отношении коренных народов Сибири. Их идея состояла в том, чтобы придать районам, населенным коренными народами, статус коренных территорий по модели, близкой к американским резервациям. Однако эта идея общинных автономий была отвергнута советской властью, которая признала за народами Сибири и Крайнего Севера право на самоопределение и провозгласила их политическое

равноправие. На самом деле она исходила из патерналистских представлений о «неподготовленности этих народов к созданию собственных органов управления» и брала их под опеку, утверждая свои отделы и комитеты «по охране и управлению», «содействия развитию» и т.п. Такие сведения подтверждают закономерность возрождения зайсаната, ставшего формой самоопределения алтайцев в наши дни.

Изучение состояния данной проблемы в советский период подводит к выводу о том, что развитие национально-территориальной автономии и превращение ее в действительное самоуправление народа были приостановлены политикой тоталитарного государства. Впоследствии идея общинного самоуправления и использования хозяйственных критериев при выделении народов Сибири была отвергнута, а советское государство приняло концепцию национально-территориального деления. При этом решались вопросы развития территории, а не условий развития народов, населяющих ее. Такая политика объясняет кризисное состояние языка и этнической культуры северных алтайцев, что вызвало рост их политической активности на рубеже XX-XXI веков.

Этнические проблемы возрождения института родовых глав составили направление научной работы по проекту этнографа Н.А. Тадиной. Ею было обращено внимание на то, что современный зайсанат остается южноалтайским явлением. Возрождение его объясняется особенностью этнического сознания южных алтайцев, выстроенного на родовой структуре, выступающей механизмом внутриэтнической жизни. В постсоветское время этническая группа алтай-кижи оказалась способной начать возрождение должности главы рода, а другая группа – теленгиты поддержать это родовое движение. При этом группа алтай-кижи как наиболее многочисленная и распространенная, в этнониме которой присутствует слово «Алтай», явилась центральной не только в географическом отношении, но и в этническом значении. По сути, группа алтай-кижи была создана под влиянием бурханизма, лидером которого она была, что во многом определило ее инициативу в возрождении зайсаната как социального института.

В XIX в. у алтай-кижи сохранялось родовое управление в форме дючин, а у северных алтайцев российская администрация вводила территориальный принцип правления в виде волостей. Следует подчеркнуть, что традиция родового управления у алтайских тюрков имела свою историю, задолго до ойротского периода, в частности, на это указывает название родового главы северных алтайцев – башлык (с общетюркского «глава»).

Тот факт, что в начале 1990-х гг. в Республике Алтай происходит рост политической активности населения, предопределяет путь этнического возрождения южных и северных алтайцев. Одним из важных стимулов в этом выступило общероссийское и международное движение по приоритетам коренных малочисленных народов. Северные алтайцы нашли нестандартное решение – «отделение» от южных алтайцев, для которых актуальным оставался родовой вопрос: соблюдение родовых отношений и обычаев, возрождение зайсаната. У северных алтайцев сложилась кризисная этническая ситуация, и проблема этнического возрождения решалась не «родовым» путем, а административным. Они пошли по пути создания

«Ассоциации северных алтайцев», целью которой явилось официальное признание их диалектов в качестве самостоятельных языков, открытие национальных школ, прекращение вырезки тайги, о чем было изложено в «Программе сохранения тюркских народов Северного Алтая и возрождения их этнической культуры» (1994 г.).

В процессе работы над проектом Н.А. Тадиной был введен в научный оборот ойратский кодекс закона, называемый «Великое уложение «Их-цааз» (1640 г.). В нем содержатся самые первые сведения о традициях обычного права центральноазиатского общества, выступающие письменным подтверждением сохранившихся у алтайцев представлений о порядке родового управления. В родовой структуре алтайцев основное место имеет сёок-род как социальная единица общества, обладающая универсальным свойством осознавать себя единой целостностью со своей системой авторитетов. В ней генеалогическая непрерывность рода регулирует социальные связи «господства-подчинения» через иерархию «старших-младших». Здесь важными критериями выступали, прежде всего, старшинство и право первородства, что определяло два уровня наследования власти: один – принадлежность к родословной зайсана, другой – к его семье, где происходила прямая передача власти в родовой системе управления.

В этническом сознании алтайцев заложено традиционное представление о значимости родового лидера, называемого «зайсан», как гаранта миропорядка, от которого зависит благополучие народа. В традиционном миропонимании народа особенность сравнения важности главы рода с достоинством такой вещи как «шуба с воротом» сохранила смысловой код статуса зайсана. Насколько позволяют судить собранные сведения о статусе родового главы, одежда с воротом выступает символом состоявшейся жизни, как мужчины, так и женщины. Согласно сложившейся картине мира алтайцев, жизнь на земле предопределена свыше, и с временностью «этого мира», отпущенного человеку, соотносится вечность «иного мира», поэтому должность зайсана в роду значима.

На протяжении двух последних лет нашей группой по проекту был собран этнографический материал по Кош-Агачском району по теме диалога культур теленгитов как одной из групп южных алтайцев, и чуйских казахов – одной из крупных диаспор республики. На примере актуализации родового управления алтайцев и казахов и степени их этнокультурного взаимодействия мы пришли к выводу о неслучайном использовании ими родового института «зайсан» вместо казахстанского «султан». На рубеже XIX-XX вв. родовой глава у кош-агачских казахов назывался также как и у алтайцев – «зайсан»: например, зайсан Абдулло Калдыкин. В наши дни родовая структура остается этнической основой, как у казахов, так и у алтайцев. Сведения, собранные методом сбора полевого материала на языке изучаемого народа, подтверждают, что таковой основой остается не только родовая структура, но и связанное с нею этническое сознание. С другой стороны, в социальной структуре родового общества, как казахов, так и алтайцев сохраняется не только родовое управление, но и представление о принадлежности к роду – патрилинейному экзогамному подразделению. Казахские казахи обозначают родовые подразделения словом «ру», а алтайские – «суюк».

Студенты, выполнявшие работу исполнителей по данному проекту, представили на Российскую археолого-этнографическую студенческую конференцию, проходившей в 2008 г. в Барнауле в Алтайском государственном университете, доклады, в которых осветили следующие аспекты темы проекта. А. Попова осветила социально-правовые аспекты обычаев и традиций алтайского народа в свете их исторической и практической значимости. Д. Соенов изложил проблемы современного состояния института зайсанства на Алтае. Т. Ябыштаев посвятил доклад роли института зайсанства в политической системе Республики Алтай.

Итогам изучения правовых основ зайсаната и роли родовой структуры в его возрождении были посвящены доклады В.С. Ивановой и Н.А. Тадиной на научных конференциях различных уровней. На научно-практической конференции, проходившей в Горно-Алтайском государственном университете, «Немецкие исследователи на Алтае» были представлены наши доклады, содержащие материал по истории зайсаната. В частности, были освещены сведения В.В. Радлова о зайсанате середины XIX в. из книги «Из Сибири». Участие на другой научно-практической конференции «Этнопедагогика: теория и практика» (Горно-Алтайск, ГАГУ) представлен докладом Н.А. Тадиной, содержащим анализ категории старшинства в этническом сознании алтайцев, формирующей представление об авторитете зайсана. В научной конференции с международным участием ученых из Монгольской народной республики «Природные условия, история и культуры Западной Монголии» (Горно-Алтайск, ГАГУ) был представлен совместный доклад В.С. Ивановой и Н.А. Тадиной, посвященный возрожденному зайсанату как центральноазиатскому феномену в Республике Алтай. На научно-практической конференции «Проблемы и перспективы правового, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации» (Горно-Алтайск, ГАГУ) был представлен доклад В.С. Ивановой, посвященный анализу общественно-политической деятельности современного зайсаната в регионе. В.С. Иванова и Н.А. Тадина приняли участие в научных чтениях памяти профессоров Алтайского госуниверситета – Е.М. Залкинда, А.П. Бородавкина, Ю.С. Булыгина (Барнаул, АГУ), где выступали с итогами исследования по региональному проекту РГНФ. В их докладах были освещены роль и значение современного зайсаната в социально-политическом развитии Республики Алтай.

В.С. Иванова и Н.А. Тадина приняли участие в научно-практических конференциях в соседних регионах. Так, в одной из них «Россия и Хакасия: 300 лет вместе» (Абакан, НИИ) в совместном докладе В.С. Ивановой и Н.А. Тадиной прозвучал вывод о том, что зайсанат выступает общим явлением, характерным для народов Саяно-Алтая. Настоящая проблема исследования заключается в том, что в истории одних народов это явление сохранялось на уровне этнического сознания, а у других народов оно исчезало вследствие активной ассимиляции в современных условиях.

Участие В.С. Ивановой во всероссийской научной конференции «Этносоциальные процессы в Сибири» (Новосибирск, СО РАН) позволило осветить опыт первого суда зайсана, прошедшего в 1997 г. в Онгудайском районе, и обратить внимание на отсутствие полномочий современного

зайсана выступать на селе в роли судьи. В докладе Н.А. Тадиной, представленном на этой же конференции, освещалась история Алтайского Культурного центра в с. Чемал, созданного ага-зайсаном А.К. Бардиным. Ему было обращено внимание на выбранный им путь возрождения этнических традиций.

На очередной научно-практической конференции всероссийского значения «Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции», прошедшей в Томском государственном университете, в докладе Н.А. Тадиной был предложен материал о статусе зайсана, выраженного в ношении «одежды с воротом».

На международной научной конференции «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии», прошедшей в г. Семей (Семипалатинск, Казахстан) был представлен доклад Н.А. Тадиной, содержащий материал по историко-сравнительному анализу родовой должности у алтайцев и алтайских казахов как крупной и давней диаспоры Горного Алтая. Был сделан вывод об общих чертах родовой структуры этнического общества и родового принципа управления алтайцев и казахов Горного Алтая и об этнокультурном заимствовании последними центральноазиатского титула «зайсан».

Изучение темы проекта представляет практическую значимость для качественной подготовки юристов со знанием региональных особенностей. Было выявлено, что место института зайсанства в системе неправительственных организаций республики определяет круг вопросов, входящих в его ведение – это семейно-брачный кодекс алтайцев, традиционные нормы наследования и опеки, промысловое и договорное право и пр. Изучение темы проекта имеет практическую значимость для учебного процесса. Так, успешной работе юриста в нашем регионе способствуют знания особенностей правовой культуры местного населения. Одно из таких явлений как возрожденный зайсанат демонстрирует значимость норм обычного права в наши дни. Дальнейшее развитие общества невозможно без качественных специалистов со знанием региональных особенностей, способных оказать полноценную юридическую помощь населению нашего региона. Результаты изучения темы позволяют пролить свет на актуальность функционирования института зайсанства и его правовые основы.

В результате изучения темы проекта, нами были подготовлены следующие рекомендации для управленческих структур и общественных организаций региона: 1) легализовать нормы обычного права алтайцев, приняв закон «О родовой общине алтайцев и других этнических общностей Республики Алтай»;

2) отразить этнические особенности родового самоуправления алтайцев в нормативно-правовых актах Республики Алтай;

3) учитывать потенциал возрожденного зайсаната и накопленный опыт родового управления в совместной деятельности республиканских управленческих структур и общественных организаций.

Собранные нами сведения рассматриваются в качестве базовых для

дальнейшего исследования зайсаната и его правовой основы.

Библиографический список публикаций, выполненных в рамках проекта:

- 1.Иванова В.С. В.В. Радлов о правовом статусе института зайсанства // Материалы научной конференции «Немецкие исследователи на Алтае». Горно-Алтайск: Четвертый регион, 2007. С. 48-50. — на рус. яз.
- 2.Иванова В.С. Модернизация юридического образования в свете его регионального компонента // Этнопедагогика: теория и практика (матер. конф.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 215-218. — на рус. яз.
- 3.Иванова В.С. О взаимоотношении доминантной правовой культуры с обычно-правовой культурой Горного Алтая в XIX веке // Актуальные вопросы истории Сибири (матер. науч. чт.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 24-27. — на рус. яз.
- 4.Иванова В.С. О первом опыте суда зайсаната в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2007. Вып.8. С. 135-136. — на рус. яз.
- 5.Иванова В.С. О правовых основах института зайсанства в Республике Алтай // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений (матер. конф.). Барнаул: Азбука, 2007. С. 58-61. — на рус. яз.
- 6.Иванова В.С. О музее современного зайсана // Анохинские чтения (матер. конф.). Горно-Алтайск: НМ РА, 2008. С. 158-160. — на рус. яз.
- 7.Иванова В.С., Тадина Н.А. О зайсанате как центральноазиатском феномене Республики Алтай // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (матер. конф.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 169-172. — на рус. яз.
- 8.Иванова В.С., Тадина Н.А. Реформа родового управления тюрков Саяно-Алтая как один из путей интеграции в российское общество // Хакасия и Россия: 300 лет вместе (матер. конф.). Абакан: Хакаское книж. Изд-во, 2007. С. 61-65. — на рус. яз.
- 9.Тадина Н.А. О предпосылках возрождения родового управления в Горном Алтае в конце XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири (матер. науч. чт.). Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 50-54. — на рус. яз.
- 10.Тадина Н.А. О роли алтайского культурного центра в диалоге этнических культур Республики Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2007. Вып.8. С. 255-256. — на рус. яз.
- 11.Тадина Н.А. О феномене возрождения института зайсанства у алтайцев // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений (матер. конф.). Барнаул: Азбука, 2007. С. 52-57. — на рус. яз.
- 12.Тадина Н.А. «Без ворота шубы не бывает, без зайсана народ не существует» (к вопросу интерпретации символики статуса у алтайцев) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции (матер. конф.). Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 323-327. — на рус. яз.

13. Тадина Н.А. «Великое уложение – Их-Цааз» как ойротский документ обычного права в истории зайсаната // Исторический вестник. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. Вып. 2. С. 169-176. — на рус. яз.
14. Тадина Н.А. «Моя родина – Калмакстан»: новый образ как результат взаимовлияний алтайцев и казахов Горного Алтая // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Вып. 9. Семипалатинск: Научно-издательский Центр СемГУ, 2008. С. 316-322. — на рус. яз.
15. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. В.В. Радлов о статусе алтайских зайсанов в свете современной харизмы родового лидера // Материалы научной конференции «Немецкие исследователи на Алтае». Горно-Алтайск: Четвертый регион, 2007. С. 63-66. — на рус. яз.
16. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О воспитательной роли старшинства рода и семьи (по материалам алтайской этнографии) // Этнопедагогика: теория и практика (матер. конф.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 289-294. — на рус. яз.
17. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай // Научный вестник Горно-Алтайского госуниверситета. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. № 3. С. 136-139. — на рус. яз.
18. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Казах-калмак-алтаец: диалог двух культур на Алтае // Этнография Алтая и сопредельных территорий (матер. конф.). Барнаул: БГПУ, 2008. Вып. 7. С. 36-40.— на рус. яз.
19. Попошева А.М. К вопросу об этническом федерализме и обычаях, традициях народов России (взаимосвязь и взаимовлияние) // Материалы XLII студенческой научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 157-160. — на рус. яз.
20. Попошева А.М. Социально-правовые аспекты обычаев и традиций алтайского народа: их историческая и практическая значимость // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций (матер. конф.). Барнаул: Азбука, 2008. С. 219-220. — на рус. яз.
21. Соенов Д.В. Возрождение зайсаната в Республике Алтай в конце XX века // Материалы XLII студенческой научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 136-137. — на рус. яз.
22. Соенов Д.В. Современное состояние института зайсанства на Алтае // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций (матер. конф.). Барнаул: Азбука, 2008. С. 219-220. — на рус. яз.
23. Ябыштаев Т.С. О роли института зайсанства в политической системе Республики Алтай // Материалы XLIII студенческой научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. С. 71-74. — на рус. яз.
24. Иванова В.С. О правовых основах возрожденного зайсанства в Республике Алтай // Материалы научной конференции «Проблемы и перспективы правового, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 0.3 п.л. – в печати; на рус. яз.
25. Иванова В.С. Об особенностях защиты прав коренных малочисленных народов на примере Республики Алтай // Материалы межрегиональная

научно-практическая конференции «Основные права человека в Конституции Российской Федерации: концепция и практика». Барнаул, 2008. 0,3 п.л. – в печати; на рус. яз.

26. Тадина Н.А. К вопросу о методе сбора полевого материала (на примере изучения института зайсанства // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007-2008 гг.: Археология, этнография, устная история (матер. конф.). Барнаул: БГПУ, 2009. 0,3 п.л. – в печати; на рус. яз.

27. Тадина Н.А. Зайсанат в Республике Алтай глазами этнофора // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2009. 1 п.л. — в печати; на рус. яз.

28. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О границах родовой структуры системы родства алтайцев и казахов Горного Алтая // Конгресс антропологов и этнографов России (матер. конф.). Оренбург, 2009. 0,1 п.л. – в печати; на рус. яз.

29. Ябыштаев Т.С. О родовой основе возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Публикации молодых исследователей. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2008. 0,25 п.л. — в печати; на рус. яз.

30. Ябыштаев Т.С. Зайсанат как правовой символ алтайского сеока-рода // Материалы научной конференции «Проблемы и перспективы правового, экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 0,3 п.л. – в печати; на рус. яз.

Т.Н. Никонова, Л.И. Толстых

**Особенности коммуникативное поведение старообрядцев
Уймонской долины Усть-Коксинского района Республики Алтай
(проект №07-04-61 401а/Т)**

Коммуникативное поведение человека – сложное явление, связанное с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также национальной общности особенностями.

Работа по изучению особенностей коммуникативного поведения старообрядцев Уймонской долины проводится **в трех основных направлениях**: вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, жанры бытового общения и устного народного творчества.

Одним из компонентов речевого поведения является речевой этикет, который всегда направлен на формирование особого типа содержания. Разные народы могут значительно различаться между собой характером речевого этикета, однако есть общие правила, которые свойственны любому народу.

Существуют разные формы пословичного выражения правил речевого этикета, закреплённые в фольклоре и выражающие универсалии речевого поведения.

Нормы речевого поведения стали темой многих пословиц, поговорок,

то есть языковое самосознание отпечаталось в фольклорных формах.

Анализ пословиц, собранных во время экспедиций, позволяет выявить основные правила речевого поведения, в которых закреплены требования к речи, отношения народа к красноречию, этические нормы общения, особенности речевого поведения в определенной коммуникативной ситуации и др. Следует заметить, что наиболее многочисленную группу составляют пословицы и поговорки, предписывающие немногословие, сдержанность и неторопливость в выборе речевых средств:

и красно, и пестро, да все пустоцветом; лишнее слово досаду приносит; на грубое слово не сердись, на ласковое – не сдавайся; то-то не знавши, говорить не надо; не кричи о себе, жди, когда о тебе хоть тихо скажут; не отвечай на щипки – время покажет; не то мудрено, что переговорено, а то мудрено, что недоговорено; обидели – промолчи, проскорби, никуда не неси; придержи язык в беседе, а сердце в гневе; умный молчит, когда глупый ворчит и др.

Для исследуемой лингвокультурной общности особую значимость составляет умение искусно владеть речью, что также отражено в пословицах:

лучше ногой запнуться, чем языком; в умной беседе ума набираться, а в глупой – свой потерять; пустые речи и слушать нечего; каждому слову свое место; кто не умеет выслушивать, другим не дает сказать, тот неразумен; стара пословица, да про ново молвится; по разговорам всюды, а по делам никуды.

Таким образом, существуют общие правила коммуникативного поведения - вежливость, сдержанность, умеренность - но помимо них есть особенности, характеризующие ту или иную лингвокультурную общность, что и отражается в системе паремий старообрядцев Уймонской долины. Так, особенностью их речевого поведения, является то, что в нем нет жесткой системы правил. Наиболее распространенная форма пословиц – наставления.

Одним из интересных направлений изучения коммуникативного поведения старообрядцев явилось рассмотрение их смеховой культуры. В начале исследования культуры старообрядцев могло сложиться впечатление, что категория смеховости не характерна для речевой культуры старообрядцев. Но оказалось, что старообрядческий фольклор представлен большим количеством юмористических и сатирических произведений. Этнографический материал также подтвердил присутствие смеха, шутки, юмора в обыденной жизни старообрядцев: при проведении праздников, в бытовом общении. Юмором был пронизан игровой досуг, он является своеобразной методикой обучения детей. В каждом фольклорном словесном жанре: эпическом, прозаическом, поэтическом, афористическом - есть произведения, имеющие смеховой элемент.

Смеховая культура старообрядцев неоднородна. Качество смеха, его направленность, реализация разнообразны и исторически изменчивы. Смех разоблачает, обнажает, вскрывает, существование социального неравенства, выступает против людей и законов, поддерживающих это неравенство, возвращает психологическое равновесие, нейтрализует страх, уравнивает людей разных социальных групп, возрастных категорий, разной степени образованности, психофизического состояния. В речевой культуре

старообрядцев присутствуют разнообразные жанры устного народного творчества: бывальщины, притчи, легенды, сказки, пословицы и поговорки, заговоры, приметы, песни, считалки, рассказульки и, конечно же, - частушки, в которых с разной степенью яркости проявляется категория смеховости.

Из представленного материала видно, что в устном народном творчестве в большей степени преобладает смеховость в частушках, пословицах и поговорках, рассказульках, колыбельных песнях, менее - во всех остальных жанрах.

Типичной формой художественной образности пословиц и поговорок является ирония: *Не хочет мыться, пускай чешиется (и продавать не хочет и оставить не хочет); Этой бабе штаны только бы надеть (о женщине, похожей на мужчину); У него булава в голове (о пьяном); Идет, как Христов оладушек (о пьяном); Осудила сорока курицу, когда сама на улице; У хорошей стряпки все ворота в тесте и так далее.* Ирония свойственна народным пословицам потому, что они по своей жанровой природе требуют от человека пронизательности, глубины взгляда, а именно этим чертам чаще всего сопутствует ирония.

Важной особенностью содержания частушек является необычная широта их тематики, эмоциональное разнообразие. В частушке находят яркое выражение и острая публицистическая мысль, и любовное чувство, и едкая, убийственная сатира, и мягкий дружеский юмор.

*А уймонские ребята
Знают с кем знакомится:
У кого несутся куры
И корова доится.*

*У кого какая баня-
У меня из кизяков.
У кого какой матаня-
У меня из кержаков.*

Детский фольклор – обширная область устного народного творчества. К детскому фольклору относятся произведения, во-первых, созданные самими детьми, во-вторых, заимствованные детьми у взрослых, но переработанные в соответствии с психологией и потребностями детского возраста.

Колыбельные песни приобщают ребенка к человеческой речи, знакомят с окружающими его людьми, предметами, животными, содержат элементарные нравовучения, учат добру.

*Приди котик ночевать,
Приди Санюшку качать,
Я тебе за то коту,
За работу заплачу,
Красну шапочку сошью.*

Тип смеха в них тяготеет к беззлобному смеху, к беспечности, веселости, доброте.

В связи с возрастными особенностями и характером времяпровождения ведущее положение в устном поэтическом творчестве

занимает игрой фольклор. Игровыми припевами и игровыми приговорами или начинают игру, или связывают части игрового действия, также игровые припевы и игровые приговоры могут выполнять функции концовок. Точное воспроизведение быта и серьезных жизненных дел в их строгой последовательности имело цель путем многократного повторения игровых действий с малых лет привить ребенку уважение к существующему порядку вещей и обычаям, научить его правилам поведения.

*Как у дяди Трифона было семь сыновей,
Они ни тили, ни ели,
Друг на друга все глядели,
Разом делали вот так.*

*Своей внучке Леночки
Отдаю все пеночки,
Петеньки голодному
Молока холодного.*

Загадки представляют собой свод знаний и понятий народа о мире и о себе, но важно увидеть и другое: изображая мир, народ поэтизировал его. Согласно определению, данному Аристотелем, «загадка - хорошо составленная метафора». Однако загадка не всегда предполагает метафору; ряд загадок построен просто на образном или звуковом описании качественных или функциональных признаков скрытого предмета. Некоторые загадки представляют собой прямой вопрос. Иногда такие вопросы носят шуточный характер. *Например: Шла баба с пестом, упала задним местом, чем ударилась?* Некоторые загадки созданы способом комического словотворчества: *Четыре ходастых, два бодастых, один хлестун.*

Рассказульки – особый речевой жанр старообрядцев Уймонской долины - представляют собой коротенький рассказ, чаще всего в форме диалога, содержащий неожиданный, смешной конец, как в анекдоте. Этот термин не встречается в научной литературе, описание такого жанра мы не нашли, можно предположить, что старообрядцы сами придумали это название, но исходя из их формы и содержания можно заметить, что они похожи на такой жанр устного народного творчества, как прибаутки.

*- Фома, у тебя в избе тепло?
- Тепло. На печи в шубе терпеть можно.
- Что красен?
- Женится хочу.
- Что бледен?
- Женился.*

*- Выпьем?!
- Выпьем?!
- А деньги где?
- А шапка- то у тебя на что?*

Особенности рассказулек заключаются в краткой форме, незначительном забавном содержании, в сюжете со смешным концом.

Таким образом, в текстах устного народного творчества старообрядцев Уймонской долины категория смеховости замечена частично. В основном она присутствует в таких речевых жанрах, как игровые припевы и приговоры, пословицы и поговорки, колыбельные песни, рассказульки и, конечно же, частушки.

В настоящее время исполнителями гранта ведется работа по составлению именника старообрядцев на основе собранного архивного материала советского времени. Этот вид работы интересен, с одной стороны, для реконструкции родословных старообрядческих семей, с другой стороны, - для выявления соотношения христианских и древнерусских имен в среде старообрядцев, а также их частотности в хронологическом плане.

В результате исследования антропологического пространства села Верхний Уймон выявлено, что люди, проживавшие в нем, имели самые разнообразные, редкие и интересные фамилии: Затеев, Карякин, Лысов, Лукиянов, Лазарев, Мельников, Микушин, Мякушин, Незелев, Першев, Петенев, Поутов, Смеркягин, Травников и др. Для исследования была сделана сплошная выборка фамилий, имен и отчеств из Похозяйственных книг Верх-Уймонской сельской администрации в период с 1940 по 1948 и с 1997 по 2006 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что в селе проживало огромное количество людей, имевших такие фамилии, как: Огнев, Бочкаревы, Атамановы, Черновы- основатели с. Верх- Уймон. Прямой потомок одного из первопоселенцев, Лука Осипатрович Огнев, рассказывал: «Первым пришел Бочкарь, стал землю возделывать. А земля тут хорошая, плодородная. Позже другие селились. Лет 300 назад это было» [Кучуганова Р.П. Уймонские староверы.- Новосибирск,2000].

Собранный материал показал следующее:

Фамилии, часто употребляемые в период с 1940-1948 гг.

Бочкарев – 46 семей

Атаманов – 23 семьи

Огнев – 28 семей

Агапов – 11 семей

Фомин – 5 семей

Чернов – 10 семей

Черепанов – 12 семей

Казанцев – 10 семей

Кузнецов – 5 семей

Клепиков – 7 семей

Затеев – 6 семей

Иродов – 3 семьи

Ленский – 3 семьи

Редкоупотребляемые фамилии:

Артюков, Ерополов, Третьяков, Караченцев, Ярополов, Незелев, Булатов, Килин, Смеркягин, Шебалин.

Фамилии, часто употребляемые в период с 1997-2006гг.:

Ленский – 11 семей

Чернов – 13 семей

Бочкарев – 20 семей

Казанцев – 6 семей

Огнев – 11 семей

Редкоупотребляемые фамилии:

Болдаков, Березиков, Кононов, Гордополов, Подкорытов, Бердюгин, Трубачев, Писарев, Цвилий, Шершнев, Аргоков, Золоедов, Басаргин, Ковальчук, Сивков, Шерепа, Орусов, Латкин, Воронов, Берсенев, Шевченко, Гражданкин, Орлов, Сосенко, Клименко, Ситников, Буткеев, Ретунский, Рукин.

Иноязычные фамилии 1940-1948гг.

Вардин (эстонец), Иризина Курточка (алтайка), Вардия Планета (русская, а отец – эстонец), еще жили казахи.

Иноязычные фамилии 1997-2006гг.

Талантаев (алтаец), Хуцуяк (молдаван), Ташкинов (алтаец), Киркиш (белорус), Вейс, Орусов (алтаец), Исаметдинов (татарин), Агзаев (чеченец), Блага (молдаван), Челах (грек), Шныпко, Игнатенко, Шевченко, Сосенко,

Цвилий – украинцы, Бобурганов (ингуш), Кутлумбаев (ингуш), Доготарь, Гурэу – молдаван.

Анализ материала обнаружил, что первые фамилии с. Верхний Уймон отсутствуют не только в справочниках и словарях, но и в книгах местных авторов. Собранный материал позволяет продолжить исследование в этом направлении: проследить динамику именика в контексте культуры региона и описать антропологическое пространство Верхнего Уймона, отражающее лингвокультурное сознание исследуемого языкового сообщества.

Работа второго направления проводится с учетом наличия / отсутствия, оправданности, выразительности, смыслового наполнения набора *средств невербальной коммуникации* в речи реципиентов (составляется картотека описаний типичных жестов, сопровождающих высказывания, проводится наблюдение за расположением коммуникантов в пространстве, паралингвистическими средствами и др.).

Согласно отчетам студентов, принимавших участие в экспедициях, обращает на себя внимание специфика таких невербальных сигналов старообрядцев, как взгляд, мимика, поза реципиента, физический контакт в ходе общения, манипуляция с предметами, жесты, дистанция общения, выбор места общения.

При характеристике взгляда отмечаются следующие особенности общения старообрядцев: в беседе смотрят только на того, с кем разговаривают (кто задал вопрос), как бы не замечая других присутствующих. Но не рассматривают своего собеседника. В основном смотрят в сторону, в пол или вдаль, но время от времени поднимают глаза на собеседника и внимательно смотрят ему в глаза. При встрече глазами не отводят взгляд, что не вполне характерно для русского коммуникативного поведения.

Обращаясь к мимике как важному средству невербального общения, отметим отсутствие ярких особенностей. Например, для старообрядцев, как и в целом для русской культуры, нехарактерна «хроническая улыбка». Феномен *бытовой неулыбчивости* (И.А. Стернин) русского человека в старообрядческой среде проявился максимально возможно: у старообрядцев,

с которыми довелось общаться, улыбка – искреннее отражение хорошего отношения и личного расположения к понравившемуся собеседнику. Мы отметили улыбку в основном только при прощании.

Особенности старообрядческого мировосприятия отразились и в позах реципиентов. Их позы сдержаны и несколько формальны по своему характеру. Если они сидят, руки лежат на коленях. Не ставят локти на стол. Гостю сразу предлагают присесть. При сидении не занимают много места. Если они стоят, то руки обычно соединены на уровне живота, часто при этом держат какой-нибудь предмет (очки, книгу). Женщины в такой позе руки держат под передником.

Физический контакт в ходе общения наблюдается крайне редко. Это наблюдалось только в случае, когда надо было продемонстрировать на ком-то сказанное. Например, Еремина Нина Игнатьевна (с. Катанда) демонстрировала действия при чтении заговора на студентке из исследовательской группы. Прикосновение в русской коммуникативной культуре выступает как признак доброго отношения, доверия к собеседнику, стремления развивать контакт. В среде старообрядцев по отношению к «мирским» подобное наблюдается только при прощании: касание руки или плеча в знак доброжелательности.

Студентами отмечена также привычка практически всех реципиентов что-либо держать, перебирать или вертеть в руках (очки, полу одежды, костыль, книгу). Время от времени они откладывают предмет в сторону, потом опять берут его.

Жестикуляция у старообрядцев выражена слабо. Характерна жестикуляция при указании на что-либо в пространстве. Жест при этом производится открытой рукой, далеко отходящей от корпуса, с широкой амплитудой.

Отмечается, что в целом коммуникативное поведение старообрядцев Уймонской долины характеризуется большой сдержанностью как вербально, так и невербальной.

Изучение особенностей речевых жанров составляет треть направлением в данном исследовании. Среди жанров устного народного творчества выявлено превалирование жанров, отражающих религиозную ментальность населения (притчи, молитвы, переложение библейских сюжетов, сказания, заговоры).

Так, притча - один из древнейших жанров литературы и устного поэтического слова - сохранилась и развивается и в устном народном творчестве лингвокультурного общества старообрядцев. Именно в среде старообрядцев активно бытуют не только евангельские притчи, но рождаются свои притчи с узнаваемым хронотопом. Часто притчи имеют трансформированный вид евангельского образца: во-первых, следует отметить сюжетные изменения; во-вторых, притча имеет и жанровое смещение: часто она заканчивается сказочной присказкой. Но, несмотря на такие изменения, прочтение притчи остается таким же, как и прочтение классического варианта.

Интересно, что большинство притч Верхнего Уймона состоят только из одной части, даже несмотря на то, что часто их сюжеты и персонажи

заимствованы из Евангелия (Притча о блудном сыне, притча «Бог велел пополам делить» и другие).

Думается, что «усеченная» структура притч старообрядцев определяется устной формой бытования. Она требует от жанра лаконизма и краткости.

У старообрядцев Уймонской долины встречаются притчи, в которых изменен хронотоп: в них содержатся названия сел и даже имена собственные. Такие изменения хронотопа интересны с точки зрения преобразования жанра в конкретной лингвокультурной общности в отдельно взятой местности. Объясняется желание уймонского рассказчика достичь большего влияния на собеседника через создание эффекта сопричастности местных жителей, их предков к описываемому событию.

Часто изменения хронотопа лежат в основе перехода жанра притчи в другой жанр - бывальщину:

Однажды мужик скакал ночью из Тихонькой в Верхний Уймон верхом на лошади, и вдруг на дороге бегают ягнёнок. Он слез с коня, взял ягнёнка на руки, сел с ним в седло и поехал дальше.

Проехал первый притор, конь фыркает и идти не хочет. Мужик удивляется, думает про себя, что это такое. Взглянул на дорогу, а у ягнёнка ноги до полу уже достают. Он испугался того ягнёнка и бросил его. А ягнёнок захохотал и исчез. А мужик приехал домой сам не в себе.

В арсенале уймонских притч есть притчи с абстрактными героями, олицетворяющими людские пороки. Это притчи про Отень и Лень:

Лежат Отень и Лень на печи, из печки уголь упал. Печка загорелась. Лень предложила Отеню: «Давай слезем!» Отень говорит: «Я буду лежать». Огонь подошёл к ним. Лень сползла, отень - сгорел!

Мораль такова: Отень ещё хуже лени. (Записано у Прокофьевой Ефрасиньи Яковлевны).

Изучение речевых жанров старообрядцев Уймона показало, что набор традиционных жанров бытового общения старообрядцев мало чем отличается от традиционного набора подобных жанров «мирских». При этом яркую особенность этим жанрам придает наполнение их лексического, грамматического уровней организации текста, уровень невербальных средств общения часто подчеркивает особенности бытования жанров.

Результатом исследования, проведенного в рамках гранта, явились определение основных направлений в исследовании коммуникативной культуры старообрядцев, компактно проживающих в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, разработка основных шагов исследования на основе интеграции разных научных подходов (филологический, этнографический, исторический), а также создание нового научного направления, отражающего *национальное коммуникативное поведение*, при кафедре русского языка Горно-Алтайского государственного университета.

Н.С. Гребенникова

Национальная картина мира в художественной культуре Горного Алтая

(Проект № 07-04-61402 а/Т)

Словосочетание «картина мира» и в терминологическом, и метафорическом значении встречается во всех современных исследованиях по гуманитарным проблемам. Картина мира стала одной из основных категорий современной лингвистики, культурологии, истории, философии, литературоведения. Картина мира обеспечивает интеграцию и стабилизацию этноса как социокультурной системы.

В рамках проекта «Национальная картина мира в художественной культуре Горного Алтая» проведено междисциплинарное исследование национальной (этнической) картины мира в алтайской художественной культуре, форм и способов ее репрезентации. Феномены современной культуры анализируются с точки зрения базовых этнических ценностей с привлечением интегрирующих методов культурологии, философии, теории и социологии культуры. Исследована сущность национальной картины мира, ее основные маркеры, параметры и структура, способы и формы ее проявления в культуре. Результаты научно-исследовательской работы оформились в ряд статей с общей направленностью «Картина мира и способы ее репрезентации в алтайской художественной культуре».

В статьях исполнителей проекта Н.С. Гребенниковой, Т.П. Шастиной, Э.П. Чининой на разном материале анализируется своеобразие элементов и структуры картины мира, которая служит своеобразным ориентиром для поведения людей данной культуры и гарантом его самосохранения. Однажды сформировавшись, этническая картина мира «работает» затем как своеобразная матрица, сетка координат, как некий фильтр, отбирающий и интерпретирующий на свой лад, поступающую информацию. Следовательно, аутентичное понимание культуры того или иного народа зависит от степени постижения его картины мира. Авторы проекта рассматривают как традиционные, так и новые условно-обобщенные и символические формы, репрезентирующие этническую картину мира в современном духовно-культурном пространстве Горного Алтая. Картина мира рассматривается в проекте как средство поддержания самоидентичности культуры этноса.

Одним из магистральных направлений, разрабатываемых в рамках гранта, является исследование этноэкологических аспектов духовной культуры, гуманитарных аспектов взаимоотношений общества и среды обитания. Интерес к этой проблематике обусловлен всеобщим кризисом экологического сознания и острой необходимостью экологизации культуры.

Актуализация экологического сознания во второй половине XX века привела к появлению целого ряда концепций и направлений в рамках экологической антропологии, таких как гуманитарная экология, сакральная экология, экологическая этика, теория «антропогеоценоза», объединивших в неразрывное целое человеческие (этнические) сообщества и среду их обитания. Вопрос о зависимости этноса от среды обитания в науке обсуждается давно и продуктивно. Уже в античности существовала идея о влиянии природы на психику человека, тем самым – на национальный характер и через это – на судьбу народов. Более того, «включение окружающей природной среды в сферу этических отношений», т.е.

определение места природы в «пирамиде ценностей» того или иного социума, по мнению Ю.И. Дробышева, может служить искомым критерием для оценки уровня экологической культуры в целом.

Рассматривая этноландшафтные проблемы, Л.Н. Гумилев устанавливает обусловленность хозяйственной деятельности человека природными условиями географического региона, т.е. способность к адаптации. «Этносы всегда связаны с природными условиями, с ландшафтами, - пишет Л.Н. Гумилев, - Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, становящаяся для потомков близкой и дорогой. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях. Обживая Сибирь, русские предпочитали селиться на берегах лесных рек, украинцы предпочитали степные ландшафты.

Понятие «ландшафт», широко разработанное в географии, акцентирует его природную составляющую. Однако именно в рамках теоретической географии впервые появляется понятие «культурный ландшафт», в структуру которого включаются не только артефакты материальной, но и феномены духовной культуры, поскольку, обустроивая пространство своего существования, люди наделяют ландшафт символическими значениями.

В рамках проблем, связанных с определением параметров культурного ландшафта, продуктивны суждения Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского, В.Л. Каганского, В.Н. Калуцкого. По мнению В.Н. Калуцкого, основоположника этнокультурного ландшафтоведения, культурный ландшафт, наряду с природой и культурой, включает такой метакomпонент как язык. Он считает, что важнейшим фактором в создании «своего» культурного ландшафта является его осмысление и закрепление коллективного опыта в определенных культурных формах и языке.

Ученые единодушны в том, что для существования культурного ландшафта необходимо не только утилитарное, но и духовное, символическое и семантическое освоение пространства. Эта мысль легла в основу суждений В.Л. Каганского, подход можно интерпретировать как «герменевтику ландшафта», попытку «чтения общества» по его пространству». П. Флоренский отмечал, что культура может быть истолкована как деятельность по организации пространства, она раскрывает его формулу, позволяющую воспроизводить конкретные образы, в которых данное пространство может быть проявлено. Действительно, именно семиотическая упорядоченность пространства отражает своеобразную включенность человека в природу. Природно-территориальные комплексы – ландшафты – задавая ресурсно-пространственные параметры существования социума, служат не только фоном, но и фактором становления культуры.

Пространство Алтая обладает особым культурогенным потенциалом, который постоянно генерирует новые смыслы в культурных текстах (фольклорном, литературном, изобразительном, музыкальном). В основе отношения алтайского этноса к природно-ландшафтной среде лежит устойчивая онтологическая связь человека и природы, закреплённая в

воспроизведении экологически значимых элементов в языке, религии, фольклоре. Этот факт обусловил специфику всего текста культуры Горного Алтая, базирующегося на системе экоконцептов, которые наряду с мифоконцептами и концептами действительности формируют картину мира этноса, которую, как и культуру других малочисленных народов (хакасов, тувинцев, народов Севера), можно определить как мифоэкологическую.

Специфические природные феномены – горы, скалы, тайга, горные реки и озера объединены в мифопоэтической картине мира одним понятием Дьер-Суу (земля-вода), олицетворяющим идею «своей земли», который обожествляется и воспринимается как обобщенное олицетворение природы. Горы и реки Алтая воспринимались сакрализованными маркерами «своей земли». Вода в мифологии алтайцев один из важнейших компонентов Модели вселенной, одна из основных первосубстанций, в которых происходит акт творения мира. Идея о первотворении земли из водного пространства в алтайской мифологии связана с образом Ак-Эне (священная мать), которая, явившись из водного пространства, подсказывает Кудаю (богу) как творить мир.

Примечательно, что мифологической картине мира алтайцев присутствуют понятия, не свойственные континентальному ландшафту проживания этноса, такие как «море» и «океан». Многочисленные реки и водоемы Алтая являются элементами особой сакральной географии. «Река как мистическая дорога предков в традиционном религиозно-мифологическом сознании, - пишет Е.А. Окладникова, - ассоциировалась не только с реальной водной артерией, но и мистической осью модели мира. В отличие от вертикальной оси мира, ассоциативно связываемой с горой, деревом, тотемным столбом и т.н. любой вертикальной аллоформой, река представляла собой связующее начало миров по горизонтали». Если вода передает идею вечной изменчивости, то горы, будучи недвижимыми и неизменными, олицетворяют вечность, абсолютную стабильность и незабываемость природы. И это соотношение статичности и динамизма явилось основой порядка мироздания.

Земля Алтая в единстве ее пространственно-временных, культурно-этнических и духовных измерений концентрированно отражает идею национальной самости и выступает как объект духовной любви, как «национальное ядро», источник особой «пассионарной энергии» народа как единого целого, его совокупного опыта, традиций и нравственного идеала, это та духовно-культурная почва, в которой реализуется нравственный идеал народа. Многоаспектность связей этноса со средой обитания проявляются в сложной системе национального образа мира. Примером онтологической связи человека и природы является происхождение некоторых мифологических героев, которые имели своими родителями природные сущности (гора, лес, озеро). В эпосе и других фольклорных жанрах воплощен набор базовых признаков, отражающих экологическую сущность этноса.

Алтай, при всех изменениях в своем пластическом облике, отраженном в литературе, музыке, танце, живописи стремится к устойчивости, сохранности, основой которой является уже отмеченная включенность человека в природный космос. Для алтайцев, как и для других

коренных народов, характерно интуитивно-«образное» восприятие природы, которое, словами Ю.М. Лотмана, строится ими не на словесно-дискретной, а на континуальной основе. Образное восприятие пространства органично соединяет рациональное и иррациональное, формируя особую структуру культурного ландшафта, в основе которого лежит языческая одухотворенность природы, частью которой является человек. Ю.М. Лотман не случайно отмечает, что образ пространства, подобный тому, который воспринимают коренные народы легче протанцевать, нарисовать, слепить и т.д., чем логически эксплицировать». Действительно, если определяющим началом западной культуры является логика и рационализм, то восточная ориентирована на традиционность и природность. Это проявляется в разных видах и жанрах искусства, в частности, в музыке и танце.

Алтайская музыкальная культура имеет неповторимый интонационный облик, и в ее аутентичном звучании всегда узнаваема на слух особым звучанием, интонацией и артикуляцией. Звуковой идеал этноса («этнический звукоидеал») напрямую связан с этносферой, пространством, тысячелетиями осваиваемым народом. Природный звуковой фон определяет тип звукового восприятия живущих там людей. Характерным отличительным признаком алтайской музыки является ее стремление к «слиянию с природой», которое обусловлено и мировоззрением, и миропониманием алтайцев, придающим природе сакральный смысл. Отсюда основное характерное качество различных жанров народной музыкальной алтайской традиции – звукоподражательность, которая присутствует в вокальных партиях шаманских мистерий, религиозных обрядов, песенной поэзии и др.

Древнейший пласт музыкально-интонационной культуры алтайского народа образуют шаманская и сказительская традиции, которые являлись существенной частью эстетической жизни общества. Два источника алтайской музыкальной традиции впервые были отмечены Г.Н. Потаниным: «В головах алтайцев хранятся две традиции рядом: одна – шаманов, другая – традиция сказочников и рапсодов, по-алтайски «кайчи». Первая состоит из культовых песен, которые поются шаманами по адресу богов под аккомпанемент бубна и из легенд о шаманских божествах. В состав другой традиции входят сказки о богатырях, распеваемые речитативом под аккомпанемент балалайки».

В магических действиях шамана, синкретичных по своей природе, органично сочетались слово, музыка и танец. Музыка оказывается здесь средством установления коммуникации между профанным миром людей и сакральным миром духов, служа своего рода метафорой речи. При этом в ходе камлания шаман, в отличие от кайчи, ограниченного рамками строгой метрической организации, мог изменять ритмический рисунок, чередуя прозу и стихи, танец, песню. В сонорике шаманских песен основной компонент – звукоподражание, имитация крика птиц, голосов зверей, духов.

Кай – это особый сакральный тембровый тип пения (горловое пение) органично входит в систему сказительской эстетики и считается, по существу, языком духа, от имени которого сказитель кайларит, и с помощью «голоса духа» он маскирует свой естественный голос. Вот почему слово кай, кроме обычного значения «ворчать», «хрипеть», «гортанными звуками

речитировать сказки», «шипящий звук», имеет факультативные значения «парить, скользить по воздуху, по поверхности воды», «взмываться, взмывать, взлетать». В этих значениях можно увидеть «апелляцию к первичному звуковому языку, языку живой природы, миру птиц».

О необычайном алтайском интонировании, особой звукоподаче и звукоизвлечении алтайских кайчи (сказителей) и шаманов писали в разной мере обстоятельно, или упоминали о нем практически все исследователи культуры Горного Алтая: Г.И. Спасский, В.И.Вербицкий, В.В. Радлов, А. Калачев. Исследованием норм исполнительской эстетики и музыкальной практики алтайских сказителей в ее подлинном аутентичном звучании занимался А.В. Анохин, с именем которого связано первое авторское осмысление алтайской музыкальной культуры. Характерно то, что при огромном тематическом и функциональном разнообразии песен в них используется крайне ограниченное число типовых напевов: у теленгитов их три, у алтайцев – один. Однако, ограниченность мелодического фонда песенной традиции отнюдь не свидетельствует о ее музыкальной «бедности», так как типовые напевы реализуются (варьируются) в бесчисленных индивидуальных исполнительских вариантах.

В обрядовых действиях музыка была тесно связана с танцем, образы которого создаются средствами эстетически и религиозно-мифологических значимых, ритмически систематизированных движений и поз. Известно, что большая психологическая потребность в обрядовых действиях особенно сильно проявляются в ландшафтах со сложным рельефом, каковым является Алтай. Добавим к этому, что архаика быта и мировоззрения алтайцев во многом способствовали консервации обрядовых форм.

В пластике народных алтайских танцев, которые выполняли архаическую магическо-ритуальную функцию, также как и в музыке отражено образное восприятие природного комплекса. Известно, что на древних петроглифах Алтая, в мелкой пластике довольно часто фигурируют изображения человека «в танце». Соединения рук на петроглифах образуют сложные и многозначные композиции. Магия танца, порой в виде примитивных телодвижений, в основе которых имитация движения зверя, полета птиц, должна была обеспечить удачу собирателям и охотникам. Символические знаки воспроизводились как в пластике танца, так и самим рисунком танца.

Самые широко распространенные формы танца – линия, зигзаг и лабиринт, каждая из которых имеет определенную семантику (символ страха, защиты, исцеления, плодородия). Так, зигзаг как графический символ, начиная со времен неолита и по сегодняшний день, имел определенное смысловое значение - он означал змею или воду, пучок зигзагов означал дождь. При этом в мифопоэтическом сознании алтайцев дух-хозяин воды мог явить себя в образе змеи или девушки. Такая сложная фигура в танце как лабиринт воспроизводила идею круговорота жизни - «жизнь-смерть». Дж. Фрезер считал, что культовые действия, связанные с лабиринтом, отражают движение солнца в небе, часто лабиринт символизирует модель вселенной. Особое значение у земледельческих и скотоводческих племен получают круговые танцы; круг как символ неба – один из древнейших этнических

символов. С кругом связана магия плодородия, благополучия и охотничьей удачи. Человек в танце уподоблялся птице, зверю, поэтому среди ритуальных поз алтайских танцев часто присутствуют позы, в которых кисти рук имитируют голову змеи или птицы. В своем генезисе эти символы и условные знаки фиксировали общие представления, основополагающие и универсальные понятия этнической культуры.

Таким образом, в сети коммуникативных связей, через которую осуществляется трансляция этнокультуры, музыке и танцу, как особым знаковым (семиотическим) системам, принадлежит особая роль, так именно они с наибольшей интенсивностью аккумулируют особенности мировидения, мировосприятия этноса, и являются действенным способом хранения и трансляции художественно осмысленной этнической информации.

В современной алтайской поэзии мифосознание этноса реализуется через систему многочисленных экокочев. Стержневым в понимании семиотики природного мира выступают вегетативный, орнитологический, зооморфный и астральный коды, каждый из которых освещает основную философскую оппозицию природа/человек. Через систему этих кодов определяется типологические характеристики мифопоэтики алтайской художественной прозы и поэзии, что позволяет приблизиться к основам «картины мира» этноса. Современные авторы запечатлевают этнически значимые стереотипы поведения, можно сказать, осмысливают эмпирический опыт этноса, его антропо-экологическую практику, придавая им личностную, феноменально-экзистенциальную интерпретацию.

Исследование, проведенное в рамках гранта, позволяет сделать вывод, что картина мира обладает способностью транслировать основные ценностные установки этноса, что делает ее важным источником для изучения формирования ментальности этноса, национального самосознания, что, в конечном итоге, обуславливает этническое единство народа.

Литература

1. Дробышев Ю.И. Об экофильности традиционной культуры народов Центральной Азии // Природа и ментальность /Социоестественная история. Вып.23. М.: Московский лицей, 2003. С. 53.
2. Гумилев, Л.Н. Этносфера. История людей и история природы / Л.Н. Гумилев. — М.: Экспресс, 1993. с. 282, 322.
3. См: 1. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 2. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998. 3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
4. Флоренский П.А. Анализ пространственности // Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. - СПб, 1993. С. 64.
5. Окладникова Е.А. Идея реки в традиционном мировоззрении народов Северной Америки и Сибири//Природа и цивилизация. Реки и культуры, Санкт-Петербург:Европейский Дом., 1997. С. 43.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб, 2000. С. 57.

7. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина.- Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1995. С. 218.
8. Сагалаев, А.М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / А.М. Сагалаев, И.В. Октябрьская — Новосибирск: Наука, 1990. С. 180.

Т. П. Шастина

Образ малой родины в лирике Паслея Самыка и Валерия Куницына
(проект № 07-04-61402 а/Т)

В метатексте современной художественной культуры Горного Алтая значительное место принадлежит лирике, которая, в силу своих родовых особенностей, способна мобильно и лаконично вербализовать архетипические модели сознания. Вычленение из лирических текстов миростроительных составляющих и их интерпретация - одно из направлений работы в рамках данного проекта. Нами было осуществлено сопоставление картины мира в лирике поэтов старшего поколения Паслея Самыка (р. 1938) и Валерия Куницына (р. 1944). Проанализированы переводной сборник Самыка (Василия Гордоевича Самыкова) «Созвездие Любви» и книги Куницына «Живое дерево души», «Я голосом встаю из трав», «Жива душа преодолением боли» и др. Отправной точкой исследования послужила мысль Л. Гумилева о том, что творения человека «открыты непосредственному наблюдению, благодаря которому Науке доступно понимание явлений невидимых, но умопостигаемых. Более того, в каждом из нас живет генетическая память, не ощущаемая в повседневности, но иногда вспыхивающая в подсознании». Генетическая память связывает человека и с той землей, где он родился и вырос. Основываясь каждый на своей этнической культуре, вместе поэты создали образ малой родины - Шебалинского района РА, отразив в нем поэтическое видение Алтая в целом. Безусловно, в основу этого образа были положены ментальные представления, порожденные окружавшим их с детства географическим пространством.

В первую очередь оно осмыслено как земля отцов. Самык в стихотворении «Каспа – родное селение» причудливо соединяет реалии каспийского высокогорного пейзажа и пасторальные мотивы, трансформирует пространство памяти в реально-географическое пространство. Родное село рисуется таким, каким оно постоянно присутствует в памяти поэта, живущего от него «далеко-далеко»: «...Средь лесов крылатых,/ В дыму черемух белых/ Опустелый/ Я вижу дом/ И юрту, как шалаш.../ За ними, за холмом,/ Под белым камнем/ Лежит отец,/ И тихую могилу/ Привычно перешагивают овцы,/ Пасутся мирно, точно облачка/ Белея над могильным теплым камнем...» (1,с.64). Пейзаж видится с высоты

птичьего полета, что позволяет создать представление о замкнутости, ограниченности описываемого пространства от всего мира, ощущение высоты. Этнокультурным маркером является в нем слово «юрта». Но одновременно пространство стихотворения раздвигается по горизонтали и по вертикали до бесконечности - «Какой простор!», лирический герой из пространства памяти перемещается в околосемное, а потом спускается с небес на землю, как бы укрупняя масштаб географической карты. И здесь только появляется топоним «Каспа», а слово «Отчизна» в контексте воспринимается как его синоним. Эпитет «заветная» наделяет топоним дополнительным комплексом смыслов: это и особенно ценная, оберегаемая, свято хранимая, и унаследованная от прошлого, передаваемая из поколения в поколение. В стихотворении ясно прочитывается идея генетической связи поколений: «И стоит возвратиться мне сюда,/ Мой дух опять привольно воспаряет,/ Как в юности, ликует и летит./ А лишь заговорю со старожилом/ Мест этих отчих, мысль моя смелеет,/ Светлеет взор, и вновь дорога жизни / передо мной не слишком тяжела» (1, с.64 –65). Родное село для поэта – это и «незыблемая крепость», и «колыбель», и «сил моих источник».

Ему вторит Куницын: «Все в роду Куницыных крестьяне, /И пахать, и сеять - всё могли. / И меня, магнитом будто тянет/ Запах свежеспаханной земли» (2004, с. 45). «Родом я из деревни./ И причастен навечно/ к жизни трав и деревьев,/ к их судьбе быстротечной» (1988, с.5). Эту землю его лирический герой понимает и воспринимает и по-русски, и по-алтайски. В отличие от алтайца - кочевника и скотовода - русский человек должен построить дом (в Шебалинском районе традиционно для этого используется лиственница, с годами постройка из неё «выстаивается»: «Сработанный/ из лиственницы дом/ покрепче будет/ звонкого булата» (1997, с. 65); «Рубим баню в Шебелике,/ лиственница в ход идет» (1988, с.17), посадить дерево, т.е. связать себя с определенной точкой в пространстве, пустить корни. Куницыну важно, что посаженный им у родительского крыльца тополь вырос «до неба» и ждет его, чтобы вернуть в сказку. В его ментальном саду - сказочном, из детства, возвращенном «в зоне рискованного земледелия» (в стихотворении с таким названием точно воссозданы особенности резко континентального климата этой местности: «Зимой нет снега,/ летом снегопад,/ иль грянут бури пыльные и злые, иль изметелит все посева град» (1988, с.29), мирно уживаются традиционные для русской лирики сирень, тополя, березы и клены с алтайскими кедрами - в природе такого не встретишь: «Дрожит кедренок за окном, свистят ветра, чей путь бессонный./ А листья тополя и клена/ гонимы ветром, как кнутом» (1988, с.56).

Самым же деревом чаще всего использует как мифопоэтический символ. Его поэтическое кредо звучит так: «Алтая сын – о мире я пою». Судя по этой формуле, поэту в первую очередь необходима этногенетическая самоидентификация. В стихотворении «На древе поколения листок» это осуществляется через мотив связи с корнями, в метафорическом переходе генеалогического древа в священное родовое дерево: «Я – это я! /Но я – не только я! /Все поколенья – древо! / И на этом / на древе – я листок!» (1, с.193). В контексте этого стихотворения «листок», грамматически обладающий признаком единственности, получает значение «один из многих, такой, как

все». Поэту важно, что он один из тех, в ком течет общая кровь, кого объединяет общий язык («речь дедов и отцов»), кого роднит внешнее сходство («мой азиатский облик»).

Если Куницыну часто вспоминается тепло отцовского дома (каша в загнете русской печки, суп на камельке, подойник с теплым молоком на лавке, котенок, играющий с клубком – все то, от чего веет покоем и счастьем) в ракурсе «из детства», а в устройстве дома важна сибирская основательность: «В лапу рублена изба,/ На наличниках резьба,/ Половицы не скрипят,/ Будто новые глядят,/ На крыльце балясы в ряд/ Все точеные стоят,/ Крепкий лиственничный дух/ Не исчез и не иструх,/ Ладно скроен, крепко сбит – / Дом столетье простоит (1988, с. 61), то Самыку присущ взгляд «из зрелости», он с болью отмечает, как постепенно разрушается отцовский дом (стихотворение «Я родился в кедровых горах» - здесь эпитет «кедровый» не описывает особенности растительности на каспийских склонах, а придает образу отчего места сакральный смысл).

Символика алтайского родового дерева у Самыка объединяет генетические и географические признаки наследования, вводя в сборник комплекс представлений о «своем» месте лирического героя на земле, откуда начинается и где заканчивается динамическое постижение пространства. Таким местом у Самыка и является место, где жил и где был схоронен отец. Только там возможно достижение поэтического бессмертия: «Видно, я никогда не состарюсь,/никогда не умру:/ вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,/ вечно буду вместе с моими горами/ Вселенной музыку слушать,/ буду радоваться радостью будущих поколений,/ с человечеством, с миром сольюсь -/ навсегда» (1,с.11). Наделенный всеми географическими признаками горной страны, Алтай Паслея Самыка способен трансформировать их в этические ценности: «Прямым, в небеса устремленным,/ Прожить - / Подобно кедру в горах../ Красиво и чисто,/ И честно прожить - / Подобно горным цветам. // Стремительно, весело,/ Яростно жить - / Подобно горной реке. // Песню сложить, Песне служить - / Подобно горным ветрам» (1,с.86). В сборнике «Созвездие Любви» земля отца органично переходит в высокое понятие «Отчизна», т. е. место всех отцов, родовых предков: «Земля отцов, священный, поднебесный,/ Орлиный и кедровый милый край,/ В моих ушах – твоих потоков песни,/ В моей душе – твой голос, мой Алтай (1,с.165). В его трактовке наличествует этноспецифическое представление «Земля- Мать» - земля, дающая чудо жизни: «Дух этих гор – мой суровый отец,/ эта Земля – мать моя!» (1,с.36). Алтай часто моделируется поэтом как пространство-представление, и географические реалии у него антропоморфны. Характерный пример такого понимания Отчизны поэтом – стихотворение «Слит с телом Алтая»: «Своими венами/ соединен я с реками Алтая./ Главная артерия – Катунь-/ с грохотом катит/ упругие волны/ сквозь моё сердце.... Мой позвоночник сращен/ с хребтами Алтая/ Озерами Алтая/ вглядываюсь по ночам в мирозданье»(1,с.141). Подобная связь не может быть осмыслена рационально, и характер её поэт определяет эпитетом «таинственная».

И для русского поэта Куницына Алтай – своя земля: «Я чувствую, как смотрит на меня -/ родной Алтай – высокая земля» (1988,с.69). В его стихах

привлекают образы пространства, порожденные естественными ландшафтами Горного Алтая, у коренных народов которого издревле существует культ природных объектов: гор, рек, озер (о таком свидетельствуют топонимы с алтайским словом *бай* – «священный», «запретный», «почетный», «уважаемый», например, река Байлу-Кем – заповедная река, озеро Бай-Коол – почитаемое, священное; гора Байлу-Межелик – священная.). Зная и уважая алтайские традиции, Куницын в своем творчестве соединяет их с мотивами русской лирики: «Я горячих люблю иноходцев,/ ароматную тюркскую речь,/ серебро ледяное колодца,/ изразцовую русскую печь./ И заветные тропы Алтая,/ что не раз выручали меня...» (1997,с.26).

К русской лирике обращается и Самык, чтобы дать объективную оценку национальной этики - используя факты биографии поэта Леонида Мартынова, бывавшего в Горном Алтае, он ему доверяет такую: «...здесь несомненно,/ неистребимо живет,/ пробиваясь в грядущее сквозь года,/ небольшой, но мужественный народ./ Добрый, славный народ, справедливый:/ не обидит зазря, не крадет, не ругается,/ вся душа его в неторопливой/ речи -/ словно цветок, раскрывается!» (1,с.21 -22); «Природу обожествлявший народ,/ к светлой жизни восставший народ,/ народ – поэт, философ – народ» (1,с.22) - см стихотворение «Разговор с поэтом Леонидом Мартыновым».

Точкой начала постижения мира и Куницын считает село, где он вырос - Шебалино. Косвенно на это указывает и название первого поэтического сборника - «Ангаков камень». Топоним «Ангаков камень» (скала на Чуйском тракте в 5 км. от села) служит своеобразной тамгой (родовым знаком алтайцев, в мифологии алтайцев гора мыслится как первопредок). Открывает книжку стихотворение «Причастность», декларирующее генетическую связь лирического героя с горами – с «высокой» землей (её образ моделируется компонентами горного ландшафта: «высокая поляна», «кедр» - священное дерево алтайцев, «горная речка»). На фоне богатырского величия гор (в алтайских сказаниях горы - это заснувшие богатыри-хранители Алтая) лирический герой стремится разглядеть микродетали: «светлый трепет росинки», «усердье муравьиного царства». Тематическое единство сборника подчеркивается в финальном стихотворении: «Я с детских лет без памяти влюблен/ в брусничный лист,/ в картавый крик ворон,/ в серебряную ясность родника/ и в доброту лесного кандыка.../В природе я найду всегда ответ,/ И до конца уверен буду в том:/ смягчает душу солнечный ранет/ и красная рябина за окном» (1988,с.84). «Доброта лесного кандыка» - образ, навеянный воспоминаниями о послевоенном детстве в горной деревне: ср.: «Каждый камушек и стебелек/ мне знакомы в логу Толгоек,/ здесь мы, помню, копали кандык //и волшебный искали родник» (1988,с.39). Топонимы окрестностей родного села (река Шебелик, лог Толгоек, Семинский перевал) станут в творчестве Куницына знаками своего места на земле, знаками детства, знаками сказки, в которую лирический герой стремится возвратиться в зрелом возрасте.

Природа Горного Алтая воспринимается лирическим героем Куницына во всей полноте психофизиологических ощущений: «Я вижу

музыку, щемящую до слез,/ В прозрачности озер/ И в нежности берез./
Рождает музыку костер, речной залив,/ В бору сосновом – солнечный мотив./
В полете беркута и в хороводе гор – Стал видеть музыку.../ А слышал до сих пор!» (1988, с.46). Способность видеть и слышать окружающую природу, дышать ею у Куницына врожденная, его отец на всю округу славился как знаток лошадей и ветеринар «от бога». От отца – светлое русское начало в стихах, воспевающее поэзию труда и повседневных маленьких радостей сибирской деревни: сенокос ли, колка ли дров, рубка бани – «тихий свет воспоминаний». Отцом поэт называет и Алтай - «по-отцовски щедрый край», молитвенно испрашивая у него в дни сомнений и социальных потрясений помощи: «Мой отчий/ мой горный,/ мой песенный край, ты силы душевные, мужество дай» (1988,с.12).

Окружающие горы, мать и отец сливаются у поэтов в слове «Алтай» в образ мощной опоры, корней, фундаментальных оснований совести. Алтай у Куницына, как и у современных поэтов-алтайцев старшего поколения – не только географическое пространство, в котором пребывает лирический герой (горная система, на территории которой граничат между собой Россия, Монголия, Казахстан и Китай), но архетипическое понятие. В современной фольклористике «Алтай» трактуется как эпический топоним – «земля обетованная – земля с вечным летом, с непугаными зверями и птицами», «своя земля», «Центр Вселенной, где сталкиваются противоборствующие силы Добра и Зла».

В лирике Куницына, как и у Самыка, отчетливо присутствует вертикаль в строении художественного пространства – горной страны Алтай. У него синонимичны эпитеты «высокий» (высокая земля, высокие поляны) и «горный» (см. в лирической миниатюре «Корни»: «И снова в мае, на Алтае./ земля, проснувшись, оживает./ Врастают горные поляны/ живыми стеблями в туманы,/ и учат стойким быть, упорным,/ держась за землю крепко корни» (1988,с.27). У поэта горы, деревья и травы, люди – всё тянется к солнцу, всё стремится в небесную высь. Мотив прорастания и связи с корнями – составляющая вегетативного флористического кода Куницына, развивается во всех поэтических сборниках поэта. Утверждение: «Я моего народа ветка,/его побег, его листок...» перекликается с любимым образом алтайского поэта Бориса Укачина – веткой горного кедра, символом связи с родными местами.

Заметим, что богатство растительного мира Центрального Алтая – горной страны с её природно-климатическими зонами и вертикальной поясностью (от степей предгорий до высокогорной тундры) вдохновляет поэтов и живописцев Горного Алтая (излюбленный живописный жанр – пейзаж, пейзажная лирика – в поэзии) и привлекает к Алтаю художников всего мира. Поэтические пейзажи Самыка и Куницына строятся по-разному: первый чаще обращается к макрообразам (горы-великаны, космический шатер неба), второй стремится описать микрообразы - «каждый камушек и стебелек».

Пейзажная среда горных территорий – предмет и объект научного изучения целого комплекса наук. В последнее десятилетие вышел ряд интересных естественнонаучных работ, посвященных Центральному Алтаю.

Эстетическая привлекательность горных пейзажей определяется в них следующими факторами: разнообразием и мозаичностью ландшафтов, малоосвоенностью, изолированностью и слабой степенью антропогенной трансформации; большим количеством эндемичных и реликтовых видов во флоре и фауне гор, уникальными этническими культурами населения. Заметим, что эти факторы могут восприниматься с двух точек зрения: изнутри (человеком, выросшим и живущим в этой среде) и извне (человеком, привыкшим к равнине, приезжающим взглянуть на такой уголок как на экзотический).

Пример такого взгляда извне - несколько поэтических шедевров Н. Рубцова, дружившего с алтайскими поэтами, в частности, стихотворение «Шумит Катунь». Сборники «Звезда полей» Рубцова и «Речная звезда» Куницына близки по тональности. На ментальной карте Куницына образ «цепи гор» явно навеян стихотворением Рубцова «Ночное ощущение» (ср.: «И гор передо мной/ Вдруг возникает цепь,/ Как сумрачная цепь/ Загадок и вопросов») - ср.: «Давным-давно неизгладимой болью/ вросло мне в душу маковое поле/ и зеркала озер,/ и цепи гор,/ и голубой неистовый простор...» (1992, с.4.).

В стихах Куницына реалистически достоверный образ родного села, как и у Самыка, перерастает в идиллический образ Алтая - страны вечного лета: «Торжественно среди небесной сини/ стоит Алтай во всей красе и силе./ С немым восторгом оглянусь окрест,/ шумит кедровый по отрогам лес./ марал пасется на траве зеленой,/ а марьяны коренья те по склонам/ вниз в шапочках малиновых летят,/ от них не в силах оторвать свой взгляд...» (1992, с.37). Этот образ собран из архетипических элементов: гора (отроги), священное дерево (кедр), священное животное (марал), целебное растение марьян корень (Самык именем этого цветка назвал сборник 1969 г. на алтайском языке, заметим, в его лирике способность Алтая излечивать душу осмыслена неоднократно). Как и у Самыка, неперменный атрибут «летних» стихотворений Куницына - молния.

Лирический герой Куницына - русский человек - хоть и проходит путь от разочарования и неверия (в плане христианском) к вере, но в отношении к родной земле он остается язычником: «Храма Вечности сердцем коснусь -/ золотого престола Белухи./ Жестом,/ словом обидеть боюсь/ поднебесных невидимых духов./ Охраняя Белухи покой,/ лик её вам откроют не сразу.../ Кто придет сюда с чистой душой -/ не получит у духов отказа» (1992, с.12).

В предисловии к сборнику В. Р. Куницына «Живое дерево души» алтайский поэт Б. У. Укачин отметил, что его русский собрат по перу «мир природы видит и ощущает как алтаец и житель этой древней земли. Посмотрите, Катунь у него «картавит на порогах и лижет их шершавым языком». Так может мыслить и видеть алтаец, а не русский стихотворец, который лишь вчера пришел в эти вечные, чудесные и поднебесные высоты <...> Он хорошо видит и ощущает землю, которая как бы связана с его пуповиной» (1997, с.4). И алтаец Самык, и русский поэт Куницын каждый по-своему говорят о том, что малая родина - место, где они родились и выросли - неперменный атрибут поэтической картины мира. Осмысленный то

реалистически, то идиллически, то мифопоэтически («каждый миг на Алтае красив», что Алтай – это место и источник вдохновения, где «в пояс люди кланяются травам,/ Сами собой рождаются стихи» (2004, с.55), образ малой родины проходит сквозь всё их творчество.

Литература

- 1.Паслей Самык Созвездие Любви. – Горно-Алтайск, 2001.
- 2.Куницын В. «Ангаков камень». - Горно-Алтайск, 1988; «Речная звезда». - Горно-Алтайск, 1992; «Живое дерево души». - Горно-Алтайск, 1997; «Я голосом встаю из трав».- Горно-Алтайск, 2002; «Жива душа преодолением боли».- Горно-Алтайск, -2004. При цитировании в круглых скобках указ. год и страница сборника.
- 3.Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь - СПб., - С. 637.
- 4.См. Потапов Л. Н. Культ гор на Алтае// Советская этнография . 1946, № 2. – С. 145-160
- 5.См. Ямаева Е. Е. Алтайская духовная культура: Миф, Эпос. Ритуал. - Горно-Алтайск, 1998
- 6.См. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979
- 7.См. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (аспекты текстологии и перевода). – Горно-Алтайск, 2002. – С.282-291
- 8.Укачин Б. У. Ветка горного кедра: Стихи.- М., 1966; Ветка горного кедра: Стихи и поэмы. – М, 1974.
- 9.См. Дирин Д. А. Пейзажно-эстетические ресурсы горных территорий: оценка, рациональное использование и охрана (на примере Усть-Коксинского района Республики Алтай). – Барнаул, 2005; Рудский В. В. Природопользование в горных странах (на примере Алтая и Саян). – Новосибирск, 2000.
- 10.Рубцов Н. М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма/ Вступ. ст. и сост. В. В. Коротаева. – М., 1990. – С. 186.

О.В. Байдалина, Е.Н. Устюжанина

**Итоги II этапа работы по научно-исследовательскому проекту РГНФ
«Формирование нравственной культуры в системе
естественно-научного образования» (Проект № 07-06-61602 а/Т)**

Для современного общества характерно радикальное реформирование всех сторон жизнедеятельности человека. Этот процесс влечет за собой существенные изменения в образе жизни людей, их мышлении, самосознании и мироощущениях. В этих условиях особенно актуальным становится вопрос о нравственной культуре молодежи, которой предстоит определять будущее «лицо» страны.

Ключевая проблема российского общества – его духовно-нравственное обновление не может быть решена без соответствующих изменений в системе образования. И хотя гуманистический характер современной образовательной парадигмы четко обозначен в Законе РФ «Об образовании» и Национальной доктрине образования пока далеко не ясно, как подойти к решению проблемы нравственного воспитания, затрагивающего внутренний мир личности.

Нравственная культура как духовный феномен требует осмысления, как в общественном, так и в личностно-индивидуальном плане и обоснования на теоретико-методологическом уровне. В рамках исследовательского проекта «Формирование нравственной культуры в системе естественно-научного образования» (номер проекта 07-06-61602 а/Т), проводимого при поддержке РГНФ было проведено теоретическое обобщение представлений о нравственной культуре в образовательном процессе, которое позволило подтвердить следующие утверждения:

- Нравственная культура человека – динамичная и саморазвивающаяся личностная характеристика. Процесс ее формирования – это постоянное нормотворчество, жизненный процесс в котором основная фигура – сам индивид, человек, творец своего бытия. Руководствуясь общечеловеческими нравственными требованиями в качестве идеально-должного, он самостоятельно делает выбор своего поступка, мотива, побуждения, намерения.

- Нравственная культура характеризуется уровнем гуманизма общественных отношений, состоянием нравов людей.

- Нравственная культура занимает особое место в системе культур. Ее нельзя рассматривать в одном ряду с другими видами культур – эстетической, правовой, информационной и другими – так как она не может быть проявлена в особом виде человеческой деятельности. Нравственная культура является «сквозной» категорией, пронизывает все виды культур и раскрывая нравственную ценность любой деятельности.

- Нет однозначного мнения и по вопросу о главных движущих силах формирования нравственных принципов. В исследованиях разных авторов отмечается, что нравственные принципы могут быть сформированы на 1) потребности в вере; 2) любви; 3) красоте; 4) стремления к истине; 5) базироваться на совести, как качестве присущем человеку с рождения; 6) долге.

- Общим мнением исследователей данной проблемы является то, что главными силами воздействия на процесс формирование нравственной культуры личности служат институты семьи и школы. При этом в условиях

кризиса семейного воспитания современной России роль системы образования в деле нравственного воспитания многократно возрастает.

На сегодняшний день отечественной педагогикой накоплен богатый опыт нравственного воспитания учащейся молодежи. При этом исследователи отмечают, что нравственное воспитание является стержнем личности, и развитие нравственности рассматривают не менее важным, чем развитие интеллекта.

Для оценки нравственной культуры обучаемых может быть использована диагностика следующих компонентов нравственной воспитанности:

А) знаний (в виде понятий и представлений о нравственных категориях и нормах);

Б) мотивации, отражающей отношения студентов к моральным нормам и поступкам людей в ситуации морального выбора;

В) способов поведения в моделируемых ситуациях, требующих переноса сложившихся форм поведения в различные жизненные ситуации.

Еще одним важным компонентом нравственной культуры личности является система сложившихся отношений к общечеловеческим ценностям.

Исследуя методические подходы к нравственному воспитанию студентов в условиях профессионального образования была проведена диагностика ценностных ориентаций Горно-Алтайского государственного университета. В исследовании приняли участие 170 студентов: 114 студентов биолого-химического факультета (из них 73 – студенты первого курса, 41 – студенты пятого курса) и 56 студентов психолого-педагогического факультета (из них 25- студенты первого курса, 31- студенты пятого курса).

Основная идея проводимого исследования базировалось на следующих утверждениях:

1. В целом аксиологическая подготовка будущих специалистов в вузе является достаточно ограниченной, поскольку в содержание учебных планов образовательных направлений университета не включены специальные курсы аксиологической направленности.

2. Вопросы формирования нравственной культуры в образовательном процессе на сегодняшний день лежат в области общей педагогики и теории воспитания. Как следствие этого целенаправленная работа по организации деятельности студентов, направленная на осмысление общечеловеческих и специальных профессиональных ценностей осуществляется преимущественно при изучении педагогических дисциплин.

3. Естественно-научное образование базируется на традиционных методиках обучения, современные основы которых были заложены в атмосфере абсолютного материализма и атеизма, недостаточного внимания к формированию нравственной культуры студентов. Методологически и методически отшлифованное содержание предметов естественно-научного цикла остается зачастую пустым в нравственном аспекте.

4. Эффективность процесса нравственного развития личности зависит от объективных и субъективных факторов. К объективным факторам нравственного развития студенческой молодежи относятся и возможности образовательного процесса в вузе.

На основе обозначенной идеи исследования была сформулирована рабочая гипотеза: если в процессе диагностики суждений студентов одного факультета о ценностных ориентациях выявятся общие тенденции, это позволит предположить степень влияния содержания и способов организации образовательного процесса специальной подготовки на нравственную культуру и степень соответствия образовательного процесса факультета целям нравственного воспитания будущих специалистов.

Для проведения диагностического исследования была взята методика М. Рокича «Ценностные ориентации». Согласно выбранной методике студентам было представлено два списка ценностей (терминальные - убеждения в том, что какая то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться и инструментальные - убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации) по 18 в каждом. Необходимо было провести прямое ранжирование списка ценностей по значимости. При обработке результатов диагностического исследования были внесены коррективы в традиционную методику. Реально осознавая, что истинное ранжирование приоритетных ценностей по 18 позициям является весьма затруднительным, было решено в результатах эксперимента рассматривать только 5 первых и 5 последних по значимости ценностей, выбранных студентами из общего перечня, как наиболее четко обозначающих позицию испытуемых.

Результаты исследования показали, что ведущими в системе ценностей-целей являются индивидуальные ценности (здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь, наличие хороших и верных друзей и материально обеспеченная жизнь). В нижней части терминальных ценностей расположились альтруистские ценности (счастье других) и абстрактные ценности (красота природы и искусства, познание, творчество). Пренебрежение ценностями познания и ценностью творческой деятельности особенно настораживает, так образовательный процесс в вузе должен стимулировать студентов на познание и творчество. Особых различий в походе к ранжированию терминальных ценностей студентами, получающими естественно-научное и педагогическое образование выявлено не было.

Приоритетными в иерархии инструментальных ценностей названы: воспитанность (во всех опрошенных группах эта ценность занимает лидирующее положение), образованность, ответственность, честность, аккуратность. При этом наблюдаются некоторые различия в выборках студентов первых и пятых курсов. Студенты первых курсов отмечают как особо значимые следующие ценности-средства: жизнерадостность и независимость, в то время как пятикурсники называют рационализм и терпимость (это может быть объяснено возрастными отличиями испытуемых). Кроме того, студенты пятого курса выделяют ценности профессионального самоопределения (аккуратность), а студенты первого курса этическую ценность ответственности. Низкий рейтинг значимости в списке инструментальных ценностей студенты присвоили таким ценностям как непримиримость к недостаткам в себе и других, высокие запросы, широта взглядов (в смысле умения понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы,

обычаи, привычки). Наводит на размышления факты, свидетельствующие о недостаточном внимании студентов получающих педагогическое образование к ценности исполнительности, а студентов естественно-научного направления к эффективности в делах.

Проведенное исследование указывает на то, что без целенаправленной работы осознание студентами ценностей межличностных отношений и абстрактных ценностей не будет достаточно глубоким вне зависимости от направленности профессионального образования. Следовательно, необходимо усиление внимания к специальной аксиологической подготовке и приведения в соответствии образовательного процесса исследуемых факультетов целям нравственного воспитания будущих специалистов.

Теоретический и практический этапы исследования позволили определиться с основными направлениями повышения эффективности работы, направленной на формирования нравственной культуры в естественнонаучном образовании. Эти вопросы были обсуждены и скорректированы в рамках «круглого стола», в котором приняли участие учителя средних образовательных школ г. Горно-Алтайска, Республики Алтай, преподаватели естественнонаучных и социально-философских дисциплин Горно-Алтайского государственного университета, представители деканатов естественно-научных факультетов, методисты отдела воспитательной работы ГАГУ, психологи. В итоге были сформулированы следующие положения:

1. Для достижения эффективности работы по формированию нравственной культуры необходима ее целенаправленность и систематичность, и комплексный подход.

2. В работе должны быть задействованы все уровни естественно-научного образования (включая дополнительное образование детей, послевузовское и дополнительное образование взрослых)

3. Необходима разработка программ спецкурсов экологической, аксиологической, этнокультурной и историко-химической направленности с учетом специфики профессиональной подготовки обучаемых.

4. Необходимо разработать методические материалы для сопровождения содержания курсов естественно-научной подготовки.

5. Необходимо совершенствовать комплект диагностических материалов для оценки уровня нравственной культуры обучаемых.

6. Решение проблемы формирования нравственной культуры в естественно-научном образовании связано с психологической перестройкой педагогических кадров, их специальной психолого-педагогической подготовкой, вследствие чего необходимо разработать рекомендации для подготовки и переподготовки преподавателей предметов естественно-научного цикла.

7. Необходимо организовывать систематическое обсуждение опыта работы по формированию нравственной культуры в системе естественно-научного образования, в том числе в режиме интерактивного обсуждения на сайте вуза, форумах, расширение числа заинтересованных лиц в обсуждаемой проблеме.

Литература

- 1.Видов, С.В. Святоотеческая антропология в контексте современных проблем воспитания / С.В. Видов //Философско-педагогические и религиозные основания образования в России: история и современность: Четвертые Покровские образовательные чтения – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2006. - С.188-190.
2. Интеграция базового и дополнительного образования как основа духовно-нравственного воспитания учащихся: программа «Научное, научно-методическое, материально-техническое и информационное обеспечение системы образования»; рук. Петракова Т.И. (<http://lotec.narod.ru/prog>).
- 3.Новейший философский словарь /ред.-сост. Грицианов А.А. Изд.2-е испр. – М.: Книжный Дом. – 2001. - 1280 с.
- 4.Левчук, Д.Г., Потаповская О.М. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы / Д.Г. Левчук, О.М. Потапова - М.: Издательство "Планета 2000". – 2002.
- 5.Петракова, Т.И. Ценностный потенциал базового образования в духовно-нравственном воспитании учащихся: Монография / Т. И. Петракова; Институт общего образования МО России // Образование: исследовано в мире: Международный научный педагогический Интернет-журнал с библиотекой-депозитарием (<http://www.oim.ru/reader.asp>).

В.Г. Ушакова, Н.В. Долгова, Л.В. Чубинидзе

**Мониторинг, системный анализ и оценка социально-экономических и природных факторов, влияющих на общий уровень здоровья населения горных территорий (на примере Республики Алтай)
(Проект № 07-06-61605a/Т)**

Обобщение и анализ данных многолетнего мониторинга загрязнения территории Республики Алтай химическими веществами и сопоставление полученных результатов с данными социального мониторинга и демографической ситуацией и в регионе позволили выявить характер и интенсивность воздействия поллютантов природного и техногенного происхождения на здоровье населения и построить некоторые корреляционные зависимости.

Экологические и социальные проблемы, обусловленные спецификой географического положения, геофизическими и климатическими особенностями, характерными для горных территорий, тесно связаны с условиями проживания и здоровья населения. На примере изучения демографической ситуации в Горном Алтае установлено, что социальный статус населения горных территорий значительно ниже, чем населения проживающего на равнине. Это обусловлено отсутствием достаточного количества рабочих мест, влекущем рост безработицы. Так, занятость населения в высокогорных районах республики на 15-20 % ниже, чем в

низкогорных. Население отдаленных горных районов в меньшей степени обеспечено медикаментами, витаминами. Рацион его питания менее разнообразен, обеднен свежими овощами и фруктами. У него нет выбора даже в использовании питьевой воды: в условиях практически 100% отсутствия централизованного водоснабжения население пьет природную воду со всеми ее химическими составляющими, а в отдаленных горных районах еще и не подвергающуюся никакому санитарно-гигиеническому контролю.

Социальные проблемы населения высокогорных районов республики сопряжены с еще более серьезными экологическими, которые, как и в большинстве горных стран, имеют как природное, так и антропогенное происхождение.

Особо опасным в следует считать химическое загрязнение окружающей природной среды, в настоящее время, достигло высокого уровня в глобальном масштабе, что означает проникновение высокотоксичных химических веществ в природную среду регионов значительно удалённых от промышленно развитых. В результате этого, практически неконтролируемого, процесса планета оказывается вовлечённой в процесс трансформации химических веществ различного уровня воздействия: опасных; потенциально опасных, безвредных, пролонгированного действия; взаимодействующих друг с другом и с природными веществами; внедряющихся в животные и растительные организмы.

Последствия внедрения многообразных химических веществ в природные объекты в естественных условиях непредсказуемы. Как правило, «скоростное» внедрение химических веществ в организм опережает выработку и развитие адаптационных процессов у человека и других популяций. Изменение окружающей природной среды под влиянием химического загрязнения приводит к появлению у последующих поколений «насилованных» генетически обусловленных изменений.

Природные химические загрязнители, преимущественно тяжелые металлы, имеют на территории Горного Алтая четкую локализацию, приуроченную к четырем основным рудным районам. Приоритетные для изучаемой территории химические загрязнители природного и техногенного характера были сгруппированы по их источникам (*схема 1*). Как видно, воздействие природных поллютантов на окружающую среду обусловлено естественной миграцией и накоплением в депонирующих средах. Загрязнение различных объектов региона наиболее такими металлами как медь, цинк, свинец, железо, кобальт, никель, марганец, хром, кадмий и др. не отличается от такового на территории Западной Сибири.

Были рассчитаны средние значения содержания тяжелых металлов для 7 районов Республики Алтай по данным 2003-2007 гг. Результаты расчетов (с ошибками среднего) приведены в таблице. Жирным шрифтом выделены районы с максимальным содержанием тяжелых металлов. В тех случаях, когда ошибка среднего составляла менее точности исходных данных 0.01 мг/кг, она не приводилась. Как видно из таблицы, максимальный уровень меди, цинка, свинца и бериллия достигается в Шебалинском районе, близкие значения наблюдаются в Онгудайском районе. Высокий уровень фона кадмия

- в Онгудайском и Усть-Канском районах, хрома – в Турачакском. Кош-Агачский район отличается высоким содержанием ртути и таллия, а Усть-Канский – мышьяка. Максимальные концентрации кобальта отмечаются в Усть-Коксинском и Майминском районах, а марганца – в Шебалинском.

Особую опасность для окружающей среды представляет ртуть и некоторые сопутствующие ей элементы. Выявлено, что ртутным киноварным месторождениям, рудопоявлениям и минерализациям сопутствует Tl. Его изоконцентраты практически совпадают с территорией наибольшей плотности минералов Hg, достигая максимальных значений 25,0-30,0 мг/кг в районах цинково-медно-свинцовых проявлений в бассейнах рек Песчаная, Чарыш, Шаргайта. В этом случае Tl, наряду с Hg, был отнесен к опасным природным химическим загрязнителям региона. Кроме того, Tl поступает на территорию республики с трансграничным переносом выбросов горно - перерабатывающих и обогащительных комбинатов Восточного Казахстана, на территории которого расположен Змеиногорский рудный массив с аномальным проявлением Tl. В рудах массива

**Средние значения (с ошибками среднего) концентрации тяжелых металлов в почвах
7 районов Республики Алтай по материалам 2003-2007 гг.**

Район исследования	Cu	Zn	Pb	Cd	Be	Mn	Cr	As	Co	Hg	Tl
Турачакский	32,3 ±0,1	74,4 ±0,3	19,0 5±0,06	0,07	0,93	954±3	96,6 ±0,8	7,47±0,05	10,55±0,03	0,037	4,03 ±0,02
Кош-Агачский	15,2 ±0,1	63,8 ±0,3	17,6 1±0,03	0,06	0,99±0,01	897±2	90,9 ±0,3	4,84±0,02	12,14±0,05	0,0518	4,80 ±0,01
Усть-Коксинский	34,6 ±0,1	88,2 ±0,2	19,7 3±0,4	0,07	0,98±0,01	957±3	88,1 ±0,3	6,82±0,04	14,06 ±0,05	0,046	3,05 ±0,01
Усть-Канский	26,1 ±0,1	75,1 ±0,3	17,9 9±0,05	0,11 ±0,01	1,31±0,01	966±4	71,6 ±0,3	8,92 ±0,05	13,03±0,06	0,0406	3,89 ±0,02
Майминский	22,6 ±0,1	70,4 ±0,2	19,7 9±0,05	0,08 3	1,21±0,01	1075±2	76,2 ±0,1	7,47±0,02	13,92 ±0,05	0,0272	3,71 ±0,01
Онгудайский	40,0 ±0,05	100,4 ±0,4	40,7 ±0,1	0,12	1,99±0,01	987±1	36,8 ±0,1	7,50±0,02	13,24±0,02	0,039	3,26 ±0,01
Шебалинский	45,0	99,8	45,2	0,08	2,5 ±0,1	1109	32,6	5,60±0,03	11,70	0,027	3,29

	1	±0,4	±0,1		,01	±1	±0,1	0,02	±0,02		±0,0
	±0,0										1
ПДК	5										
	100,	23,0	32,0	5,0-	10,0	1500	6,0	2,0	-	2,1	
	0										

концентрация этого элемента колеблется в пределах 0,56-0,80 г/т, и зараженность руд Тl считается региональной (Иванов В.В., 1966). Таким образом, на территории Горного Алтая суммируются два источника поступления элемента в объекты ОПС – природный и антропогенный (трансграничный), что значительно увеличивает его концентрацию. В биоту г. Горно-Алтайска Тl поступает с выбросами предприятий топливно – энергетического комплекса (ПТЭК) при сжигании каменных углей Кузнецкого бассейна, содержание элемента в золе которых составляет 0,1-0,5 г/т. По негативному воздействию на организм (гонадотоксичность (а) и нейротоксичность (б) таллий стоит на первом месте в убывающих рядах токсичных элементов: а) таллий-кадмий-ртуть-мышьяк-барий, мышьяк-барий, хром-никель-цинк; б) таллий-ртуть, свинец-серебро-барий-никель-хром-цинк. По воздействию на почки (нефротоксичность) этот элемент занимает третье место по в ряду: кадмий-ртуть-таллий, цинк-никель-хром-барий-серебро.

Распределение содержания таллия по районам. показано на рис.1

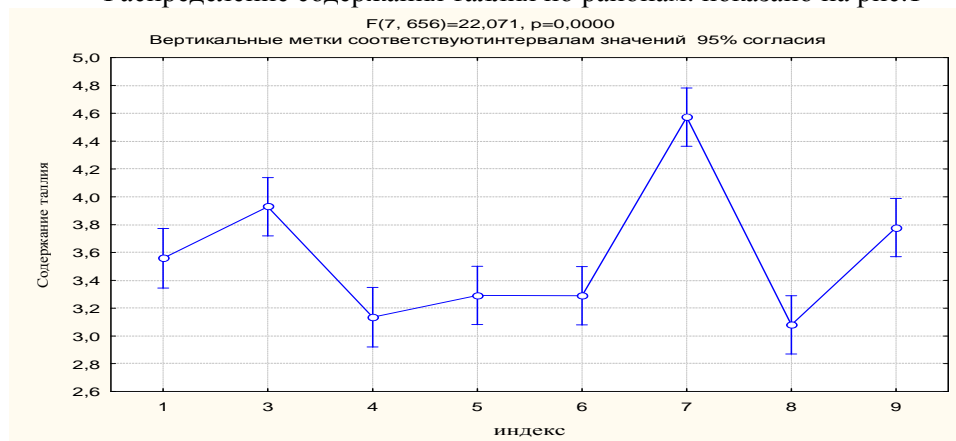

Рис.1. Распределение содержания таллия в почвах по районам Республики Алтай.

Индексы районов: 1 – Майминский, 2 – Чойский, 3 – Турачакский, 4 – Шебалинский, 5 – Онгудайский, 6 – Улаганский, 7 – Кош-Агачский, 8 – Усть-Канский, 9 – Усть-Коксинский.

Из рисунка 1 видно достоверное различие содержания таллия в районах. На рисунках 2 и 3 приведены распределения для содержания таллия и ртути в почвах по РА. В заголовках диаграмм приведены значения статистик Колмогорова-Смирнова - d, Шапиро-Уилка - W, а также вероятности согласия полученных данных с нормальным распределением согласно этим тестам, а также тесту Лиллифорса.

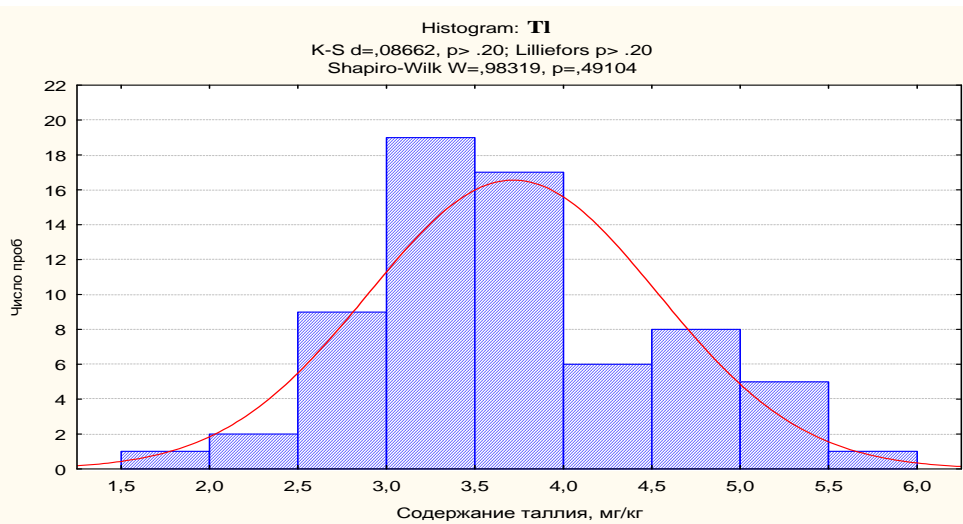

Рис.2. Распределение содержания таллия в почвах 8 районов РА (Майминского, Турачакского, Шебалинского, Онгудайского, Улаганского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Усть-Коксинского).

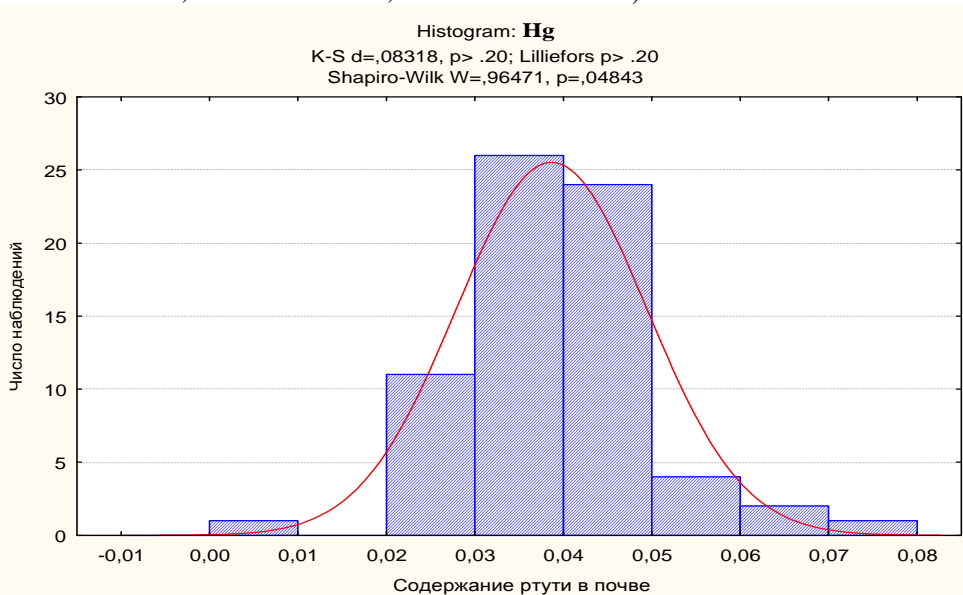

Рис.3. Распределение содержания ртути в почвах 8 районов РА (Майминского, Турачакского, Шебалинского, Онгудайского, Улаганского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Усть-Коксинского).

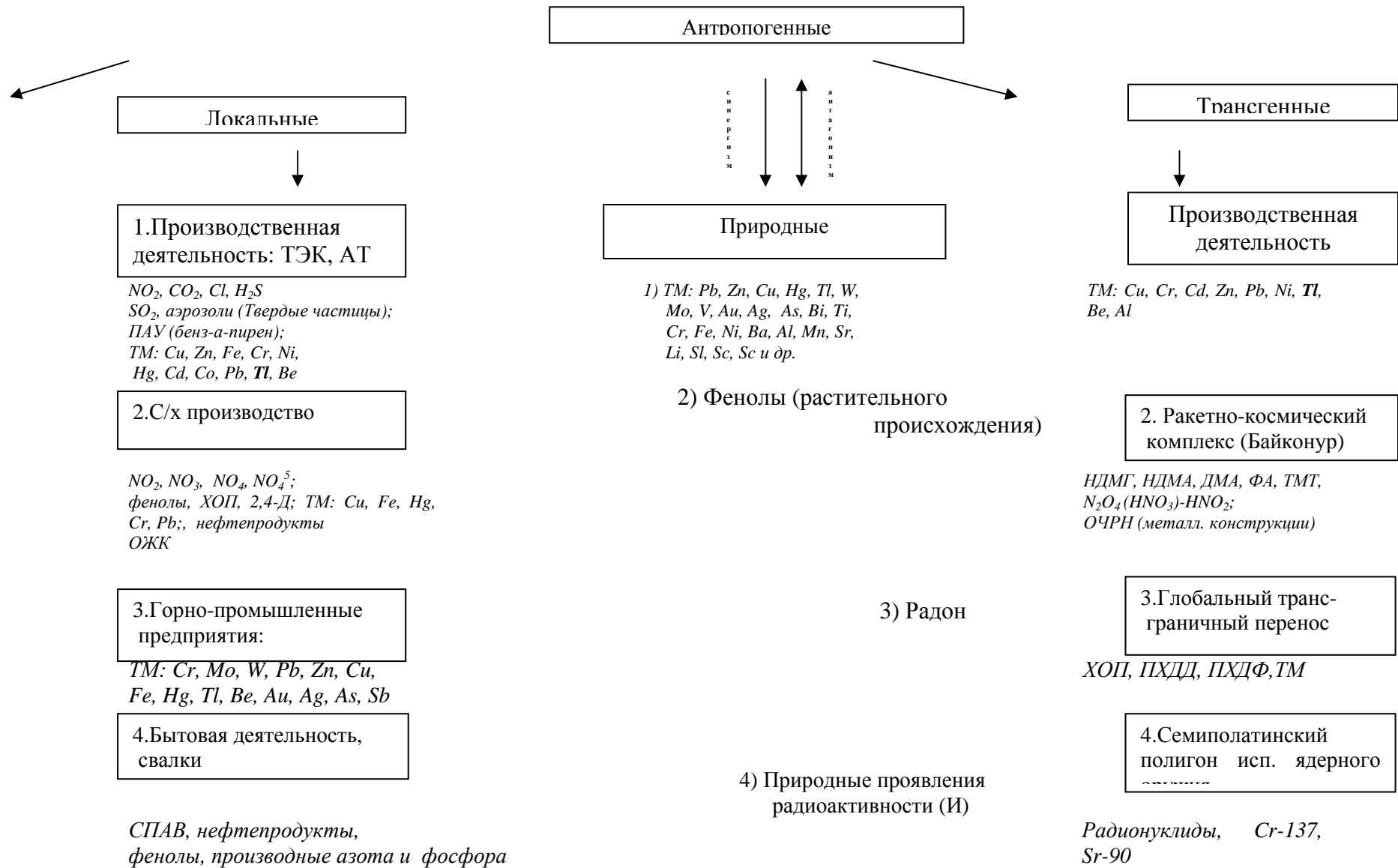

Схема 1. Приоритетные загрязнители территории Республики Алтай (природные и техногенные)

Как видно из рисунков для таллия и ртути вполне удовлетворительным можно признать описание данных нормальным распределением,

Практически повсеместно в подземных водах и в почвах республики присутствует Ве. Аномальные концентрации этого элемента зафиксированы в почвах Кош-Агачского и Усть-Канского районов, рис. 4. Бериллий как и таллий является высокотоксичным элементом, вызывающим онкогенез у человека.

Рис.4. Распределение содержания бериллия в почвах 8 районов РА (Майминского, Турачакского, Шебалинского, Онгудайского, Улаганского, Кош-Агачского, Усть-Канского, Усть-Коксинского).

Из рис.4 отчетливо видно, что кривая распределения бериллия подчиняется логнормальному закону.

Факт наличия Hg, Tl и Ве объектах окружающей природной среды Горного Алтая послужил причиной проведения корреляции результатов изучения онкоэпидемиологической ситуации в республике с аномальными проявлениями этих элементов. Стандартный индекс смертности от новообразований всех локализаций отчетливо сопоставим с аномальным распределением Hg, Tl в почвах региона, рис. 5-10. Аналогичные корреляции установлены для онкозаболеваний трахеи, бронхов, легких и печени, напротив онкозаболевания крови и лимфы коррелируют с повышенными выбросами природного радона и естественной радиоактивностью, а желудка с повышенным содержанием Ве. Высокое содержание Ве в атмосфере г. Горно-Алтайска (0,2-7,0 ПДК) может являться одной из реальных причин высокой онкосмертности в городе.

Что касается других химических загрязнителей, в частности компонентов ракетного топлива и их метаболитов, то сколько-нибудь отчетливо выраженных корреляций связанных с ореолами их распространения в объектах ОПС и здоровьем населения нами не выявлено. Эти загрязнители проявляются в высокогорных, малонаселенных районах. Благодаря высокой химической активности быстро трансформируются и утилизируются. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов высокую токсичность НДМГ, окислителя и их метаболитов, в особенности НДМА, ФА и др., НДМГ и окислитель в виде аэрозолей могут распространяться на значительные расстояния в направлении преимущественных румбов «розы ветров», характерной для горных территорий. Оседая аэрозоли загрязняют гептилом поверхностный слой почвы и растения, и при хроническом воздействии, формируют места «локально-мозаичного» загрязнения территории. Выявление и оконтуривание таких мест, превращение их в естественные полигоны

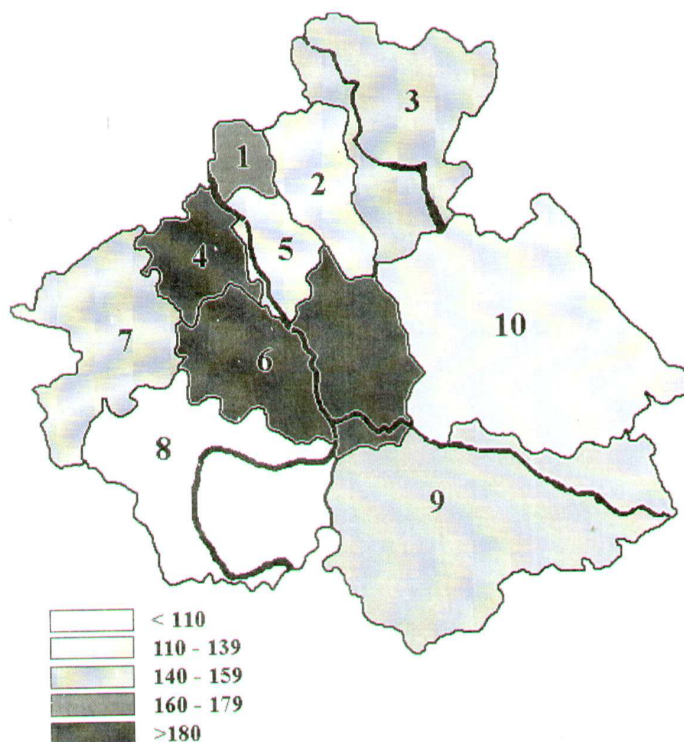
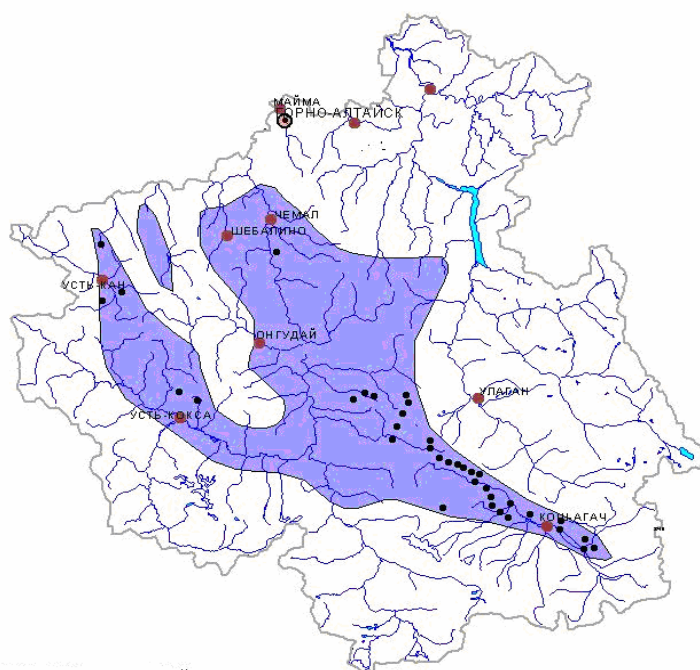

Рис 5. Распределение стандартизованного показателя онкосмертности населения по административным районам Республики Алтай. (все локализации). Названия районов в рис.1.

- месторождения и проявления ртути
 - - прогнозируемые области наибольшей плотности минералов ртути
- Рис. 6. Область ртутной минерализации.

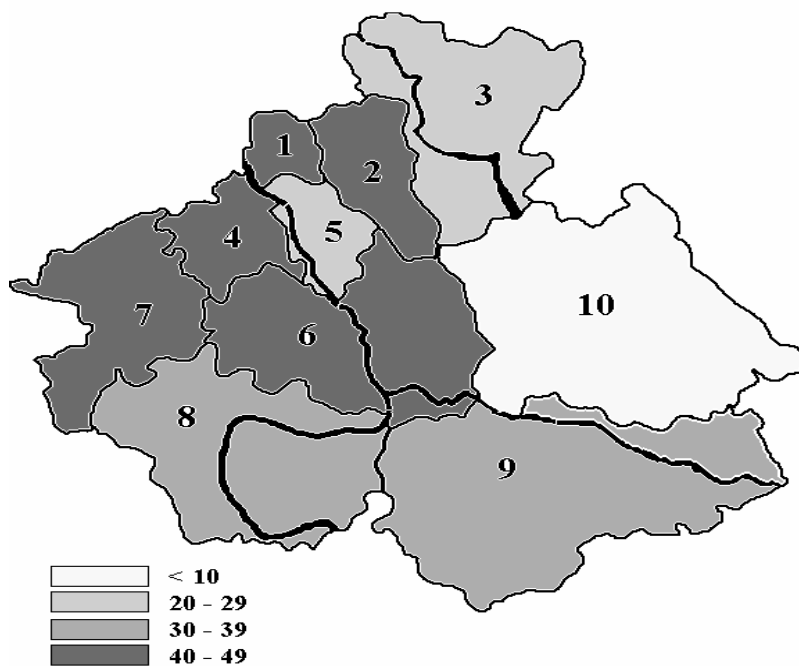

Рис. 7. Распределение стандартизованного показателя онкосмертности населения по административным районам Республики Алтай. (трахея, бронхи, легкие). Обозначения в рис.1.

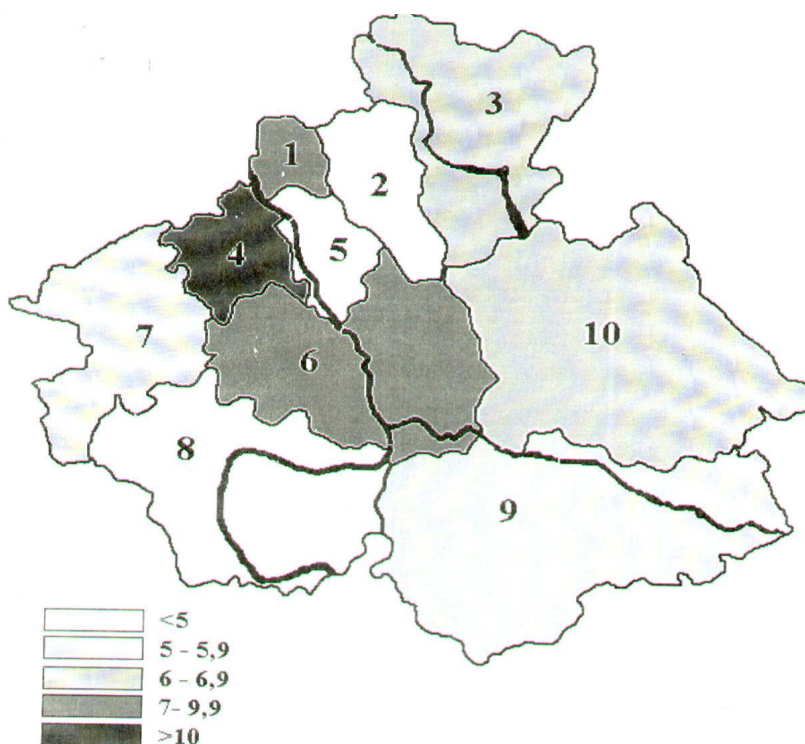

Рис. 8. Распределение стандартизованного показателя онкосмертности населения по административным районам Республики Алтай. (печень). Обозначения в рис. 1.

целенаправленного изучения воздействия НДМГ и N_2O_4 на биоту, изучение условий их трансформации в природных условиях должно явиться одной из первоочередных задач экомониторинга территорий, подверженных действию деятельности ракетно-космических комплексов. Так как в основе токсического действия НДМГ лежит его взаимодействие с пиридоксаль-фосфатом, являющимся основной коферментной формой витамина B_6 , то основным признаком поражения организма этим ксенобиотиком является острый дефицит этого витамина. Данный признак должен явиться определяющим при проведении санитарно-гигиенических

мониторинговых исследований и организации мероприятий по реабилитации здоровья населения, подверженного воздействию НДМГ.

По степени негативного проявления выявленных химических загрязнителей и результатам анализа медико-демографической ситуации проведено ранжирование территории Республики Алтай. Выделены три категории территорий

1. Территории, на которых выявлено сочетанное синергетическое природное и антропогенное химическое загрязнение. Сюда относятся:

- районы проявления тяжелых и особо токсичных (Hg, Tl, Be) металлов в сочетании с выявленной негативной онкоэпидемиологической обстановкой: Майминский, Щебалинский, Онгудайский, Усть-Канский, Кош-Агачский и г. Горно-Алтайск;

- районы постоянного проявления природного γ -поля и радононосности: Турочакский (п.п. Турочак, Дмитриевка, Сретинка и др.); Шебалинский (р. Песчаная, п. Шаргайта); Майминский (Бирюлинско-Урлоспакский участок Кош-Агачский (Калгутинский, Южно-Чуйский участки); г. Горно-Алтайск (локализованные участки).

2. Территории, где химическое загрязнение носит преимущественно антропогенный характер, химические вещества лабильны, легко трансформируются и подвергаются деструкции с последующей утилизацией. Сюда относятся:

- районы развитой сельскохозяйственной деятельности, в результате которой в ОПС поступают традиционные загрязняющие вещества, неорганические формы азота, фосфаты, фенолы, СПАВ, нефтепродукты и др. (Майминский, Усть-Коксинский, Чемальский, Чойский);

- районы падения ОЧРН, подверженные загрязнению НДМГ и его метаболитами (РП-326 часть Улаганского района, РП-327, часть Онгудайского, Шебалинского, Чемальского, Улаганского, Турочакского и Майминского районов). Эти участки удалены от населенных пунктов, расположены в труднодоступных местах, тем не менее необходимо учитывать и контролировать аэрозольное загрязнение, его пространственную протяженность и количественные характеристики.

3. Территории, на которых химическое загрязнение узко локализовано и образует точечные устойчивые, длительно функционирующие места загрязнения. Сюда относятся, в основном, населенные пункты ряда районов, где:

- сильнодействующие химические вещества (пестициды, ядохимикаты и др.) складированы и хранятся с нарушением Норм и Правил, утвержденных в установленном порядке (Онгудайский, Турочакский);

- функционируют горнодобывающие предприятия, использующие в системе производства токсичные химические вещества: Золотоизвлекательная фабрика п. В. Сейка, Чойский район (ртутное амальгамирование, кучное выщелачивание цианидом натрия); предприятия перерабатывающие отходы; п. Акташ, Улаганский район.

Комплексный анализ химического загрязнения территории Республики Алтай и медико-географической ситуации позволил разработать некоторые рекомендации, которые могут быть положены в основу управленческих решений в области охраны окружающей природной среды и природопользования, а также послужить руководством к действию при оценке экологического состояния горных территорий.

1. При организации научных исследований по комплексной оценке экологического состояния горных территорий важно **учитывать** природную и антропогенную составляющую химического загрязнения с комплексной оценкой доли влияния каждой из них на развитие экосистем в регионе.

2. Изучение специфики воздействия химических веществ на окружающую природную среду должно **основываться** на предварительных исследованиях их химической активности в условиях максимально приближенных к природным, поможет понять особенности поведения ксенобиотиков в природных объектах, обоснованно разработать программу научных исследований и своевременно принять меры по снижению негативных последствий химического загрязнения природы.

3. Важным аспектом оценки состояния экосистемы должно стать **унифицирование информационных документов и банков данных** по химическому загрязнению, что позволит при квалифицированном анализе получить отчетливую картину происходящих изменений под влиянием приоритетных ксенобиотиков с последующим прогнозированием динамики экосистем и предотвращению нежелательных тенденций в их развитии.

4. Одним из важнейших направлений развития современной экотоксикологии и экохимии должно стать пересмотрение санитарно-гигиенических нормативов содержания редких

рассеянных элементов в объектах окружающей среды в виду их возрастающего негативного воздействия, как это выявлено в случае таллия в окружающей среде Горного Алтая.

5. Для успешного решения экологических проблем на региональном уровне необходимы:

- разработка доступных методов и приемов математического моделирования в области экологических исследований;
- унификация методов расчета экологических рисков и методов экологического нормирования применительно к нуждам регионов.
- инструментальное обеспечение аналитических исследований.